

ISSN 1729-4924

БЮЛЛЕТЕНЬ

**ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ**

№ 62

Владикавказ 2022

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 1998 г.

Учредитель – Владикавказский институт управления

Редакционный совет: В.Д. Дзгоев, З.И. Салбиева, К.Х. Туганов,
А.В. Черджиев, М.В. Цуциева

Редакция: В.В. Тадтаева., О.Х. Качмазов,
З.М. Бурнацева, А.В. Гагиева,
Г.Г. Гогинашвили,
Н.Ю. Туаева (научный редактор)

Бюллетень публикует статьи, посвященные проблемам права, экономики, образования, этнополитической и социально-экономической ситуации в России и мире, переводы статей зарубежных ученых, материалы конференций и круглых столов, проводимых Владикавказским институтом управления, научную хронику и рецензии.

Материалы Бюллетеня отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией учредителей, редакционного совета и редакции.

Электронная версия Бюллетеня выставлена на сайте института www.viu-online.ru.

При использовании ссылка на материалы Бюллетеня обязательна.

Адрес редакции:

362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел: (8672) 540499, факс: (8672) 541580
E-mail: viu-online@mail.ru

ISSN 1729-4924

**Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

© Владикавказский институт управления, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Бичегкуев А.К., Айдарова Н.Г. Понятие и сущность договора аренды недвижимого имущества	5
Гугкаев К.Б., Макиев С.А. Становление законодательства о наследственных фондах	10
Джагаев А.В., Бузарова Н.Х. Некоторые вопросы квалификации организации незаконной миграции	14
Хинчагова Э.Г., Айдарова Н.Г. Теоретические и практические аспекты признания гражданина недееспособным	23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВА

Гагоева А.М., Титова М.Н., Джioева М.И., Келехсаева М.В. Проблемы обеспечения экономической безопасности: опыт России и зарубежных стран	27
Миндзаев М.А. Осетинский нартский эпос – культурная тропа из прошлого в настоящее	39
Осипов Н.Г., Айдарова Н.Г. Особенности принудительного изъятия земельных участков в РФ	53
Цалиев А.М., Каболов В.В. О реформе местного самоуправления в 2023-2028 годах	58

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Аладжикова А.Р., Рассказов М.Ю. Понятие и признаки экстремизма как правового явления	71
Алборова А.А., Хатаев И.Е. Некоторые вопросы определения тенденций преступности в современном мире	80
Билаонова В.Т., Качмазов О.Х. К вопросу определения объекта халатности	88
Гаглоев С.К., Рассказов М.Ю. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства об ответственности за изнасилование	96
Гончарова А.С., Качмазов О.Х. Некоторые проблемы реализации уголовной политики и ее влияние на профилактику правонарушений	102

Золоев Х.В., Качмазов О.Х. Стандарты согласия в рамках состава изнасилования	107
Казахова А.О., Бузарова Н.Х. Уголовно-правовые и иные юридические последствия совершения малозначительного деяния	116
Качмазов О.Х., Цориева Е.С. Проблемы предупреждения мошенничества в сфере страхования.....	126
Кокаева В.Э. Правовые проблемы моратория на смертную казнь в Российской Федерации	134
Кораева Н.К., Качмазов О.Х. Проблемы квалификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	143
Маргиева М.Р., Рассказов М.Ю. Физическое насилие как способ совершения преступления	149
Санакоев Х.-М. С., Челохсаев О.З. Организация преступного сообщества и (или) участие в нем	155
Хабаев М.О., Челохсаев О.З. Принудительные меры воспитательного воздействия и проблемы их применения	159
Хадикова М.А., Бузарова Н.Х. Уголовно-правовые и иные средства охраны отношений в сфере кредитования	164
Хинчагов А.Д. Лишение свободы на определенный срок как вид наказаний, связанных с изоляцией осужденных	172
НАШИ АВТОРЫ	178

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А. К. Бичегкуев, Н. Г. Айдарова

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В статье рассматриваются становление и развитие арендных отношений в современной России. Анализируются предмет, сущность, содержание и существенные условия договора аренды недвижимого имущества. Рассматриваются понятие и виды недвижимого имущества.

Ключевые слова: арендные отношения, современная Россия, условия договора аренды, недвижимое имущество.

Институт аренды (имущественного найма) имеет многовековую историю, берущую свои истоки еще с древнеримского права. С течением истории арендные отношения стали неотъемлемой частью делового оборота, следствием чего стало их закрепление в различных правовых системах стран мира. В частности, отношения, связанные с временным владением и пользованием вещи лицом, принадлежащей другому лицу, были широко распространены на территории Древнерусского государства.

В настоящее время аренда представляет собой отношения между арендодателем – лицом, предоставляющим за плату имущество, принадлежащее ему на праве собственности, во временное владение и пользование другому лицу – арендатору, который, в свою очередь, данное имущество принимает и обязуется вносить за него арендную плату. Основанием возникновения арендных отношений между арендодателем и арендатором является заключаемый между ними договор.

Одним из наиболее распространенных на практике видов арендных отношений является аренда недвижимого имущества. Рассуждая о факторах, способствовавших укоренению данного института в отечественной практике, следует отметить то, что развитие рыночных отношений 1990-х годах в России стало катализатором появления различных форм собственно-

сти. В результате изменения экономических основ общества развитие получили частная собственность и индивидуальное предпринимательство, появились юридические лица с различными организационно-правовыми формами. Все эти обстоятельства способствовали возникновению и стремительному развитию договора аренды недвижимого имущества в жизнедеятельности государства и общества.

Анализируя понятие и сущность договора аренды недвижимого имущества, считаю, что отдельно следует обратить внимание на то, что является его предметом в данном случае это «недвижимость». Первые упоминания о недвижимости встречаются ещё в дореволюционном российском праве. В частности, такая категория как «недвижимое имущество» упоминалась еще в Указе Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. и в дальнейшем получила широкое распространение в отечественных нормативных актах, теории и практике. С 1835 г. в России вступил в действие систематизированный акт – Свод законов Российской империи. В ч. 1 ст. 383 т. 10 Свода законов определялось, что имущество делится на две категории: движимое и недвижимое. Недвижимым имуществом признавались «земли, которые делились на населённые и ненаселённые (называемые порожними землями, степями и другими наименованиями), и всякие угодья, деревни, дома, заводы, лавки, строения, а также железные дороги и водоёмы» [1].

Легальное определение понятия «недвижимое имущество» возникло в отечественном законодательстве относительно недавно. Оно было закреплено в «Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 1991 г. [2]. Данный документ делил имущество на две категории: недвижимое и движимое. Так, согласно статье 4 данного акта к недвижимому имуществу были отнесены «земельные участки и все, что прочно с ними связано, как-то: здания, сооружения, предприятия, иные имущественные комплексы, многолетние насаждения». Приведенный перечень являлся открытым, т. к. иными законодательными актами к недвижимому имуществу могли быть отнесены иные объекты.

Следует констатировать то, что на сегодняшний день договор аренды недвижимого имущества является одной из наиболее распространенных гражданско-правовых сделок. Его

особенностью является то, что, достигая формальной договоренности, арендатор и арендодатель удовлетворяют потребности друг друга. Арендодатель, обладая правом собственности на недвижимое имущество, считает целесообразным извлечь из нее прибыль посредством получения так называемого «пассивного дохода», тогда как арендатор, как правило, являющийся субъектом предпринимательства, желает осуществлять свою коммерческую деятельность, используя данную недвижимость.

Вопрос о существенных условиях всякого договора традиционно рассматривается как вопрос о наличии самой сделки – существенными признаются условия, согласование которых необходимо для признания договора заключенным.

Согласно общепринятому мнению, существенным условием договора аренды недвижимого имущества является его предмет. Сложно не согласиться с указанной позицией, ведь именно определенность относительно самого объекта аренды является главенствующим началом в процессе заключения договора аренды недвижимого имущества. Данный тезис нашел неоднократное подтверждение в правоприменительной практике.

По мнению В.В. Витрянского, к существенным условиям договора аренды недвижимого имущества также относятся срок и стоимость (размер арендной платы) [3]. Его позиция предопределена нормой п. 1 ст. 654 ГК РФ, согласно которой при отсутствии согласованного сторонами в письменной форме условия о размере арендной платы и срока, договор аренды здания или сооружения считается незаключенным.

Вместе с тем следует учитывать, что специфика правового регулирования отдельных разновидностей аренды может проявляться и в том, что для отдельных договоров аренды существенными признаются и другие условия [4].

В соответствии со ст. 130 ГК РФ, к недвижимым вещам относятся (недвижимое имущество, недвижимость) земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесе-

но и иное имущество. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

Анализируя статью 130 ГК РФ, можно определить следующие важные признаки недвижимого имущества:

1) неразрывная связь с землей, которая подразумевает невозможность отделения объекта от земли без существенного нанесения ущерба его функциональности и назначению; следовательно, недвижимость носит статичный характер;

2) недвижимое имущество обладает наибольшей стоимостью по сравнению с любыми другими вещами, как объектами гражданских правоотношений;

3) пользование недвижимыми вещами, а тем более распоряжение ими, затрагивает интересы не только собственников и правопреемников, но и более или менее широкого круга лиц, а во многих случаях – и государства, общества в целом.

В то же время нельзя говорить об абсолютной достаточности указанных признаков. Так, современные технологии позволяют передвигать здания, которые, без сомнения, всегда в юридической литературе относились к недвижимым объектам. К тому же сегодня частым объектом гражданских правоотношений стали сборно-разборные предметы, которые можно собрать и разобрать в любом месте. В качестве примера можно привести не только павильоны, гаражи, навесы, но и масштабные торговые и производственные комплексы [5].

Таким образом, «к недвижимости следует отнести материально реализованные, существенные по объему и стоимости объекты, большинство из которых связаны с землей и зависимы от неё. Гражданский оборот таких объектов – в силу их особой общественной значимости связан с системой государственной регистрации прав и их перехода специально уполномоченными на то государственными органами».

Среди ученых-цивилистов нет единого мнения в вопросе установления критериев, определяющих признаки арендуемых недвижимых объектов.

Как считает С.В. Алексеев, «право собственности на недвижимое имущество или на только созданное недвижимое

имущество может возникнуть с момента государственной регистрации в соответствии со ст. 219 ГК РФ» [6]. Статья 219 ГК РФ имеет действие не только при первоначальных формах, но и при производных способах приобретения собственности на недвижимые объекты, так как правовой режим использования должен быть сохранен в соответствии с гражданским законодательством.

При этом следует учитывать, что до обязательной государственной регистрации недвижимого имущества, вновь созданные объекты не рассматриваются как недвижимые объекты, что может означать, что они могут рассматриваться как «движимые».

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения О.Ю. Скворцова, отмечающего: «Признаки недвижимости как объекта гражданских прав определены в законе и, следовательно, недвижимость не может возникнуть в силу государственной регистрации прав на нее. Государственная регистрация – явление вторичного порядка, которое не отменяет и не изменяет статуса вещи, а лишь фиксирует права на нее. В противном случае пришлось бы говорить о том, что государственная регистрация является первоначальным способом приобретения прав на недвижимое имущество» [7].

По нашему мнению, целью регистрации объекта недвижимости является признание его функциональных качеств именно как качеств объекта недвижимости, а также признание государством соответствия объекта определенным потребительским качествам, проверка соблюдения соответствия техническим, строительным и иным аналогичным требованиям. Регистрация объекта недвижимости является юридическим фактом, необходимым для дальнейшего функционирования объекта в качестве недвижимого имущества.

Таким образом, важность института арендных отношений в реалиях современной действительности сложно переоценить. В настоящее время с ростом предпринимательской активности граждан увеличивается практическая значимость договора аренды недвижимого имущества. Вместе с тем, несмотря на достаточно объемный массив имеющейся теоретической базы, методология применения арендных отношений на практике нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Примечания

1. Законодательные акты России. М., 2005. Т. 5.
2. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1/.
3. Ветрянский В. В. Договор аренды и его виды. М.: Статут 1999. С. 89.
4. Гражданское право. Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонга-ло. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. Т. 1. С. 257.
5. Суханов Е. А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 78.
6. Суханов Е. А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 78.
7. Скворцов О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. Учебно-практическое пособие. М.: Волтерс-Клувер, 2016. С. 172.

К. Б. Гугкаев, С. А. Макиев

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ФОНДАХ

В статье предпринята попытка анализа российского и зарубежного законодательства о наследственных фондах. Возможность решения многих проблем, возникающих при наследовании по завещанию, заложена в изменениях, внесенных в Гражданский кодекс РФ, закрепляющих создание нового субъекта наследственного права – наследственного фонда, имеющего многовековую историю по собственному формированию и функционированию в юрисдикциях большинства государств.

Ключевые слова: гражданское право, наследственное право, наследственные правоотношения, наследственный фонд, институт наследования.

После перехода российской экономики на рыночные отношения произошли кардинальные изменения в законодательстве, в том числе в наследственном праве. В этой связи в предпринимательской среде появляется запрос на формирование

инструмента, позволяющего принимать во внимание волеизъявление собственника по управлению и использованию актива, оставшегося после его смерти. Таким инструментом стал наследственный фонд, на формирование которого, безусловно, оказали влияние и соответствующие институты, активно применяющиеся в юрисдикциях других государств.

Наследственный фонд РФ является своего рода суррогатом траста, инструмента, которым пользуются владельцы больших капиталов во всем мире. В традиционном понимании траст представляет собой специальную структуру, позволяющую управлять активами. Эта структура обычно проходит регистрацию в офшорных безналоговых юрисдикциях.

Первый траст был основан в Англии, в XI столетии. Но нужно отметить, что еще Аристотель приводил в своих работах описание принципов и основ формирования трастовых отношений [1]. Также трастовые отношения регулировались и нормами римского права, в котором функционировал институт фидеикомисс (другая версия – фидеикомис, от латинского *fideicommissum*, что в переводе означает «доверие», и *committere*, что переводится как «вверять»), представляющий собой разновидность завещания. Фидеикомисс мог применяться и по отношению к третьим лицам, не являющимся наследниками. К примеру, наследодатель имел право возложить на своего должника обязанность по возвращению задолженности определенному лицу, которое не всегда являлось наследником [2].

Законодательство, регламентирующее трасты, стало активно развиваться в средневековой Англии в период крестовых походов. Землевладельцы, участвовавшие в них, передавали свои земельные права лицам, к которым они относились с доверием. Однако по возвращении они сталкивались с тем, что лица, которым вверена была земля, не хотели отдавать право собственности назад. «Общее право» на тот момент не закрепляло право предыдущего владельца требовать возврата ему ранее переданного имущества, так как для судебных органов в качестве единственного собственника выступал юридический обладатель титула. С целью решения данного вопроса, не урегулированного в «Общем праве», был основан Суд справедливости, в компетенцию которого вошло рассмотрение такого рода дел. Лорд-канцлер имел право объявить, что право собственности на «капитал» (по справедливости) принадлежит еще одному че-

ловеку, «если так велела совесть» [3]. Суд справедливости мог установить, что настоящим владельцем или выгодоприобретателем собственности является не тот, который владеет соответствующим юридическим титулом.

В ту же эпоху основан принцип *cestui que* – человек, который заслуживает доверия, а в английском праве выделяются понятия юридического и реального собственника. Все это и послужило основой формирования и развития трастового законодательства.

В дальнейшем практически все колонии восприняли английское право, включая прецедентную практику и нормы общего права, регулирующие трастовые правоотношения. Определенные части Британской империи активно работали над кодификацией трастового законодательства. В качестве примера можно привести Индийский Закон о Трастах 1882 г., закреплявший, что доверие – это непереносимое дополнение к имуществу, оно проистекает из доверия, которое было оказано держателю имущества [4].

На протяжении XX столетия трасты начали применять в разных целях за пределами их основного назначения. В частности, их использовали для того, чтобы не разделять большие семейные капиталы, в случае наследования или в целях благотворительности. К примеру, трастовое законодательство Америки – это комплекс норм права, применяемых с целью сохранения активов. В большинстве своем законы, регламентирующие формирование и администрирование трастов в Америке, на сегодняшний день регулируются государством. В августе 2004 г. была предпринята попытка кодификации общепринятых принципов общего права, в рамках англо-американского права по отношению к трастам и создания единого закона о трастах, обязательного для каждого штата, но до сих пор в каждом штате действуют свои нормы о трастах [5]. Невзирая на это, юристами США была оптимизирована форма владения собственностью, в частности, активы являются собственностью траста, но их контролирует прежний собственник.

Как правило, за рубежом такие фонды основываются предпринимателями и богатыми людьми при жизни. Это делается не только с целью поддержания родных после своей смерти, но и в общественных целях. Так, капиталы из фонда могут направляться на удовлетворение потребностей учреждения, це-

лого города или даже человечества в целом. Наиболее яркий пример подобной благотворительности – это фонд, основанный Нобелем.

Итак, трасты, наследственные фонды являются особым институтом права, функционирование которого насчитывает не одно столетие.

П. 1 ст. 4 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» определено, что такие наследственные фонды будут создаваться во исполнение завещаний граждан с целью управления имуществом, полученным в порядке наследования.

Однако, как представляется, это далеко не последний законопроект, касающийся наследственных фондов. Мы можем определить не один проблемный момент относительно анализируемого института, который не урегулирован на законодательном уровне. Одним из таких вопросов является, к примеру, сам момент создания наследственного фонда. Согласно внесенным изменениям в законодательство, чтобы создать наследственный фонд необходимо волеизъявление гражданина, облаченного в завещание. Завещание, предусматривающее создание наследственного фонда, должно включать в себя решение об его учреждении, устав фонда, а также условия управления фондом. Нотариус, в производстве которого находится наследственное дело, направляет в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела после смерти гражданина, который предусмотрел в своем завещании создание наследственного фонда. В случае принятия решения регистрирующим органом об отказе в регистрации, в силу ошибок или недочетов учредительных документов, отсутствует конструкция по разрешению возникшего обстоятельства, как и отсутствует ответ на вопрос, кто вносит изменения в устав наследственного фонда, отраженного в завещании.

Неясным остается и вопрос о том, каков будет порядок формирования органов управления наследственным фондом в случае отказа лица, указанного в решении об учреждении фонда, войти в состав органов фонда и невозможности сформировать органы фонда.

Таким образом, данное нововведение о наследственных фондах поставило ряд вопросов, которые еще стоит разобрать законодателю, чтобы такой этот институт смог «прижиться» в нашей системе права. Несмотря на это, актуальность возникновения в российской правовой системе наследственных фондов – неоспорима, а решение создать его вполне обоснованное и рациональное.

Примечания

1. Конькова С. В., Анисимов С. А. Генезис института наследования в странах романо-германской и англосаксонской правовых систем // Вестник Екатеринбургского института. 2015. №4 (32). С. 107-112.

2. Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право / Д. В. Дождев; Рос. Академия наук, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1993. С.102-107.

3. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М., 2012. С. 69.

4. Белов В. А. Индийский Закон о договорах 1872 года (общие сведения, общий комментарий, оригинальный текст и русский перевод) // Правоведение. 2014. С. 46. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskiy-zakon-o-dogovorah-1872-goda-obschie-svedeniya-obschiy-kommentariy-originalnyy-tekst-i-russkiy-perevod> (дата обращения: 01.10.2021).

5. Паничкин В. Б., Боровик О. Ю. Наследственное право США. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie57057.html> (дата обращения: 01.10.2021).

А. В. Джагаев, Н. Х Бузарова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В статье рассмотрены некоторые правовые проблемы, связанные с незаконной миграцией, проанализированы шаги, предпринятые Россией по формированию рациональной и прозрачной миграционной

политики, с целью упорядочивания притока иммигрантов и активизации борьбы с нелегальной миграцией.

Ключевые слова: *незаконная миграция, иностранный гражданин, лицо без гражданства, разграничение уголовно и административно наказуемых деяний.*

В правоприменительной деятельности правоохранительных органов, в компетенцию которых входят вопросы борьбы с незаконной миграцией, а также при вынесении судебных решений по результатам уголовного судопроизводства нередко возникают правовые проблемы, связанные с несовершенством действующих статей 322-322³ УК РФ и (или) противоречивостью подходов к их толкованию как со стороны практических работников, так и со стороны научного сообщества. При этом основные проблемы квалификации на практике связаны с применением статей 322¹, 322² и 322³ УК РФ.

Так, первой из проблем, которую необходимо рассмотреть, является нерешенность законодателем вопроса о распространении действия ст. 322¹ УК РФ на организацию незаконной миграции одного иностранного гражданина или лица без гражданства либо только на организацию незаконной миграции двух или более лиц в связи с тем, что, согласно буквальному толкованию указанного состава преступления, он может охватывать собой организацию незаконной миграции исключительно нескольких лиц [1].

По результатам изучения имеющейся судебной практики разных субъектов РФ, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев суды квалифицируют действия виновных по ст. 322¹ УК РФ только при организации незаконной миграции двух и более иностранных граждан или лиц без гражданства. Напротив, в немногочисленных решениях суд квалифицировал действия виновного лица по ст. 322¹ УК РФ при организации незаконной миграции даже одного иностранного гражданина.

П.А. Филиппов справедливо обращает внимание на то, что в случаях инкриминирования одного преступления преимущественно имеется в виду совершение организационных действий в отношении двух или более мигрантов. Однако имеются судебные решения, в которых организационные действия по отношению к каждому мигранту оцениваются как отдельное преступление, что указывает на трудности в определении со-

отношения единого, сложного, продолжаемого преступления и множественности миграционных преступлений [3]. Указанная научная позиция совпадает с преобладающей по данному вопросу судебной практикой.

Так, А. был осужден по ч.1 ст. 322¹ УК РФ, так как, достоверно зная, что иностранные граждане Б. и В. незаконно находятся на территории РФ, имея в пользовании нежилые помещения в виде строительных вагончиков и переоборудовав их во временные жилые помещения со всеми необходимыми удобствами, незаконно организовал в них проживание указанных лиц с целью осуществления ими непрерывной трудовой деятельности без заключения с ними трудовых договоров [4].

Несовершенство законодательной конструкции ст. 322¹ УК РФ не дает однозначного решения по указанной правовой проблематике. Кроме того, действующее административное законодательство также не предусматривает какой-либо ответственности за организацию незаконной миграции одного иностранного гражданина или лица без гражданства.

Вместе с тем, по нашему мнению, без необходимых законодательных изменений в настоящее время правильной видится точка зрения, согласно которой, по ст. 322¹ УК РФ, к ответственности необходимо привлекать даже в случае организации незаконной миграции одного иностранного гражданина или лица без гражданства, поскольку в противном случае не находит своей реализации одна из целей наказания, закрепленная в ч. 2 ст. 43 УК РФ – восстановление социальной справедливости. Также это противоречит таким принципам назначения уголовного наказания, отраженным в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, как гуманизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, так как виновное лицо в данном случае избежит какой бы то ни было ответственности, что будет порождать у него чувство безнаказанности и способствовать снижению эффективности противодействия нелегальной миграции.

Необходимо учитывать, что действия виновного, последовательно организовавшего незаконную миграцию двух или более лиц в течение определенного временного промежутка,

если они носят системный характер, охватываются единым умыслом, объединены общей целью и совершены с незначительным разрывом во времени, будут являться продолжаемым преступлением и квалифицироваться как один эпизод преступной деятельности по ст. 322¹ УК РФ, при этом все перечисленные выше обстоятельства должны оцениваться в совокупности, иначе можно прийти к ошибочному умозаключению и, как следствие, к неправильной квалификации преступных деяний [5]. Названные доводы нашли свое обоснование и подтверждение в приговорах судов [6], согласно которым, действия виновных лиц по организации незаконного въезда, пребывания и транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию РФ из корыстной или иной личной заинтересованности (за денежное вознаграждение, незаконное привлечение иностранной рабочей силы), хотя бы и в разное время, с нарушением установленного законодательством РФ порядка, путем незаконного оформления соответствующих документов, создания им условий для проживания без уведомления об этом соответствующих территориальных подразделений ГУ по вопросам миграции МВД России, квалифицируются как один эпизод преступной деятельности по ст. 322¹ УК РФ.

Подводя итоги анализа указанной правовой проблематики, можно утверждать, что окончательную точку в названной дискуссии может поставить принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующего постановления, в котором будут даны рекомендации судам всех уровней по вопросам квалификации действий виновных лиц по ст. 322¹ УК РФ, с учетом приведенных нами аргументов, либо введение законодателем в КоАП РФ отдельной статьи об административной ответственности за организацию незаконной миграции только одного иностранного гражданина или лица без гражданства. Последний вариант, как видится, будет являться более предпочтительным, так как юридически, на законодательном уровне, снимется сам вопрос о правильности квалификации при наличии изложенных обстоятельств, что, в свою очередь, поможет создать единообразную правоприменительную практику.

Следующая актуальная проблема в рамках вопроса о квалификации по ст. 322¹ УК РФ связана с разграничением уголовно и административно наказуемых деяний, которые могут входить в организацию незаконной миграции.

Так, Е. В. Алферова и Д. А. Соколова отмечают, что одновременное законодательное закрепление уголовно-правовых и административно-правовых запретов на совершение практически идентичных действий привело к правовой неопределенности соотношения соответствующих миграционных преступлений и иных правонарушений, что требует внесения ряда изменений в рассматриваемые нормы [7].

Отсутствие законодательно установленных четких критериев, которые бы позволяли провести границу между миграционными преступлениями и иными правонарушениями, создает предпосылки для принятия противоречивых правоприменительных решений [8]. Ответственность за правонарушения, предусмотренные в том числе статьями главы 18 КоАП РФ, связанные с организационными действиями по отношению к нелегальным мигрантам, не во всех случаях способна оказать необходимое превентивное воздействие и обеспечить надлежащую охрану миграционных отношений. Принимая во внимание данное обстоятельство, в 2004 г. глава 32 УК РФ была дополнена статьей 322¹, устанавливающей наказание за организацию незаконных миграционных действий. Однако практика применения данной уголовно-правовой нормы показала наличие ряда проблем, связанных с разграничением предусмотренных ею преступлений и сходных административных правонарушений.

При разрешении соответствующих проблемных вопросов следует учитывать, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ, не являются иностранные граждане и лица без гражданства, непосредственно нарушающие установленный порядок въезда, пребывания и транзитного проезда через территорию России. К ответственности по данной статье привлекаются физические лица, организовавшие такие действия. В других же случаях содеянное, как правило, охватывается соответствующими административно-правовыми нормами, например, ст. 18.8 КоАП РФ. Также необходимо соотносить ст. 322¹ УК РФ со статьями 18.9, 18.14, 18.15, 18.16 КоАП РФ. При этом следует исходить из устоявшегося принципа, запрещающего двойную ответственность за одно и то же деяние, совершенное физическим лицом, что не исключает сочетание уголовной ответственности физического лица и административной ответственности юридического лица [9].

Проблема разграничения сходных уголовно и административно наказуемых деяний кроется именно в отсутствии законодательно установленных четких критериев для проведения соответствующей границы между ними, в том числе в случаях сопоставления статей 18.9, 18.14, 18.15, 18.16 КоАП РФ со ст. 322¹ УК РФ.

В ст. 18.14 КоАП РФ установлена ответственность за неприятие организацией или физическим лицом необходимых мер по предотвращению незаконного пересечения на транспортном средстве госграницы РФ. Сравнение данного административного правонарушения с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, позволяет сформулировать вывод о том, что отличительными чертами последнего является его совершение исключительно в форме активных действий, имеющих организационный характер и предполагающих прямой умысел физического лица, их совершающего [10]. Правонарушение, предусмотренное ст. 18.14 КоАП РФ, напротив, может быть совершено как физическим, так и юридическим лицом, и выражается в форме бездействия, причем применительно к физическому лицу в ч. 2 ст. 18.14 КоАП РФ сделана оговорка о том, что содеянное не должно обладать признаками соучастия в преступлении.

Более сложным является разграничение деяний, запрещенных ч. 1 ст. 322¹ УК РФ и частями 1-3 ст. 18.9 КоАП РФ, применительно к ответственности физических лиц, нарушающих порядок пребывания либо транзитного проезда иностранных граждан или лиц без гражданства через территорию России. При этом организация незаконного въезда данных лиц входит в предмет ведения ч.1 ст. 322¹ УК РФ.

При разграничении сходных уголовно и административно наказуемых действий важно учитывать, что первые из них, согласно ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, имеют организационный характер, что предполагает создание условий для нарушений миграционных правил другими лицами. При этом неизбежно возникает проблема, обусловленная элементом правовой неопределенности относительно содержания уголовно-правового понятия «организация незаконной миграции». Та же проблема касается и разграничения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, и административных правонарушений, наказуемых по ст. 18.15 или ст. 18.16 КоАП РФ о незаконном привлече-

нии к труду мигрантов, поскольку последние действия на практике нередко относят к организации нелегальной миграции, хотя они могут быть разовыми и не иметь организационного характера.

К. В. Дядюн и Ч. М. Багиров считают, что при возникновении указанных коллизий целесообразно исходить из такого разграничительного признака преступления, как его общественная опасность [11]. Вместе с тем полагаем, что этот признак является оценочным, что предполагает элемент усмотрения правоприменителя, если в уголовном законе нет четко обозначенных криминообразующих признаков, совокупность которых и определяет общественную опасность соответствующего деяния.

Отметим, что в теории уголовного права, при рассмотрении вопросов отграничения преступлений от сходных административных правонарушений, в первую очередь обращаются к признакам объективной стороны сопоставляемых деяний³, что не вполне применимо в анализируемом случае, поскольку в указанных административно-правовых нормах, по сути, перечислены отдельные действия (способы), при помощи которых организуется незаконное пребывание или незаконный транзитный проезд иностранных граждан или лиц без гражданства через территорию России.

Другие ученые в качестве разграничительного признака преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, называют количественный критерий, согласно которому в случаях, когда нарушение миграционного законодательства является единичным, содеянное образует соответствующее административное правонарушение, тогда как в ситуациях систематического допущения таких нарушений речь идет об уголовно наказуемом деянии. Вместе с тем в судебной практике имеют место решения, признающие разовое действие по оборудованию и предоставлению мигранту для незаконного проживания непригодного помещения составообразующим признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322¹ УК РФ. Таким образом, однократные деяния по организации незаконной миграции, в зависимости от обстоятельств того или иного правонарушения, могут квалифицироваться как по ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, так и по соответствующим частям указанных статей КоАП РФ.

Проанализировав изложенное, считаем, что для решения указанной правовой проблемы могут быть применены несколь-

ко подходов, одним из которых является принятие постановления Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по вопросам рассмотрения уголовных дел о миграционных преступлениях, содержащего разъяснения по разграничению таких преступлений и сходных административных правонарушений на основе научно обоснованных критериев. Другим решением является внесение изменений в ч. 1 ст. 322¹ УК РФ и в части 1-3 ст. 18.9 КоАП РФ. При этом следует предусмотреть, чтобы административная ответственность за указанные правонарушения наступала лишь в том случае, когда совершается конкретное разовое действие из перечисленных в диспозициях частей 1-3 ст. 18.9 КоАП РФ. Данный принцип мог бы служить индикатором, с помощью которого правоприменитель в том или ином случае мог использовать либо соответствующую уголовно-правовую норму, либо административно-правовую норму за рассмотренные нами нарушения миграционного законодательства.

Примечания

1. Акименко П. А. Проблемы квалификации деяний по ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) и пути их решения: теория и практика: материалы IV Международной научно-практической конференции / Под ред. В. А. Шуняевой и [др.]. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015. С. 95-100.

2. Филиппов П. А. Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства. С. 83-92.

3. Приговор № 1-285/20181-29/2019 от 22 янв. 2019 г. по делу № 1-285/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kjP4rz93tCU9/> (дата обращения: 20.03.2022).

4. Акименко П. А. Проблемы квалификации деяний по ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) и пути их решения: теория и практика: материалы IV Международной научно-практической конференции / Под ред. В. А. Шуняевой и [др.]. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015. С. 95-100.

5. Часть 1 ст. 322.1 УК РФ – Судебные решения // РосПравосудие: [сайт]. URL: <https://rospravosudie.com/act-ч.+1+ст.+322.1+УК+РФ+-q/section-acts/> (дата обращения: 20.03.2022).

6. Бышевский Ю. Ю. Юридическая природа уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1 (23). С. 39-44.

7. Алферова Е. В. Проблемы уголовной ответственности за отдельные виды преступлений (против информационной безопасности, рейдерство, незаконная миграция, незаконная организация азартных игр) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2018. № 2. С. 129-134; Соколов Д. А. Организация незаконной миграции в аспекте транснациональной преступной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 263-266.

8. Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 1 (24). С. 277-285.

9. Комментарий к Федеральному закону от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (постатейный) / Горохова С. С., Семенова А. В., Сивопляс А. В., Смирнова Е. С., Митричев И. А. и др. [Электронный ресурс]. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2017. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

10. Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 277-285.

11. Дядюн К. В. Отграничение преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК, от смежных административных проступков // Законность. 2012. № 9. С. 57-62; Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 8.

Э. Г. Хинчагова, Н. Г Айдарова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

В настоящей статье рассматриваются отдельные теоретические и практические аспекты признания гражданина недееспособным. На примере судебных актов анализируются соответствующие положения гражданского и гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское право, дееспособность, признание гражданина недееспособным, гражданско-процессуальное законодательство.

По данным статистики ежегодно в суд поступает более 45 тыс. заявлений для признания граждан недееспособными, и с каждым годом число заявлений только возрастает, из чего можно сделать вывод, что и показатели распространённости в России всех психических болезней ежегодно растут. Например, за последние 45 лет число психического недоразвития возросло почти в 30 раз. Также следует указать тот факт, что большинство заявлений о признании граждан недееспособными подлежит удовлетворению (от 90 до 95% в разные периоды) [1].

В соответствии с п. 1 ст. 29 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства не понимает значения своих действий или не руководит ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Согласно п. 2 ст. 281 ГПК РФ, заявителями в суде для признания гражданина недееспособным могут быть:

- члены его семьи, близкие родственники (к близким родственникам закон относит только родителей, детей, братьев, сестер), независимо от совместного с ним проживания;
- орган опеки и попечительства;
- медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь;
- стационарное учреждение социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Указанный круг лиц, имеющих право обратиться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным, является исчерпывающим. Если заявителем является лицо, не назван-

ное в приведенной норме ГПК РФ, в удовлетворении его требований должно быть отказано в силу прямого указания закона.

Если между заявителем и гражданином, которого он требует признать недееспособным, сложились конфликтные, неприязненные отношения, следует указать на это в возражении на заявление и в судебном заседании.

В подтверждение можно сослаться на любые доказательства, включая показания свидетелей. Кроме того, наличие конфликтных отношений можно подтвердить документально, например, представив в суд обращения в правоохранительные органы и принятые по ним решения, а также состоявшееся ранее судебное решение, которым установлен факт наличия конфликтных отношений между сторонами спора (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 г. по делу №33-10695/2018).

Если в распоряжении гражданина, которого истец требует признать недееспособным (заинтересованного лица), имеются судебные решения, указывающие на предвзятость заявителя или необоснованность его требований (например, наличие между ним и заявителем споров по поводу имущества, в том числе о признании недействительными договоров, о вселении в квартиру и об определении порядка пользования ею), следует сообщить об этом судье и представить на обозрение суда соответствующие судебные решения. Они могут быть учтены при вынесении решения.

В качестве доказательства необоснованности требований заявителя целесообразно представить в суд медицинские документы, подтверждающие отсутствие у гражданина признаков психических заболеваний. Такими документами могут быть, например, медицинская карта, справка из психиатрической больницы о том, что гражданин не находился в ней на лечении, справка из психоневрологического диспансера о том, что гражданин не состоит в нем на учете.

Следует иметь в виду, что, согласно ст. 283 ГПК РФ, при явном уклонении гражданина, в отношении которого возбуждено дело, от прохождения экспертизы, судья вправе вынести решение о его принудительном направлении на судебно-психиатрическую экспертизу.

В одном из дел гражданин, которого заявитель требовал признать недееспособным, отказался от проведения амбу-

латорной судебно-психиатрической экспертизы, поскольку не страдает психическим заболеванием и расстройством, и для подтверждения своих доводов обратился в психоневрологический диспансер, где был осмотрен врачом-психиатром. Суд принял сообщение диспансера об однократном освидетельствовании гражданина врачом-психиатром в качестве доказательства по делу (Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 г. по делу N 33-10695/2018).

В соответствии с ч. 3 ст. 284 ГПК РФ гражданин, признанный недееспособным, имеет право лично или через выбранных им представителей обжаловать соответствующее решение суда в апелляционном порядке, подать заявление о его пересмотре в соответствии с правилами гл. 42 ГПК РФ, а также обжаловать соответствующее решение суда в кассационном и надзорном порядке, если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей [2].

При доказанности того обстоятельства, что заявитель не является лицом, имеющим право обратиться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным (членом семьи или близким родственником гражданина), которое упоминается в приведенной ниже таблице, суд не рассматривает дело по существу и не выносит решение об отказе в удовлетворении такого заявления. В подобных случаях суд принимает решение об отказе в принятии заявления о признании гражданина недееспособным на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

На практике может сложиться такая ситуация, когда психически больной является лицом без гражданства или гражданином государства, не имеющего с Россией договора о правовой помощи. Рассматриваемое обстоятельство является основанием к тому, чтобы обратиться к специальным нормам ГК РФ. В отношении их действует принцип территориальности [3]. В соответствии с п. 3 ст. 1197 ГК РФ, признание в Российской Федерации физического лица недееспособным подчиняется российскому праву. Вопрос о возможности признания иностранного гражданина недееспособным в России решается следующим образом. Гражданское законодательство нашей страны оставляет для таких лиц возможность стать гражданином РФ – заявление о приеме в гражданство Российской Федерации недееспособного лица, над которым установлены опека

или попечительство, подается соответственно родителем ребенка, опекуном или попечителем, имеющими гражданство Российской Федерации [4].

Можно сделать вывод, что суд вправе признать недееспособными лиц от четырнадцати лет, причем, как являющихся гражданами Российской Федерации, так, в некоторых определенных случаях, иностранных граждан и лиц, не имеющих гражданства, а иностранные недееспособные граждане могут быть приняты в гражданство РФ в установленных законом случаях.

Нельзя недооценивать ту важность, которую представляет изучение недееспособности со стороны ее сущности и распространения на различные категории лиц. Суть подобного рассмотрения, изучения состоит в необходимости осветить все сферы, а также все категории лиц, для которых процедура признания недееспособным может послужить самым лучшим и гарантированным правовыми нормами способом защиты прав.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // Российская газета. № 238-239, 08.12.1994 г.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. № 220, 20.11.2002 г.

3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 528.

4. Шутова В. И. Некоторые вопросы применения норм о признании гражданина недееспособным и пути их решения // Отечественная юриспруденция. 2021. № 4. С. 60.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВА

**А. М. Гагоева, М. Н. Титова,
М. И. Джиеова, М. В. Келехсаева**

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматривается опыт зарубежных стран по обеспечению экономической безопасности, на примере таких стран, как США, Япония и стран Европейского союза. Анализируются стратегия России в вопросах экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, национальная безопасность, механизм экономической безопасности, глобализация.*

Поиск новых подходов к обеспечению безопасности любого государства в условиях современных глобальных проблем является актуальным и обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. Например, таких как существенные изменения геополитической ситуации в мире и попытки установления нового мирового порядка, рост угрозы международного терроризма, изменение политических средств в разрешении международных проблем и др. Процессы глобализации и попытки установления нового мирового порядка создают определенные угрозы для национальной безопасности государств.

Глобальная геополитическая и экономическая обстановка стала более нестабильной, чем когда-либо за последние десятилетия, особенно после пандемии Covid-19. Значительные экономические и политические потрясения во многих странах привели к тому, что важной частью государственной политики становятся вопросы экономической безопасности.

Сущность экономической безопасности можно обозначить как определенное состояние защищенности национальной экономики, обеспечение стабильности функционирования государственных институтов, гарантированную защиту национальных интересов даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов.

Защищенность национальных интересов обеспечивается готовностью и способностью институтов власти создавать механизмы реализации и защиты интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

Экономическая безопасность России должна определяться долгосрочными национальными интересами, которые состоят в повышении конкурентоспособности российской экономики и экономическом росте.

К видам экономической безопасности чаще всего относят продовольственную безопасность, энергетическую безопасность, финансовую безопасность, промышленную безопасность и др.

Обеспечение экономической безопасности зависит от механизма, который идентифицирует текущие проблемы и противоречия, устанавливает пороговые значения экономических ценностей, предсказывает дальнейшее развитие экономики, предлагает пути решения возникающих нестабильностей и корректирует ход экономического развития [1].

Механизм обеспечения экономической безопасности представляет собой систему процедур и экономических инструментов, позволяющих государству эффективно осуществлять свою функцию по защите экономической безопасности.

С целью эффективного обеспечения экономической безопасности в собственной стране, полезно изучение зарубежного опыта передовых стран.

Для решения проблем, возникающих в странах, связанных с глобальным финансово-экономическим кризисом (снижение ВВП, безработица, сокращение валютных резервов, увеличение дифференциации доходов) и управлением экономической безопасностью, многие правительства зарубежных стран приняли активные меры для регулирования своей национальной экономики. Основопологающими документами, определяющими ключевые области, являются стратегии или концепции национальной экономической безопасности.

Министерство обороны США (DOD) определяет экономическую безопасность как способность защищать или продвигать экономические интересы США, формировать международные интересы по американскому вкусу и обладать материальными ресурсами для отражения неэкономических вызовов. Она рас-

сма­три­ва­ет­ся толь­ко как неотъ­ем­ле­мая и важ­ней­шая из струк­тур­ных со­став­ля­ю­щих на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти стра­ны.

Прин­ци­пы обес­пе­че­ния безо­пас­но­сти стра­ны за­кре­п­ле­ны в офи­ци­аль­ном акте – Стра­те­гия на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти.

Со­г­лас­но это­му до­ку­мен­ту, на­ци­о­наль­ные ин­те­ре­сы Со­еди­нен­ных Штатов клас­си­фи­ци­ру­ют­ся по уров­ню важ­но­сти для стра­ны на три ка­те­го­рии: пер­вая груп­па – жиз­нен­но важ­ные ин­те­ре­сы; вто­рая груп­па – важ­ные ин­те­ре­сы; тре­тья груп­па – гу­ман­и­тар­ные и дру­гие ин­те­ре­сы. Эко­но­ми­че­ские ин­те­ре­сы от­но­сят­ся к пер­вой ка­те­го­рии важ­но­сти на­ци­о­наль­ных ин­те­ре­сов Со­еди­нен­ных Штатов, обес­пе­че­ние ко­то­рых яв­ля­ет­ся без­ус­лов­ным при­о­ри­те­том по­ли­ти­ки на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти, для за­щи­ты ко­то­рой пра­ви­тель­ство дол­жно сде­лать все воз­мож­ное, да­же че­рез од­но­сто­рон­нее при­ме­не­ние си­лы. К ним от­но­сят­ся: эко­но­ми­че­ское бла­го­по­лу­чие об­щес­тва и за­щи­та жиз­нен­но важ­ных об­щес­вен­ных ин­фра­струк­тур, вклю­чая эне­р­ге­ти­ку, бан­ки, фи­нан­сы, об­щес­вен­ные ком­му­ни­ка­ции и т. д. Ос­нов­ные на­прав­ле­ния по­ли­ти­ки на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти пред­став­ле­ны в трех ос­нов­ных об­лас­тях: фор­ми­ро­ва­ние безо­пас­ной ме­ж­ду­на­род­ной об­ста­нов­ки в Аме­ри­ке, обес­пе­че­ние аде­к­ват­но­го ре­а­ги­ро­ва­ния на уг­ро­зы и кри­зи­сы, над­ле­жа­щая го­тов­ность аме­ри­кан­ско­го об­щес­тва к не­пред­ска­зу­е­мым тен­ден­ци­ям и яв­ле­ни­ям в бу­ду­щем.

Ви­де­ние ми­ра, к ко­то­ро­му стре­мят­ся Со­еди­нен­ные Штаты Аме­ри­ки – это сво­бо­да, ува­же­ние прав че­ло­ве­ка, сво­бод­ные рын­ки, и вер­ховен­ство за­ко­на.

Стра­те­гия на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти США ос­но­ва­на на яр­ко вы­ра­жен­ном аме­ри­кан­ском ин­тер­на­ци­о­на­ли­зме, от­ра­жа­ю­щем союз «на­ших цен­но­стей и на­ци­о­наль­ных ин­те­ре­сов». Це­ль этой стра­те­гии – по­ли­ти­че­ская и эко­но­ми­че­ская сво­бо­да, мир­ные от­но­ше­ния с дру­ги­ми го­су­дар­ства­ми и ува­же­ние че­ло­вечес­кого до­сто­ин­ства [2].

Для до­сти­же­ния этих це­лей Со­еди­нен­ные Штаты:

- укреп­ля­ют со­ю­зы, что­бы по­бе­дить гло­баль­ный тер­ро­ризм, ра­бо­та­ют над пре­дот­вра­ще­ни­ем на­падений дру­гих стран;
- на­чи­на­ют “но­вую эру” гло­баль­но­го эко­но­ми­че­ско­го роста за счет сво­бод­ных рын­ков и сво­бод­ной тор­гов­ли;
- раз­ра­ба­ты­ва­ют про­грам­мы для со­вмес­тных дей­ствий с дру­ги­ми ос­нов­ны­ми цен­тра­ми ми­ро­вой си­лы;
- пре­об­ра­зуют аме­ри­кан­ские ин­сти­ту­ты на­ци­о­наль­ной безо­пас­но­сти.

опасности, чтобы они соответствовали вызовам и возможностям двадцать первого века.

Главные стратегические задачи по обеспечению экономической безопасности состоят в следующем:

1) укрепление альянсов для победы над глобальным терроризмом и работа над предотвращением нападений на США и их союзников, т. е. прямые и непрерывные действия с использованием всех элементов национальной и международной мощи;

2) установление партнерских отношений по всему миру. США работает с региональными институтами, такими как Саммит Америк, Организация американских государств (ОАГ) и Министерская конференция обороны Америки;

3) выстраивание стратегии борьбы с оружием массового уничтожения;

4) повышение уровня экономического роста национального производства.

Основные направления, на которых строится новая модель экономического развития:

1) восстановление базовой инфраструктуры Америки с полным переходом на «чистую» энергию и «возрождение» экономики после COVID-19;

2) восстановление лидерства Америки в фундаментальных научных исследованиях и технологическом развитии;

3) наиболее масштабное использование преимуществ науки и технологий путем создания нескольких центров исследований, разработок и производств по всей стране;

4) стимулирование цифровых инноваций и защита частной жизни путем обуздания социальной и экономической мощи крупных технологических компаний, к чему стремятся ЕС и другие союзники США.

5) противостояние Китаю, но при этом сохранение сотрудничества с КНР в некоторых областях;

6) повышение уровня кибербезопасности.

Обеспечение безопасности взаимосвязанных глобальных сетей, а также устройств и данных, подключенных к этим сетям, является одной из определяющих задач. Угрозы возникают во всей цифровой экосистеме: киберпреступники стремятся получить финансовую выгоду, национальные государства стремятся украсть коммерческую тайну и подорвать национальную безопасность, а террористы стремятся посеять хаос. Благода-

ря уникальному взгляду на экономику и глубокому техническому опыту США играет ведущую роль в решении этой задачи.

Американская стратегия касается не только экономического восстановления после пандемии COVID-19. Это более долгосрочный план, разработанный для достижения фундаментальной трансформации экономики Америки. Основная цель экономической политики США заключается в создании общей промышленной и инновационной экосистемы, которая охватывает как Атлантический, так и Тихий океаны, включая самых важных союзников Америки в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Экономическая безопасность, которая в широком смысле относится к области, где пересекаются национальная безопасность и экономика, является сегодня актуальной проблемой и для Японии. В июле 2020 года Токио впервые включил фразу «экономическая безопасность» в свое политическое руководство «Базовая политика экономического и финансового управления и реформ 2020». Несмотря на отсутствие четкого определения экономической безопасности, в политическом руководстве указано, что оно установит новые правила для создания цепочек поставок со странами-единомышленниками в контексте экономической безопасности.

Основные цели новой стратегии экономической безопасности Японии заключаются в:

- 1) достижении «стратегической автономии» и «стратегической незаменимости» в глобальных системах поставок;
- 2) реализации цифровой стратегии, продвигающей демократические ценности в качестве международного стандарта;
- 3) продолжении сотрудничества с союзниками для создания безопасных и передовых полупроводников.

Ключевым компонентом новой стратегии экономической безопасности Японии является стремление к «стратегической автономии» и «стратегической незаменимости», что повысит устойчивость и динамизм экономики Японии. Стратегическая автономия относится к тому, как Япония стремится уменьшить свою зависимость от иностранных поставщиков материалов и технологий. Эта новая стратегия призывает Японию уменьшить свою зависимость от остального мира, одновременно увеличивая зависимость мира от Японии в поставках критически важных технологий.

Одним из важнейших направлений политики экономической безопасности является регулирование иностранных инвестиций в чувствительные отечественные отрасли. В 2020 году национальный парламент принял поправку к Закону об иностранной валюте и внешней торговле, которая усиливает государственный надзор за входящими прямыми иностранными инвестициями. В частности, он требует уведомления соответствующих министерств всякий раз, когда покупка акций компании, владеющей секретными технологиями, дала бы иностранному инвестору (включая все его дочерние компании, аффилированные лица и др.) долю в размере 1% или более. Цель состоит в том, чтобы предотвратить получение иностранными гражданами секретных технологий путем получения контрольного пакета акций.

Учитывая малую территорию Японии, ограниченные природные ресурсы и многочисленное население, у Японии нет иного выбора, кроме как продолжать зависеть от внешних рынков. Поэтому Японии придется стремиться к обеспечению безопасности в рамках внешней взаимозависимости.

Еще одним приоритетом японской экономики является разработка более совершенных и экономически эффективных полупроводниковых приборов. В Японии центральную роль занимают полупроводники в сборе данных, их доля в экономике сравнима с долей нефти в 20 веке, отметим, что в 21 веке те, кто контролирует данные, контролируют мир.

В ЕС термин «экономическая безопасность» соотносится с объединением мировой экономической системы. ЕС отводит приоритетную роль европейской интеграции с целью достижения высокого уровня конкурентоспособности в условиях глобализации, полагая, что отдельно члены ЕС обладают меньшим объемом экономических ресурсов, чем другие развитые страны, поэтому синергетический эффект достигается за счет обмена ресурсами, что определяет способность ЕС обеспечивать высокий уровень экономической безопасности и конкурентоспособности.

Германия видит обеспечение своей экономической безопасности в поддержке экономического и социального прогресса, демократизации в Европе и во всём мире, в защите от экономического шантажа, в обеспечении свободной торговли и доступа к сырью и рынкам в рамках справедливой мировой экономической системы. В соответствии с внутренними эконо-

мическими планами ее цель состоит в том, чтобы гарантировать стране здоровое экономическое развитие, материальное и социальное благополучие для населения. Во внешнеэкономическом плане, учитывая экспортную направленность экономики, основной акцент делается на стабильность и улучшение мировых рынков. Следует отметить, что в Германии нет отдельного закона о понятии экономической безопасности. Государственная философия экономической безопасности на практике реализуется в основном через законы, которые регулируют наиболее важные сферы рыночной деятельности и наделяют государство значимыми контрольными функциями.

В целях защиты финансовых и экономических интересов страны и борьбы с экономической преступностью, Налоговые органы Германии создали специализированное подразделение по борьбе с экономическими преступлениями – служба налоговых расследований «Steufa», которая подчиняется Министерству финансов.

Однако основными методами обеспечения безопасного развития экономики Германии являются действия по поддержанию цивилизованного характера деятельности рыночных субъектов, созданию равных условий для конкуренции, предотвращению монополизации в определенных отраслях и поддержанию стабильности национальной валюты.

Система обеспечения экономической безопасности Великобритании имеет свои специфические особенности. Политика финансовой и экономической безопасности в Великобритании тесно связана с оборонной политикой: и то, и другое основано на оценках национальных интересов и реализуется посредством их защиты. В экономике Великобритании «национальные интересы» рассматриваются как экономические интересы всего общества в целом, которые имеют приоритет по отношению к другим формам социальных интересов [3].

Угрозы экономической безопасности подразделяются на внешние и внутренние и ранжируются по степени важности и вероятности возникновения, что позволяет сконцентрировать усилия на прогнозировании и предотвращении наиболее опасных, с точки зрения национальной экономической безопасности, рисков.

Что касается сферы предотвращения экономических угроз, то правительство традиционно опирается на частный бизнес,

максимально поддерживая его. В стране существует разветвленная сеть учреждений (Конфедерация Британской промышленности, Восточноевропейский торговый совет и другие специализированные организации), которые обеспечивают эффективное взаимодействие парламента, Правительства и крупных предприятий в процессе разработки и реализации решений, связанных с обеспечением национальной экономической безопасности. Специальной правовой базы для обеспечения финансовой и экономической безопасности не существует, и некоторые ее положения, как отмечалось выше, содержатся в нормативных актах в области оборонной политики.

Во Франции основным государственным документом, в котором затрагиваются определенные положения экономической безопасности, является Закон «О Национальной безопасности». Концепция национальной экономической безопасности во Франции трактуется как создание благоприятных внутренних и внешних условий для повышения национального благосостояния и укрепления экономического потенциала страны.

Во Франции налоговые расследования проводятся полицией, налоговая служба осуществляет только административное управление, таможенная служба обладает собственными властными полномочиями, а финансовая разведка находится в ведении Министерства финансов.

В Италии имеется мощное военизированное правоохранительное ведомство (Финансовая гвардия Италии), специализирующееся на всех видах экономических преступлений. Государство характеризуется не только строгой централизацией правоохранительной деятельности, но и традиционным использованием национальной полиции и карабинеров.

Сфера применения Финансовой гвардии довольно широка – это защита национальных и европейских финансовых интересов, предотвращение и пресечение налоговых преступлений и Интернет-мошенничеств, борьба с организованной преступностью, контрабандой, подделкой товаров и банкнот, незаконной строительной деятельностью, незаконным оборотом наркотиков и отмыванием денег, борьба с незаконной иммиграцией, контроль за азартными играми, налогообложение физических и юридических лиц. Таким образом, Финансовая гвардия Италии выполняет функции налоговой полиции, налоговой инспекции, таможенных и пограничных служб.

В Чешской Республике основным документом по политике экономической безопасности является Стратегия безопасности страны, которая определяет национальные интересы, угрозы и опасности для национальной безопасности и формулирует долгосрочные мероприятия и меры государства по обеспечению мирного развития и экономического процветания. Стратегия определяет шесть основных областей национальной безопасности: гражданскую, общественную, военно-политическую, экономическую, экологическую, а также область преступных элементов. Задачами являются: обеспечение экономического роста, экономического развития и международного сотрудничества; поддержка внутренней и внешней стабильности; снижение инфляционного давления; поддержание положительного сальдо внешней торговли; эффективное регулирование рынка в экономической и финансовой сферах; борьба с преступностью [4].

Анализируя концептуальные подходы к обеспечению экономической безопасности стран Европейского Союза, следует признать, что этот уровень безопасности достаточно высок и во многом зависит от стабильности сотрудничества европейских государств.

Для обеспечения безопасности отечественной экономики России необходим ряд структурных изменений. Изменения должны касаться различных сфер государственного устройства и, безусловно, носить системный характер. Эти требования обусловлены необходимостью реформ, способных оперативно запустить механизмы оздоровления личности, общества и государства как основы национальной безопасности Российской Федерации.

Первостепенной угрозой для нынешней экономики является увеличение экономических преступлений, а также рост коррупции на всех уровнях управления.

Современный механизм обеспечения экономической безопасности должен постоянно трансформироваться вместе с возникающими новыми рисками и угрозами в экономическом секторе страны. Очевидно, что на первый план выдвигаются экономическая безопасность во внешней торговле, безопасность бизнеса и международная экономическая безопасность. Необходимо улучшить механизм обеспечения экономической безопасности РФ в отношении новых экономических рисков, как на федераль-

ном, так и на региональном уровнях. Необходимо дальнейшее международное сотрудничество в сфере обеспечения экономической безопасности, требуется разработка универсальных международно-правовых норм в этом направлении.

Основные направления совершенствования механизма обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современный период, в первую очередь, касаются сферы высоких технологий. Именно его развитие позволит обезопасить промышленный сектор. Санкционные меры против Российской Федерации ставят во главу угла проблему преодоления зависимости от импортного оборудования в промышленных сферах.

Информационные технологии также используются для совершения преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность, конституционные права и свободы граждан, экономические и общественные интересы. Огромное количество преступлений в сфере компьютерной информации требует эффективных превентивных мер для противодействия компьютерным преступлениям. Исследования в области компьютерных преступлений необходимо проводить для повышения национальной безопасности в целом и для повышения уровня безопасности корпоративных и индивидуальных информационных систем в частности.

К специальным мерам предупреждения компьютерных преступлений предлагается отнести: совершенствование действующего уголовного, уголовно-процессуального и информационного законодательства; совершенствование судебной практики; подготовку в образовательных учреждениях необходимого количества специалистов в сфере защиты информации; создание научно-исследовательских лабораторий по разработке программно-аппаратных систем компьютерной защиты; закрепление в трудовых договорах (контрактах) положений о юридической ответственности лиц за разглашение конфиденциальных сведений о системе защиты служебной информации; постоянный контроль руководителей за установкой и обновлением систем компьютерной защиты в государственных и муниципальных организациях; создание в Российской Федерации национальной операционной системы для компьютерных устройств, а также системы фиксации, идентификации преступлений в сфере компьютерной информации и компьютерных преступников; создание новых и совершенствование существующих методик выявления компью-

терных преступлений с привлечением специалистов в области информационной безопасности. Перечень мер по предупреждению компьютерной преступности может быть расширен, но, вне всякого сомнения, только интегративный и комплексный подходы к применению правоохранительными органами профилактических мер могут повысить уровень информационной безопасности России и эффективность предупреждения компьютерных преступлений.

Эффективное использование бюджетных средств и сокращение долговой зависимости также занимает значительное место в комплексе мер по обеспечению экономической безопасности нашей страны.

Однако при этом за последние годы было выявлено огромное количество нарушений в бюджетной сфере. В частности, за 2021 год Счетная палата России обнаружила нарушения на сумму 676 миллиардов рублей по итогам проверки исполнения федерального бюджета. Как правило, злоупотребления в бюджетной сфере в первую очередь связаны с нецелевым и неэффективным расходованием бюджетных средств.

Стабильность экономики и ее рост являются основными показателями для оценки состояния экономической безопасности. Сегодня Россия отстает в научно-технической сфере: если не решить данный вопрос, не остановить процесс «утечки мозгов» за рубеж, то никакая политика нам не поможет. Для того, чтобы производимая в нашей стране продукция была конкурентоспособной, нужно активно инвестировать в науку, поскольку количество ученых и инженеров в нашей стране с каждым годом уменьшается. В связи с этим необходимо принять меры по оказанию научно-технической поддержки экономике страны, по опыту зарубежных стран.

Основные направления совершенствования обеспечения экономической безопасности РФ на современном этапе затронут следующие направления деятельности: обеспечение экономических интересов России во внешнеторговых отношениях в контексте интеграции в мировую экономику; расширение отечественного конкурентоспособного высокотехнологичного производства, особенно в секторах производства потребительских товаров и тяжелого оборудования; поддержание стабильных позиций на мировом товарном и финансовом рынках; реализация политики протекционизма по отношению к отече-

ственным производителям на внутреннем и внешнем рынках; принятие государственных мер по сокращению внешнего долга России; поддержка стабильности национальной валюты; поддержание бесперебойной работы средств связи и в целом всех видов связи (транспорта (автомобильного, морского, железнодорожного и т. д.)).

Основной целью экономической стратегии является восстановление необходимых темпов экономического роста для выхода России из глобального кризиса.

Модели экономической безопасности зарубежных стран, о которых говорилось выше, могут стать эффективным практическим примером для формирования новой идеологии национальной безопасности в РФ. Государство должно не только разработать национальную концепцию безопасности, основанную на мировом опыте, но, прежде всего, реформировать экономическую внутреннюю и внешнюю политику, с целью защиты всех хозяйствующих субъектов.

Примечания

1. Антонов В.В. Сущность экономической безопасности как экономической категории // В.В. Антонов. Вестник ЧГУ. 2016. №7.

2. Бухвальд Е. Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели / Е. Бухвальд, Н. Гловацкая, С. Лазуренко // Вопросы экономики. 2012. С. 13-16.

3. Гусаков Н.П. Концептуальные подходы к разработке новой Стратегии экономической безопасности / Н.П. Гусаков, И.В. Андропова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2014. С. 2-14.

4. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М.: ИНФРА-Москва, 2006. С.643.

5. Градов А.П. Национальная экономика: учебное пособие / А.П. Градов. Серия: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 240 с.

6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

7. Оцепек Э. Экономическая безопасность и Европейская мечта. 2019.

ОСЕТИНСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС – КУЛЬТУРНАЯ ТРОПА ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

В статье обосновывается проект по созданию программы для компьютера (и приложения для смартфона), содержащей тексты осетинских нартских сказаний в виде трехязычных таблиц. Проект преследует две цели: 1. ознакомление русскоговорящего и англоговорящего мира с осетинским эпосом и 2. помощь в овладении осетинским, русским, английским языками лицам, имеющим по ним начальные знания. Мощь и смысловая глубина сказаний иллюстрируются на примере одного сказания: “Сослан в стране мертвых”.

Ключевые слова: *кросскультурные проекты, язык, нарты, эпос, Осетия, культура, Нарт Сослан, Страна мертвых, сказания и мифы, программа, приложение.*

Осетинский нартский эпос – сокровище, созданное нашими предками в незапамятные времена, открытое европейской наукой в 19 веке, активно собираемое в конце 19 – начале 20 веков и ныне находящееся в руках современного поколения Осетии. От того, сумеем ли мы сберечь это наследие или разбазарим его так же безумно, как были растрочены средства, аккумулированные в республике в 90-х гг., во время алкогольного (спиртового) бума, зависит многое в нашей дальнейшей судьбе.

То, что осетинский нартский эпос является частью кавказского эпоса о героях-нартах, известно в республике почти всем. Также многим известно, особенно после знакомства с работами Ж. Дюмезиля [1], что в мировой фольклористике наш эпос занимает примерно такое же место, как древнегреческая «Одиссея», германская «Песнь о Нибелунгах», карело-финская «Калевала», индийская «Махабхарата» и другие сокровища евро-азиатской цивилизации.

«Нарты» (в дальнейшем мы будем говорить только об осетинских нартах, оставив абхазских, кабардинских или вайнахских нартов их собственным исследователям) издавались многократно и в Осетии, и за ее пределами, серьезными исследователями и популяризаторами, в полном и сокращенном виде, для взрослой аудитории и для детей. Всего «Нарты» были изданы, пожалуй, более 50 раз, как на осетинском, так и на русском языках. Следует отметить, прежде всего, 3 (условно – «кано-

нических») издания 40-х годов: на осетинском, в прозе: «Нарты кадджытæ» – сост. В. Абаев, Н. Багаев, И. Джанаев, Б. Бочиев, Т. Епхиев; под ред. И. Джанаева, 1947 г.; на осетинском, в стихотворной форме: «Нарты кадджытæ» – сост. С. Бритаев; на русском: «Сказания о нартах: осетинский эпос», в переводе Ю. Либединского, 1948 г. Практически все старшее поколение помнит эти толстые тома в коричневом переплете с иллюстрациями, переложенными воощенной бумагой [2].

Первое академическое двуязычное трехтомное издание осетинского нартского эпоса было подготовлено Т. А. Хамицаевой и А. Х. Бязыровым в 1989-1991 годах. В издании принимали участие: В. И. Абаев, У. Б. Далгат, А. А. Дзантиев, Н. К. Мамиева. Первый том содержит 137 сказаний на иронском и дигорском языках, второй – их перевод на русский. Третья книга включает 41 комментарий и приложения – информация о сказителях и собирателях нартского эпоса [3].

Самое полное семитомное издание («Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос») также было подготовлено Тамарой Алексеевной Хамицаевой, совместно с Шамилом Федоровичем Джигкаевым, в 2003-2011 гг. (посмертный 7 том вышел в 2012 г.) В нем представлено более 1000 вариантов сказаний, собранных в селах Северной и Южной Осетии (для сравнения: в канонических изданиях приводится 67 сказаний, объединенных в 8 циклов) [4]. Оглавление этих книг и сканы примечаний включены в нашу программу, но о ней позже.

Усилиями энтузиастов в последние годы «Нарты» были **переведены на словацкий** (Nartsky epos. Prerazpravala Eva Maliti Franova. Bratislava: Mlade Leta. 1983. Переиздана в 2017 г. издательством AlleGro.), **английский** (Tales of the Narts. Ancient myths and legends of the Ossetians, Translated by Walter May. Edited by John Colarusso and Tamirlan Salbiev. Princeton and Oxford. 2016), и **сербский** языки (перевод – Момо Селич и Анна Селич, Белград. 2020), а в 2019 г. – еще и на **фарси** (переводчик – Муса Абдоллахи). Тексты канонического издания 1948 г. на осетинском озвучены замечательными актерами: Д. Темираевым, Ю. Мерденовым, М. Икаевым, К. Слановым, Н. Саламовым. В 2020 г. было создано приложение для смартфонов «Ирон чыныг», содержащее упомянутые тексты и звуковые дорожки к ним. На осетинском телевидении было записано несколько сказаний.

Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция «забывания» эпоса большими слоями населения. Значительная часть молодежи может похвастать знанием лишь двух-трех сказаний, смутно отпечатавшихся в их памяти в детстве. При этом внутренний смысл повествования остается им неизвестен. Заметно критическое отношение к некоторым сюжетам, абсолютно неправильно понимаемым при поверхностном знакомстве с эпосом.

Другая проблема – языковая. Утеря связи осетин с текстами сказаний приводит к забыванию заметного слоя литературного языка, к замене архаичных осетинских терминов русизмами (заметим в скобках, что те же проблемы мы наблюдаем и в русском языке, только здесь славянизмы вытесняются англицизмами).

Третий важный момент, обусловивший наше обращение к теме, – это стремление придать осетинскому нартскому эпосу то значение, которое он априори должен был бы иметь уже многие годы, **сделать его визитной карточкой Осетии**, своего рода пропуском для иностранцев в осетинскую ментальность.

Настало время показать миру (а сегодня этот мир наполовину англоговорящий), что многонациональный народ России – это не просто 193 народа и 270 пока еще живых языков и диалектов. Нужно продемонстрировать этнокультурное многообразие России, которое **составляет ее конкурентное глобальное преимущество**, ее силу и самобытность.

В связи с вышеизложенным родилась идея создать интерактивное решение, в котором информация будет представлена в удобном для восприятия молодым поколением формате. А именно: мы предлагаем создать удобное приложение для смартфона, с текстами и иллюстрациями Осетинского нартского эпоса, а также программу на сайте для работы на компьютере.

Нартский эпос насчитывает **более тысячи** оригинальных и документированных записей вековой давности. Сюжеты эпоса, захватывающие и увлекательные, могут привлечь внимание молодежи наряду с более известными скандинавскими и греческими мифами. Не секрет, что истории о викингах, богах, титанах, супергероях занимают умы подростков. Мы хотим предложить молодежи интересные и волнующие воображение истории о новых, а на самом деле давно придуманных и детально продуманных героях, со страниц эпоса нашей родной страны.

Главная задача состоит в том, чтобы **представить их в наиболее понятном формате**, в котором дети и подростки все реже берут в руки книги, нужно предлагать информацию в том виде, в котором они готовы ее воспринимать. Переключив внимание на легенды о наших героях, **мы ставим вторую задачу – обучающую**. В приложении будет представлен параллельный перевод 65-ти текстов с осетинского на русский и английский языки. Пользователь будет иметь возможность видеть перевод каждого предложения на выбранный язык. Кроме того, можно будет прослушать аудиоверсию текста, что также удобно и привычно для современного подростка. Сочетание желания и необходимости изучения языка с возможностью чтения интересных историй может упростить процесс обучения. Программа также будет использоваться в виде Интернет-сайта. Кроме текстов, удобно разбитых на предложения, пользователь сможет воспользоваться словарем трудных и редких слов, примечаниями. На сайте будет размещена информация о сказителях, о собирателях эпоса, о сюжетах сказаний и другие сведения.

В дальнейшем мы планируем расширить предлагаемые опции по выбору языка. С одной стороны, мы планируем поместить тексты не только на иронском осетинском, **но и на дигорском осетинском**, на котором говорит меньшая часть населения, но который сохранил более архаичные словоформы древнего осетинского (аланского) языка. С другой стороны, вместо обыкновенного перевода на русский язык, мы предлагаем трехязычные таблицы. При этом мы исходим из двух предпосылок: первая – посредством английской части текста с материалом сможет познакомиться полмира; вторая – у молодежи Осетии появится еще один инструмент «подтянуть» английский, изучаемый со второго класса, но, как правило, безуспешно.

Кроме того, мы собираемся подготовить варианты **на фарси и на турецком**, имея в виду то, что осетинская диаспора в Турции стремительно забывает родной осетинский. Здесь счет уже идет не на десятилетия, а на годы и месяцы. Нас также волнует состояние владения родным языком в относительно изолированных осетинских анклавах – селении Коста Хетагурова в КЧР, селении Озрек в КБР, селах Моздокского района.

Целевая аудитория проекта – это школьники и студенты России; учащиеся школ и вузов Осетии, изучающие родной и иностранный языки; осетинские диаспоры как в России, так

и за рубежом, укрепляющие связи с метрополией; специалисты по индо-иранским языкам, владеющие русским или английским и изучающие осетинский; специалисты по сравнительному языкознанию.

Для решения поставленной задачи необходима помощь разнопрофильных специалистов, в том числе программистов, дикторов, языковедов, фольклористов, PR-специалистов, художников, педагогов. Поэтому была подана заявка на участие во втором конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации, на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий.

Проект назван незатейливо: **«Осетинский нартский эпос – культурная тропа из прошлого в настоящее»**.

Борьба за умы молодежи никогда не перестанет быть актуальной, особенно в условиях обострения идеологического противостояния “Запад–Россия”. Герои эпосов народов Европы давно стали персонажами мультиков, комиксов, фильмов, рекламы и, по сути, вытеснили из сознания российской молодежи образы русских богатырей, тюркских багатуров, кавказских нартов. Получается, что многомиллионный народ России, имеющий богатейший эпический пласт почти 200 составляющих этносов, терпит поражение в идеологическом противостоянии. Чтобы этого не произошло, необходимо помнить самим и доносить до мировой аудитории (в том числе через русский и английский языки) жемчужины нашего славного прошлого. Мы полагаем, что **позиционирование России как державы двух континентов** подкрепляется именно такими кросскультурными проектами, указывающими на глубинную генетическую связь многих этносов России между собой и с ближайшими соседями.

Мы полагаем, что содержание разрабатываемого приложения должно стать обязательным материалом для участия в различных конкурсах фестивалей, при праздновании Дней осетинского языка. И таких конкурсов будет много.

Мы уже начали сотрудничать с отдельными школами и органами управления образованием в г. Владикавказе и в г. Цхинвале и надеемся, что результат не заставит себя ждать.

Главную сложность мы видим не в поиске денежных средств (хотя без денег, разумеется, не будет написана компьютерная программа, не будут озвучены тексты), а в том, чтобы **привлечь**

интерес молодежи к родному языку, к нартскому эпосу. Сегодня любимыми героями наших детей все больше становятся персонажи скандинавского, древнегреческого, египетского эпосов. Западная индустрия развлечений ежегодно выпускает фильмы, комиксы, мультфильмы, игры и игрушки со своими героями.

Мы предлагаем **привлечь внимание подростков к колоритным героям осетинского нартского эпоса** и показать им новый мир приключений с ценностями народов России. «Нартские сказания», имеющие примерно те же временные характеристики, что и эпосы европейских народов, не уступают последним ни содержательно, ни в художественном смысле. Программа рассчитана на то, чтобы донести до целевых групп содержание эпоса, а также его внутренние смыслы. Молодому поколению проект будет интересен как источник увлекательных и захватывающих историй. Молодежи Северной и Южной Осетии, в дополнение к вышеуказанному – как инструмент для изучения родного (осетинского) языка, расширения словарного запаса, возвращения в оборот утерянных слов и выражений; ученым (фольклористам, культурологам, языковедам) – как материал для сравнительного исследования языков, культур, эпосов.

Поскольку исследования нартского эпоса **актуальны во всех республиках Кавказского региона**: Ставропольском крае, Кабардино-Балкарской республике, Карачаево-Черкесской республике, Республике Адыгея, Республике Ингушетия, Республике Абхазия, мы надеемся, что создаваемые нами инструменты окажут им помощь в аналогичных мероприятиях. Другими словами, мы предполагаем **масштабирование через распространение** в образовательных организациях других регионов СКФО (с добавлением текстов на языках других малочисленных народов), а также за пределами России – в Республике Южная Осетия и Республике Абхазия.

Чтобы понять, какими сторонами **древний эпос может быть интересен нашим современникам**, вернемся к каноническому изданию. Обратим особое внимание на несколько моментов. Прежде всего, на тот факт, что записанные в 19 веке в разных частях Осетии сказания перекликаются между собой, совпадают в главном, т. е. представляют собой не разрозненные сказки и мифы, **а нечто целостное**. И это несмотря на то,

что в старые времена сообщение между осетинскими обществами было затруднено непроходимостью ущелий. В 19 веке, согласно И. Бларамбергу [5], осетинскими землями были: в центре – Туал, на западе – Дигория, на юго-западе – Рача (сегодня это грузинская территория), на юге – территория современной Южной Осетии, а также Трусовское и Гудское ущелья (сегодня – Грузия), на востоке – Джейрах (сегодня это Ингушетия); и центральная часть современной Осетии – Алагирские земли по реке Ардон, Куртатинские – по реке Фиагдон, Кобанские – по р.Гизельдон и земли по Тереку – Дарьял.

Это есть безусловное свидетельство **единства** народа Осетии в далеком прошлом. Некоторых смущает то, что общее название для иронцев и дигорцев – осетины – есть только на русском, на осетинском же обобщающий термин отсутствует.

На самом деле никакой проблемы нет. В древних источниках [6] осетины именовались не только как «аланы», но и как народ Ас-Дигор. Первую часть этнонима «Яс» взяли ушедшие на запад и осевшие в Венгрии наши предки. На карте области Ясшаг можно насчитать около пятнадцати населенных пунктов [7], названия которых начинаются на «Яс». Потомков страны Ас-Дигор окружающие их народы знают по второй части имени, как дигорцев, а в дигорском языке сохранился термин «Ассон», означающий принадлежность к территориям западнее Дигорского ущелья. То есть этническое имя западных осетин осталось за территориями, занимаемыми их предками много лет назад, но уже не ассоциируется с Осетией. Само же слово «Осетия», скорее всего, тоже попало в грузинский язык из имени того же народа: «Ас» в грузинской интерпретации – «аси», от «аси» пошло «Асети», потом – «Осети», и перешло в русский как «Осетия». Таким образом, **термин «ассон» (или «ассиаг») вполне применим** ко всем составляющим единого народа Северной и Южной Осетий.

Второй интересный момент – **древность** эпоса, о которой можно судить по описанию быта героев. Нарты заняты исключительно набегами и охотой. Они не пашут, хотя есть упоминание о злаках, дарованных людям небожителями. Они не занимаются ремеслами, кроме кузнечного дела, почитаемого весьма высоко; знают различные металлы – сталь, железо, медь, золото, серебро. Нарты не знают денег, но оперируют понятием «сокровища», говорят о драгоценных камнях, об изделиях

из слоновой кости. Они живут в селениях, но атакуют города и крепости. Не имеют регулярного войска, но прибегают к услугам алдаров, предоставляющих им организованные войска. Часто бывают они на берегу моря, но лодок и кораблей не используют; при этом своими близкими считают живущих под водой Донбеттыров. Из фруктов нарты знают только яблоки. Письменность им не известна. Религиозные воззрения могут быть определены как ранняя стадия единобожия, где Бог – один, но он – мой Бог, т. е. допускается, что у посторонних им людей может быть иное представление о Высшем. К тому же небожители, общим числом около дюжины, выполняют слишком много функций самостоятельно, без Всевышнего. Бог в их представлении может все, но не по щелчку пальцев; например, он не в силах просто избавить небожителей от Батрадза, а вынужден прибегнуть к хитрости и к их помощи (сказание «Смерть Батрадза»).

Итак, жизнь описываемых нартов близка к тому, что мы знаем о древних германцах, скандинавах или об их эпосе. Обычно это относят к периоду поздней бронзы и раннего железа.

Третий момент – это **связь с эпосами** других народов. К примеру, эпизод с Урызмагом в пещере одноглазого великана схож с общеизвестным приключением Одиссея (сказание «Урызмаг и кривой уаиг»), незакалившиеся колени Сослана – явный смысловой аналог Ахиллесовой пяты (сказание «Смерть Сослана») и т. д.

Четвертое: несмотря на эпичность образов, нарты – не бронзовые истуканы, а **люди** со всеми сильными и слабыми сторонами. Даже те из них, кого принято считать образцами во всем, в отдельных сказаниях могут оказаться коварными или хитрыми, или уступающими в силе другим. Ничего похожего на детские сказочки, где главный герой всех сильнее и умней, напротив, подчеркивается, что всегда найдется кто-то более сильный, чем ты, или более умный, или более удачливый, например, в сказании «Сослан ищет того, кто сильнее его».

Нарты – живые люди, поэтому обитающий больше на небе, в море или на горе Батрадз при необходимости нанимается работником к алдару и тяжело трудится, покуда тот не обзывает его обидным словом («Батрадз и алдар»). Они не всегда умны и благородны, подчас один род подчистую уничтожает другой, что характерно больше для варварства, чем для цивилизации («Ахсартагката и Бората – кровники»).

Если попытаться взглянуть на быт нартов через призму таких составляющих, как экономика, культура, администрация, военное дело, человеческие отношения, внешние коммуникации, наука, то оказывается, что лучше всего представлено военное дело, оружие, сражения. **Экономическая составляющая** нартовского общества практически нулевая: они больше охотятся и ходят в набеги (æнаэхæрд бæстæ, т. е. нетронутая страна – предел мечтаний идущих за добычей), чем трудятся. В дарах, полученных от небожителей, упоминаются соха и различные злаковые, а Сырдон что-то говорит о ткацком ремесле, но ощущается, что производство – не эпицентр, а, скорее, «задворки», периферия жизни нартов.

Внешние **коммуникации** (т. е. связь с другими народами) имеют место, но либо как с врагами (агурами, например), либо как с чуждым и малопонятным миром (например, Бцента), с **некоторыми из которых** можно дружить (люди из страны Гум). Нарты иногда атакуют вражеские крепости (Горийскую, например), но никогда в них не остаются жить.

Человеческие отношения отчасти совпадают с современными, но часто выходят за рамки наших представлений. Так, требование выставить воина на войну или мужчину на соревнование обеспечивается угрозой – в случае неисполнения забрать девушку или юношу из семьи в рабство («Тотрадз и Сослан»); либо угрозой снести головы юношам, если они не сберегут яблоко нартов (сказание «Яблоко Нартов»).

Современному человеку не вполне понятна жестокость Сослана по отношению к Тотрадзу («Тотрадз и Сослан»), или то, почему он вдруг решает сделать себе шубу из скальпов вполне мирных людей (сказание «Шуба Сослана»). Ответ один: варварство – это далеко не цивилизация.

Администрирование, т. е. управление обществом осуществляется, как и везде, при родовом строе: **руководит умнейший, пока он достаточно силен, или сильнейший, пока он не выжил из ума**. Постаревшего Урызмага сажают в сундук и бросают в воду, но возвращают, когда он доказывает, что по-прежнему превосходит всех умом (сказание «Последний поход Урызмага»). Но вокруг нартов живут люди, имеющие алдаров (владельцев князей), имеющие крепости и неисчислимы богатства, т. е. опережающие нартов по уровню развития и управления. Частенько нарты попадают в трудные ситуации,

их мучит голод, но выход находится через отвагу, ум, силу, мужество героев (сказание «Сослан и сыновья Тара»).

Что до науки, или, точнее, **мировоззрения** Нартов, осмысления ими окружающего мира, то лучше всего это показано в сказании **«Сослан в стране мертвых»**.

Несколькими словами содержание можно передать так.

Сослан сватается к дочери солнца Ацырухс, но, чтобы добыть выкуп за невесту, он спускается в преисподнюю, находит свою покойную жену Ведуху (Бедуху), которая во всем ему помогает. По дороге видит множество чудес, происходящих с обитателями загробного мира, а Ведуха разъясняет ему значение чудес.

Сам по себе сюжет с посещением загробного мира неоригинален: со времен древней Эллады или раньше он встречается неоднократно. Но если М. Булгаков, Данте Алигьери и другие авторы были высокообразованными людьми, имевшими солидный багаж знаний о современной им, и тем более предшествующей литературы, если они имели различные коммуникации с огромным миром, то сочинители Нартов вряд ли имели подобные информационные возможности. Тем более интересно ознакомиться с мировоззрением предков, населявших к тому же не центр ойкумены.

Вряд ли можно точно определить время формирования основной части «Нартов», но это, разумеется, не 19 век, когда значительная часть сказаний была перенесена на бумагу, не 17-й или 12-й, поскольку маловероятно, что реалии средневековья никак не отразились на содержании. А то, что быт нартов, сколь фантастичными бы мы не считали их жизнеописание, относится к эпохе раннего варварства, но никак не цивилизации, то это буквально кричит в каждом сказании.

А теперь – об увиденном Сосланом в царстве Барастыра загробном мире. В первом полном послевоенном издании «Нарты кадджытæ» 1948 г. удалось насчитать 33 чуда, которые Ведуха растолковывает недоумевающему Сослану.

Первая группа непонятных Сослану картин может быть охарактеризована как **воздаяние за зло**. Самое первое чудо – мучения людей, совершивших много зла в Стране живых и отвечающих за это в Стране мертвых. Интересна реплика Ведухи: «Они сами себя наказали» («Уыдон цы бакодтой, уый сæхуыдтаг сæхицæн бакодтой») [8]. То есть, во-первых, воздаяние про-

порционально совершенному (одни страдают три дня в год, другие неделю, иные дольше), во-вторых, все несчастья происходят от нас самих.

Второе чудо – наказание для клеветников и расхитителей. Четвертое – для взяточников, выносивших неправосудные решения. Шестое – для стяжателей, отрывавших у бедняков куски земли. Наказание здесь совпадает с уготованным Сизифу: бесконечное таскание тяжестей в гору.

Седьмая картина – наказание для нечестных в отношениях с партнерами, говоря современным языком. Восьмая – страдания для необщительных («нæ йын æмбал уыди, нæ хæлар, уазæг циу, уый нæ зыдта»).

Девятая картина описывает воздаяние за скупость – необходимость есть мерзлую конину. Десятая картина иллюстрирует отношения ссорящихся супругов.

Двенадцатая картина на современном тюремном жаргоне может быть описана как крысятничество или обман своих. Тринадцатая – наказание жены, обманывавшей мужа.

Четырнадцатое чудо – наказание для скупых богачей. Шестнадцатое – наказание людей, без спроса пользовавшихся чужим имуществом, семнадцатое – для воров.

Восемнадцатое – для кормилиц, обманывавших приносящих к ним младенцев, или, говоря современным языком, для лиц, недобросовестно исполняющих обязательства. Деятнадцатое – для присваивающих вверенное имущество. Двадцатое наказание – для детей, мучающих родителей.

Несколько картин описывают **рай или воздаяние за праведную жизнь**. Это – третья картина, где показаны девушки, умершие в девичестве (вероятно, не успевшие еще нагрешить). Пятая картина, живописующая прекрасную загробную жизнь тех, кто не крал и тех, кто помогал бедным. В одиннадцатой картине показаны любящие супруги, которым достаточно заячьей шкурки, чтобы укрыться, в противоположность ссорящимся супругам, для которых недостаточно воловьей шкуры. Добрая женщина в 15 сюжете делает огромный сыр из малой толики молока. Наконец, в 21 сюжете сам Сослан удостоивается исполнения всех благих пожеланий за то, что он приласкал несчастных детей. Общий счет 16:5 в пользу наказанного зла, как и в современной жизни.

Двенадцать следующих сюжетов описывают **будущее**, каким его видели сказители (и, безусловно, слушающие их повествования). Вот здесь-то мы и видим стопроцентное попадание наших предков. Судите сами: двадцать второй сюжет: наступит время, когда станут старшие слушать советов младших, которые, в свою очередь, будут учить старших уму-разуму («*кæстæртæ хистæртæн уынафæгæнæг кæд уыдзысты, зонд сын кæд амондзысты*»). Это время наступило в Осетии в начале 20 века.

Двадцать третья картина несколько туманно изложена, как катран Нострадамуса: «*Ахæм заман скæндзæн, æмæ адæмæн æфсис нал уыдзæн, стыр æмæ чысыл æмбартæ суыдзысты*». Переведено это как: «Наступит такое время, когда и большому, и малому, знатному и безродному будут давать не больше, чем нужно ему для хорошей жизни». Т.е. все станут равны в получении питания при ограниченном его количестве. Ну чем не введение талонов!

Двадцать четвертая картина вполне ясно описана: «*Ахæм заман æрцæудзæн, æмæ сау адæм уæздан адæмыл фæтых уыдзысты, сæ разæй фæуыдзысты*», т.е. придет время, когда простые люди возьмут верх над благородными – сказано гораздо раньше появления на свет основоположников марксизма-ленинизма.

Двадцать пятая картина понятна не сразу. Сказано: «*Уый амон уый, æмæ фæстагмæ дуне адæмæн дуар суыдзæн*». В переводе: «А значит это то, что под конец весь мир станет для людей открытой дверью». Сегодня мы говорим, что знания на планете удваиваются каждое десятилетие.

Двадцать шестое предвидение: «*Уый та уый у, æмæ фæстагмæ адæм хохæй быдырмæ царды хос аразынмæ цæудзысты æмæ та-иу фæстæмæ хохмæ бацæудзысты*», т.е. это значит, что люди, которые с гор спустились на равнину и нашли там хорошую жизнь, со временем снова вернутся в горы – вполне сегодняшняя ситуация.

Двадцать седьмое предвидение: настанет время, когда люди, принадлежащие к разным родам, будут жить дружнее, чем родные братья. Распад родовых отношений в Осетии мы наблюдаем уже не первое десятилетие.

Двадцать восьмое предвидение – гендерное равенство «*Уый та амон уый, æмæ æрцæудзæн ахæм рæстæг, нæлгой-*

маг æмæ сългоймаг æмбартæ кæд суыдзысты, нæлгоймаджы сæрыл кæд нал уыдзæн хъуыддаг («А это предвещает такое время, когда женщина и мужчина будут во всем равны. И не будет славиться мужество»). В 21 веке мы наблюдаем, как вполне себе прогрессивное и реализованное равенство полов плавно перерастает в стремление сексуальных меньшинств за рубежом к доминированию.

Двадцать девятая картина: достоинства, которыми наделены люди, и их добрые дела – бесконечны. Оптимизм, как видно, был издревле присущ нашим предкам.

Тридцатая картина предвосхищает современные учебники: сколько бы ни стремился ты познавать тайны вселенной, всегда сможешь познать только часть из них – идея бесконечности и, одновременно, ограниченности познания. Греки в те же века пришли к тому же, но у них уже была цивилизация, а авторы Нартов не знали даже грамоты...

Тридцать первая картина: *«Уый диссаг нæу, – дзуапп ын дæтты Бедуха. – Ахæм рæстæг скæндзæн, æмæ адæм сбирæ уыдзысты æмæ зæхх баргæ кæндзысты.* (И то не чудо. Наступит время, когда люди увеличатся в численности настолько, что начнут мерять землю»), т. е. бесконечно огромная земля станет недостаточной для проживания увеличивающегося населения. Мальтус отдыхает.

Тридцать вторая картина напоминает современную зарисовку: «Но знакомые есть у тебя, которые подобны этому клубку: в глаза они тебе улыбаются, а за глаза готовы подрезать сухожилия на ногах коня твоего» – воистину, ничто не ново под луной!

И заключительное чудо: отсутствие какое-то время головы на плечах Ведухи означает, что как любящая и верная жена она всегда бывает мысленно с любимым, оберегает его, расчищает ему путь.

Детальный (и для некоторых – скучный) перечень чудес загробного мира приводится здесь для того, **чтобы подчеркнуть отличие между действительно эпическим произведением «Нарты кадджытæ» и современными донельзя упрощенными мультиками**, комиксами, играми для молодежи в стиле фэнтези. Всему свое время. И если для начального (детского) прикосновения к фольклору допустимы примитивные формы изложения, то без перехода на взрослый уровень вся эта про-

дукция превращается в трэш, в мусор для мозгов, приносящий хорошую прибыль издателям, но в футуристическом аспекте – деформирующий общественное сознание. В этом смысл создания нашей программы.

А насколько необычно другое мощное эпическое произведение – «Гибель нартов», где герои, уже приспособившиеся жить в труднейших природно-климатических условиях, предпочитают уйти из жизни, чем влачить бесславное существование и отказываются от потомства вообще, лишь бы не оставлять после себя абы какое потомство. Что-то отдаленно напоминает психологию спартанцев и в корне противостоит современному тренду собирать по телевизору деньги на лечение инвалидов с рождения.

Сказания «Сослан и гумский человек» и «Как Хамыц женился» чем-то схожие. Они интересны тем, как описана встреча нарта с иноземцем. Нарт вовсе не показан как супер-герой, побеждающий всех подряд. Тем интереснее проследить за мыслью сказителя, показывающего, что не все решает грубая сила.

Описание особенностей сказаний можно продолжать долго, но заинтересовавшимся лучше обратиться к программе, а ее составителям – поскорее завершить ее издание.

Примечания

1. См.: Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.

2. Подробнее см.: Л.К. Гостиева. Из истории издания осетинского нартовского эпоса в 1950-2010-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2020. №3. Т. 20. С. 22-26.

3. Нарты. Осетинский героический эпос/Сост. Т. А.Хамицаева и А.Х. Бязыров. М.: Наука, 1990. Кн. 1. 431 с.; М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.; М.: Наука, 1991. Кн. 3. 175 с.

4. Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос. / Сост. Т.А.Хамицаева и Ш.Ф. Джигкаев. Т. 1. Дзауджикау, 2003. 592 с.; Т. 2. Дзауджикау, 2004. 896 с.; Т. 3. Дзауджикау, 2005. 712 с.; Т. 4. Дзауджикау, 2007. 548 с.; Т. 5. Дзауджикау, 2010. 766 с.; Т. 6. Дзауджикау, 2011. 544 с.; Т. 7. Дзауджикау, 2012. 548 с.

5. Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик. ЭЛЬ-ФА. 1999. С. 232.

6. См.: Алемань Аугусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С. 212, 222.

7. См.: Википедия, статья «Ясы».

8. Здесь и далее цитаты на осетинском приводятся по изданию «Нарты кадджытæ» 1995 г., а на русском – «Осетинские нартские сказания» 2001 г.

Н. Г. Осипов, Н. Г. Айдарова

ОСОБЕННОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РФ

В статье проводится анализ особенностей принудительного изъятия земельных участков в Российской Федерации. Представлены теоретические материалы и даны практические рекомендации по совершенствованию законодательства в области принудительного изъятия земельных участков. Выявлена и обоснована необходимость комплексного правового анализа проблем принудительного изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: *принудительное изъятие, категория земель, целевой назначение, разрешенное использование, земли сельскохозяйственного назначения, правовой режим земель.*

Весь земельный фонд РФ делится на семь категорий земель по целевому назначению (ст.7 ЗК РФ). Первая категория – это земли сельскохозяйственного назначения, которые, в соответствии со ст.77 ЗК РФ, представляют собой земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей.

Земли сельскохозяйственного назначения могут быть предоставлены как гражданам, так и различным хозяйствам и обществам. Все виды земель данной категории находятся под особой правовой защитой, поэтому оборот земель сельхоз назначения требует более тщательного правового регулирования.

Одним из важных проблем является принудительное изъятие земельных участков сельскохозяйственного назначения. За последние 30 лет из земель сельскохозяйственного назначения выбыл каждый седьмой гектар сельскохозяйственных угодий и девятый гектар пашни. Сегодня, как и 20 лет назад,

продолжает расти количество деградированных, заброшенных сельскохозяйственных земель, никем не возделываемых, не обрабатываемых, не повышающих плодородие. Ежегодно, по данным Всероссийской переписи сельскохозяйственного населения, не обрабатывается более 40 млн га пашни [7].

Сегодня возрастает количество заросших бурьяном и не обрабатываемых массивов черноземов, заброшенных орошаемых и осушенных земель, увеличивается площадь засоленных, заболоченных и закустаренных земель, катастрофически ухудшается экологическое состояние земельного фонда. Есть и другие негативные тенденции, связанные с усилением деградации земель сельскохозяйственного назначения, которая создает угрозу национальной безопасности России, наносит огромный ущерб продуктивному потенциалу земельного фонда страны [6].

Следует отметить, что необходимость принятия мер для решения продовольственных и экологических проблем, охраны сельскохозяйственных земель находит все большее понимание в обществе.

В соответствии с Конституцией РФ [1], никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Важным правовым фактором обеспечения стабильного оборота и организации рационального использования земель сельскохозяйственного назначения и их охраны является правовой институт принудительного изъятия земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения у его собственника и принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования, права пожизненного наследуемого владения, права безвозмездного срочного пользования земельным участком сельскохозяйственного назначения, права аренды такого земельного участка.

Эти действия государственных органов публично-правового характера направлены на принудительное отчуждение права собственности на земельный участок у частного собственника или землепользования у землепользователя либо иных вещных прав на землю в порядке и на условиях, предусмотренных ГК РФ [2], ЗК РФ [3], Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 №101-ФЗ [4].

Согласно судебной практике, принудительное прекращение указанных прав возможно в случае, если после наложения

административного взыскания в виде штрафа ненадлежащее (нецелевое) использование земельного участка не будет прекращено.

С 01.04.2015 г. действуют изменения законодательства, касающиеся права собственности на землю. В частности, упрощены некоторые этапы процедуры отчуждения землевладения в пользу государства. Определены правила поиска владельца, причём отсутствие сведений в ГКН и ЕГРП теперь не является помехой для изъятия. На сумму выкупа не повлияет стоимость произведённых неотделимых улучшений и возведённых объектов, если они не соответствуют правилам использования земли данного типа. На подписание соглашения о выкупе участка даётся 90 дней. Иначе будет подан судебный иск о проведении процедуры изъятия в принудительной форме.

Законодательством утверждён ряд оснований для отчуждения земельного участка, прежде всего это государственные и муниципальные нужды, такие как:

- исполнение обязательств по международным договорам РФ;
- возведение и реконструкция объектов федерального, регионального и местного значения;
- проведение работ необходимых для недропользования;
- иная деятельность, регламентированная нормативными актами РФ.
- способ эксплуатации землевладения противоречит его назначению, или оно вообще никак не используется.
- нарушение земельного законодательства;
- преступление, совершённое владельцем земли.

Согласно действующим нормативным актам, процедура отчуждения состоит из нескольких этапов:

Инициировать процесс и составить соответствующее заявление имеют возможность лица, указанные в правовых актах, а также сами федеральные, региональные или местные исполнительные власти.

Решение об изъятии принимают уполномоченные властные структуры. Правообладатель должен быть уведомлен письменно. В СМИ публикуется сообщение об экспроприации имущества.

В ситуации, когда сведения об изымаемом объекте отсутствуют в ЕГРП и ГКН, владелец обязан и в течение 60 дней после

объявления обратиться в административное учреждение. Ему необходимо предоставить заявление и набор правоустанавливающих документов с указанием почтового адреса и способа для связи. В противном случае собственность будет признана публичной в судебном порядке [5].

Таким образом, эти правила позволяют государству признать право собственности на бесхозную недвижимость гораздо быстрее. Владелец, лишённый своей недвижимости по умолчанию, вправе обратиться к властям за компенсацией в случае, если землевладение не было передано третьему лицу.

Выкуп осуществляется субъектом, для нужд которого необходим данный участок, либо Российской Федерацией. Для этого производится оценка рыночной стоимости имущества, иных прав на него, подлежащих прекращению, упущенной выгоды и других объектов, находящихся на его территории и принадлежащих данному собственнику. С согласия хозяина ему может быть предоставлен равноценный земельный надел взамен изымаемого.

Составляется соглашение об экспроприации, в котором прописываются её сроки, размер предусмотренной выплаты и другие особенности процедуры.

На принятие решения владельцу недвижимого имущества даётся не более 90 дней. Если он не согласен с условиями выкупа, предложенными представителями государственных структур, то в судебную инстанцию направляется соответствующее требование.

Рассмотрев материалы практики, становится понятно, что в большинстве случаев решение выносится в пользу государства.

При наступлении чрезвычайных обстоятельств земля может быть временно реквизирована для публичных нужд. Если впоследствии её нельзя будет вернуть, то собственнику выплачивается рыночная стоимость имущества или предоставляется равноценный участок (по его желанию).

Для определения величины денежных затрат на выкуп, проводится оценка отчуждаемого участка, возведённых на нём недвижимых объектов и произведённых неотделимых улучшений, при условии, что все работы велись в соответствии с целевым назначением земли, упущенной выгодой и иными убытками. Собственнику выплачивается возмещение в денежном эквива-

ленте либо предоставляется равноценное по параметрам имущество.

Таким образом, в процессе отчуждения земельного участка можно выделить несколько этапов:

- принятие решения;
- разработка соглашения об изъятии;
- подписание либо подготовка судебного иска;
- возмещение убытков.

Необходимо заметить, что способ прекращения права собственности, предусмотренный п. 2 и 3 ст. 286 ГК РФ [2], в известной степени противоречит ч. 3 ст. 35 Конституции РФ [1], устанавливающей, что лишение любого лица принадлежащего ему имущества возможно только в судебном порядке. Вопреки данному принципу, ст. 286 ГК РФ [2] допускает возможность осуществления изъятия земельного участка ввиду его ненадлежащего использования путем издания соответствующим органом государственной власти или органом местного самоуправления решения о таком изъятии и последующего получения согласия собственника на его исполнение.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с изменениями на 23 мая 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.

3. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 г. (действующая редакция от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ от 29.10.2001 г. № 44, ст. 4147.

4. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

5. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2014 г. N 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные

акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

6. Постатейный комментарий к Земельному кодексу и Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»/Отв. ред. Г. Е. Быстров, Б. Д. Клюкин. М., 2021. С. 458.

7. Радько Т. Н. Основы земельного права [Текст]: учебное пособие/Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2020. С. 105.

А. М. Цалиев, В. В. Каболов

О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2023-2028 ГОДАХ

В статье рассматриваются актуальность и обоснованность реформирования органов местного самоуправления в предстоящие годы. Доказывается, что в условиях постоянных санкций в отношении России повышение эффективности их деятельности, как местных органов власти, приобретает особое значение в социально-экономической сфере решение вопросов местного значения. Анализируется достоинство федерального законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Федеральный законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», муниципалитет, городской округ, муниципальный округ, местное самоуправление; городские и сельские поселения.

В целях повышения эффективности деятельности органов местной власти предложен законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который прошел первое чтение в Государственной Думе. Именно на этом уровне власти люди чаще всего решают свои повседневные проблемы. Как говорят, до большого чиновника далеко, а тут он сам рядом. К тому же, после осложнения международной обстановки и известных санкций в отношении нашей страны органам власти придется решать многие социально-экономические вопросы. Ситуация осложняется тем, что сами органы местной власти будут в значительной мере реформироваться, поэтому им придется решать еще и задачи организационного характера. Но как показывает история,

Россия начинает действовать и показывать свои возможности в крайне сложных, почти безвыходных ситуациях. Вот и сейчас у России появляется шанс возродиться, стать примером для других стран, показать новую модель социально-экономического, духовно-нравственного и государственного строительства. Ситуация сходная с той в, которой Суворова вместе с армией маршал Массена запер в Альпах и хвастался: «Суворов у меня в кармане». Русский полководец понимал серьезность положения. Он обратился к солдатам: *«Помощи нам ждать неоткуда. Мы на краю гибели. Теперь остается надежда на храбрость и самоотверженность моих войск! Мы русские! С нами Бог!»*.

Наши предки совершили невозможное. Армия с пушками и обозом перешла Альпы. Это было невероятно. Весь мир был повергнут в шок. Безнадежное положение обернулось таким результатом, что Массена заявил: *«Я отдал бы все свои победы за альпийский поход Суворова»*.

Аналогичная задача стоит перед нами. Помощи нам ждать неоткуда. Ни олигархи, ни иностранцы нам не помогут. Или ценой нечеловеческих усилий мы обернем безнадежное положение в сокрушительную победу, или история сомнет Россию, а вместе с ней всех нас. Россия оказалась в критическом положении, поэтому необходимо максимально эффективно задействовать все уровни публичной власти. Что касается местной власти, то у нас нет того большого опыта активного вовлечения ее в решение задач местного значения, и поэтому его надо использовать с учетом российской реальности [1, с. 7].

Осуществление местного самоуправления в Российской Федерации имеет конституционные гарантии. Они представляют собой правовые средства обеспечения деятельности местного самоуправления и являются важнейшим условием полного и эффективного выполнения им своих задач и полномочий.

Профильные комитеты обеих палат федерального парламента предложили к рассмотрению проект нового закона об общих принципах организации местного самоуправления. В субъектах РФ предлагается **ввести два вида муниципалитета: городской округ и муниципальный округ**. Исключение составят лишь города федерального значения, где возможны внутригородские муниципальные образования. Ожидается, что новая система местного самоуправления сделает невоз-

возможным перекладывание ответственности с одной администрации на другую.

Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас пояснил, что закон даст возможность для более демократичного формирования представительных муниципальных органов. «Упразднение двухуровневой структуры муниципалитетов оставляет единственный способ их формирования – прямые муниципальные выборы», – подчеркнул сенатор. Но это некоторые депутаты Госдумы расценили как отстранение народа от власти.

В законопроекте сохраняются формы прямой демократии, предусмотренные законом 131-ФЗ, такие как муниципальные выборы, местный референдум, опрос граждан, публичные слушания и другие. «При этом граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления и в иных формах, не предусмотренных в законе, в том случае, если это не противоречит Конституции и законодательству», – пояснил Клишас.

Проект уточняет компетенцию органов местного самоуправления, что позволит покончить с путаницей при распределении полномочий между субъектом РФ и муниципалитетом. За городскими и муниципальными округами закрепляется идентичный объем неотъемлемых полномочий, направленных на непосредственное решение местных задач. При этом регион может забрать ряд полномочий для обеспечения интересов населения. Кроме того, законопроект усиливает ответственность глав муниципальных образований перед руководителем региона. Одно из оснований для отставки главы муниципального образования – систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления (главы муниципального образования или местной администрации).

На взгляд сенатора Клишаса, в системе российского местного самоуправления наиболее остро стоят вопросы, связанные с отсутствием четкого разделения полномочий, как между различными уровнями публичной власти, так и различными уровнями. Новый закон призван снять противоречия между регионами и муниципалитетами. Устанавливается закрытый перечень из 27 неотъемлемых полномочий местного самоуправ-

ления, а также перечень тех полномочий, которые могут быть перераспределены на региональном уровне.

Нам кажется, что новая инициатива сенатора Андрея Клишаса и депутата Госдумы Павла Крашенинникова предполагает с 2023 по 2028 год полностью реформировать местное самоуправление в сторону укрупнения муниципалитета, о чем пишут давно. Так, еще в 2010 г. Э. Маркварт писал о том, что сегодня можно говорить о потенциальной необходимости и возможности укрупнения (объединения) только таких муниципальных образований-поселений, в которых сложившиеся в силу объективных демографических и миграционных процессов численность и структура населения, в совокупности с уровнем и потенциалом экономического развития, не могут обеспечить реализацию сущностной компетенции местного самоуправления. При этом речь идет именно о сущностной, т.е. ключевой, компетенции самоуправления (базовых коммунальных и немногих основных социальных задачах), а не полном перечне вопросов местного значения [2, с. 8]. Результатом станет обнуление этого уровня власти, а потом его фактическое упразднение. Ст. 12 неизменяемой главы 1 Конституции о самостоятельности МСУ де-факто отменяет без референдума, в поселениях останутся только старосты, а муниципальные и городские округа не будут административно-территориальными единицами субъектов РФ. Есть в законопроекте и политическая составляющая: на время переходного периода местные выборы разрешаются только в городах.

Очередной законопроект Клишаса – Крашенинникова называется вполне понятно: «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». И ключевой замысел этой инициативы тоже понятен уже с ее первых строк. Действующий закон о МСУ определяет его таким образом: «Местное самоуправление в РФ – форма осуществления народом своей власти... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций».

Теперь же основной постулат переформулирован полностью: «Местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ форма самоорганизации граждан в це-

лях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения)». Конечно, о самостоятельности, независимости и прочих атрибутах МСУ в законопроекте тоже говорится, но позже, кстати, уже после упоминания единой системы публичной власти, в которую МСУ и входит. Кратко говоря, ст. 12 главы 1 Конституции, которую не может изменить парламент (только референдум), по сути, отменяют. Норма о том, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», становится не более чем конституционной фразой.

Более того, в ст. 4 законопроекта вдруг объявляется, что «муниципальное образование не является административно-территориальной единицей». То есть в субъектах РФ отменяется их нынешнее деление, там будут только укрупненные по максимуму городские и муниципальные округа.

При этом в пояснительной записке Клишас и Крашенинников заявляют, что реформа меняет территориальный принцип организации МСУ на «принцип привязки к населению». В это очень сложно поверить, поскольку на уровне поселений отменяется всякая власть, да и сами эти поселения в результате такого обнуления упраздняются. Законопроект разрешает держать «на земле» лишь старост на общественных началах – или как там еще их по местным обычаям назовут.

Представительные органы в округах должны быть обязательно, причем указывается, что они могут формироваться только в результате выборов. А вот главы округов, кроме прямого избрания или назначения депутатами, еще могут выдвигаться и главой региона на решение тех же муниципальных советов. О расширении их полномочий один из авторов данной статьи начал писать еще с середины 1990-х годов [3].

По действующему законодательству, сегодня губернаторы получают право наказывать муниципалов выговорами и отставками за безделье или по недоверию. При этом всем местным органам рекомендуется – в вышеуказанном смысле – получать статус юрлица. В этом случае они будут считаться муниципальными казенными учреждениями. То есть снизят свою финансовую самостоятельность, а отчетность по вертикали у них будет повышенная.

Итак, с 2023 года в стране начнется радикальная реорганизация российского местного самоуправления. Из имеющихся сейчас в наличии около 20 тысяч муниципалитетов в течение пяти лет будет упразднена как минимум половина. Среди них – городские и сельские поселения, самый низовой и близкий к населению уровень власти.

Насколько экономически обоснована эта реформа? Зачем она вообще нужна? Мы знаем, что наше местное самоуправление – слабое, плохо работающее, денег у него нет. Мы знаем, что общение с муниципальными чиновниками способно ввести в ступор даже человека с крепкими нервами, а на муниципальные выборы не ходит подавляющее большинство избирателей. Но будет ли лучше после того, как кадры перетасуют, муниципалитеты перекроют и сольют?

В 2003 году первый замглавы Администрации президента Путина Дмитрий Козак объяснял, почему было решено остановиться на двухуровневой системе МСУ. «Прежде всего, изучался «наш дореволюционный опыт» – земская реформа Александра Второго, который в 1864 году «имел мужество» и ввел «ту модель местного самоуправления, которую мы сегодня пытаемся восстановить и которая доказала свою состоятельность», – говорил г-н Козак. – Земства как выборные органы, занимавшиеся решением насущных проблем жизни территорий, могли вводить налоги и сборы на разные цели, вроде строительства школ или больниц; сначала существовали на уровне губерний и уездов, а после Февральской революции появились и в волостях; в деревнях сохранялось общинное самоуправление. Еще, – говорил г-н Козак, – изучался опыт Франции (в том, что касалось организации местного самоуправления в городах и селах) и Германии (в том, что касалось взаимодействия между различными органами МСУ)». Реформа Козака изначально была направлена на приближение местного самоуправления к населению, на то, чтобы в селах, деревнях, поселках и маленьких городах были свои депутаты, свои органы местного самоуправления. «Ближе к людям» – таким был ключевой посыл, и он был правильным. С конца XIX века и в досоветское время, и в советское, и в раннее постсоветское время в России всегда был низовой уровень (неважно, как он назывался – земская управа, община, сельсовет), до которого можно было прийти, достучаться...

Но реформа в 2003 году проводилась по единым лекалам для регионов с разной системой расселения. Был единый норматив – на какое количество населения должно приходиться одно сельское поселение, и те, кто занимается регионалистикой, бились, в основном, с этой вот казенщиной, с унификацией подхода к образованию сельских и городских поселений. Страна очень большая и разнообразная, она не может организовываться под единый формат.

Сначала несколько регионов даже пытались сопротивляться нововведениям. Например, на Сахалине, в Свердловской области все территориальные единицы были названы городскими округами, чтобы не вводить двухуровневую систему и избежать лишнего дробления.

Надо вспомнить, что субъекты РФ в период кризиса, когда им пришлось выполнять указы президента и повышать зарплаты бюджетникам до уровня средних по региону, с конца 2012 года сами начали тихой сапой процесс укрупнения, прежде всего, сельских поселений. Это делалось для того, чтобы хоть как-то сэкономить деньги, потому что в 2013-2014 годах по 77-79 субъектов РФ из тогдашних 83 сидело в дефиците. Денег не было. Так что процесс сокращения численности низовых работников местного самоуправления идет уже несколько лет, и идет достаточно активно. А в 2019 году ввели понятие **«муниципальных округов»**, в которых как бы можно было отменять двухуровневую систему местного самоуправления. Это был еще один шаг к сокращению числа муниципальных образований, представительств и муниципальных чиновников. Многие регионы пошли по этому пути, и тут уже вопрос был не только про деньги, но и про концентрацию власти и выгодное для региональных властей упрощение системы управления.

Несколько слов про занятость в местном самоуправлении. В муниципалитетах всех уровней, включая муниципальные районы и городские округа, занято меньше 300 тысяч человек. 264 тысячи из них – исполнительная власть, т. е. муниципальные чиновники. Большая их часть, примерно 200 тысяч человек – это муниципальные работники сельских и городских поселений, хотя работников в каждом – по 3-4 человека...

Но ведь не было объявлено, что при уничтожении низовых муниципалитетов всех работающих там сократят! На местах, говорит нам сейчас власть, все равно останутся представите-

ли муниципальных органов управления более высокого уровня. То есть люди там будут, они будут получать зарплату, из чего мы можем сделать вполне внятный вывод о том, что большой денежной экономии эта реформа не принесет.

Поскольку полномочий кот наплакал и денег мало, место незавидное, а человеческий капитал на периферии так себе, качество управления, безусловно, невысокое. Ждать, что там родятся великие менеджеры, точно не приходится. Но ведь и на уровне муниципальных районов есть к качеству управленцев много вопросов. Зато сельские поселения (в Архангельской области, например) дали нам интересный феномен: там много женщин-управленцев, избранных глав поселений, которые пытаются максимально рачительно эти копеечные деньги как-то расходовать, поднимают людей на решение местных проблем... Мы имели систему, которая формулировала управленческие навыки, навыки самоорганизации. Сейчас же в этих поселениях будет сидеть назначенный сверху чиновник. И на этого чиновника не стоит обижаться: ведь если вы назначены верхним начальником и отчитываетесь только перед ним, то будете исполнять указания, спущенные сверху. Если же вы избирались населением, то стараетесь все-таки учитывать то, что людям важно, слушать их. Слом системы обратной связи и представительства интересов местного населения через избранных ими глав – самое страшное последствие этой как бы реформы, а на самом деле антиреформы, давайте называть вещи своими именами. Эти главы часто оказывались не очень компетентными, но они все же пытались представлять интересы локального сообщества.

Число выборных органов и выборов в России существенно сократится, потому что сократится число органов МСУ, формируемых посредством выборов. Из текста законопроекта следует, что уже с 2023 года в городских и сельских поселениях, муниципальных округах, обреченных на исчезновение, муниципальные выборы назначаться и проводиться больше не будут. Уже избранные к тому моменту местные депутаты, главы поселений и муниципальных районов доработают до конца срока полномочий. Нынешняя система МСУ полностью должна быть заменена на новую, одноуровневую, к 2028 году.

«Людам все равно, как оно все организовано, выбирается местный глава или назначен, главное, чтобы дороги строили,

ЖКХ не рвало в морозы, а преобразования позволят усилить кадрами и организационно местное самоуправление», так говорят сторонники реформы.

Какие это будут новые кадры, откуда? Они что, перетекут из низового самоуправления в муниципалитеты и изменятся качественно? Это демагогия. Кадры есть те, что есть, других не будет. Из Москвы никто не приедет поднимать местное самоуправление, а даже если бы приехал, то не справился бы в этих финансовых условиях и при нашем законодательстве, где один закон противоречит другому, а посадка мэра – стандарт российской системы управления. Не будет лучше работать ЖКХ после ликвидации низового уровня МСУ. Ничего по существу не поменяется.

Сокращение центров управления внесет дополнительный дискомфорт, но сказать, что оно предопределяет рост оттока... Отток и так идет. Гораздо больший урон селу нанесла оптимизация сети социальных услуг. Когда закрываются малокомплектная школа, фельдшерско-акушерский пункт или участковая больница, семьи с детьми принимают определенные решения и переезжают в более крупные населенные пункты, а пожилые просто тихо терпят и умирают.

Уменьшение функции низового управления плохо не только для уже обезлюдивших деревень в этой части страны, оно еще хуже для территорий, где возрастная структура населения не такая старая, где есть работоспособное население. Когда у вас на территории не будет власти, с которой вы лично можете взаимодействовать, это будет порождать дополнительное недовольство, дополнительный управленческий бардак. Ухудшение обратной связи не позволит людям отстаивать свои запросы на получение нормальных социальных услуг. На то, чтобы были дороги, чтобы как-то работало ЖКХ. Вот в чем проблема. У людей, даже когда они просто пожалуются, есть некое ощущение того, что они высказались и это куда надо дойдет. Надежда есть. А теперь, наверное, на «прямую линию» с президентом будут выстраиваться многокилометровые очереди.

Власть же стремится к снятию любых политических турбулентностей, как она их понимает, и к упрощению системы управления. Но, упрощая в одном месте, резко усложняет в другом. Например, в связи с реализацией нацпроектов, при-

нятых после избрания Владимира Путина на очередной срок в 2018 году, количество видов субсидий, которые получают субъекты РФ, выросло с сотни с небольшим до более чем 300. И по каждой из них регион должен софинансировать и отчитываться.

Так что это не упрощение – это разрастание бюрократической системы, которая, как газ, заполняет собой все пространство. Главное, чтобы внизу ничего не мешало. А наверху мы сделаем так, чтоб контролировать все по максимуму. Это одна из ключевых политических целей проведения нынешней реформы местного самоуправления: повышение контроля. Нет представительства – некому организовать протест. Нет представительства – никто не будет портить картину и порождать вопросы, почему не того избрали...

В развитых странах низовое местное самоуправление – неотъемлемый элемент организации публичной власти, и не имеет значения, унитарное это государство или федеративное. В разной мере, но это представительство существует, потому что люди должны иметь обратную связь и возможность свои интересы предъявлять. Это нормальная низовая демократия, без которой демократии в целом не бывает.

Сейчас к муниципальным образованиям, в рамках пока функционирующей двухуровневой системы местного самоуправления, относятся городские и сельские поселения с одной стороны и городские округа с муниципальными районами – с другой стороны. Теперь статья 9 законопроекта (уже принятого в первом чтении в момент написания материала) чётко и однозначно указывает следующие виды муниципальных образований (МО):

- Городской округ (такие как Владикавказ).
- Муниципальный округ (сейчас в РСО-Алания 8 муниципальных районов. Именно они в округа и превратятся. Хотя, может быть количество **округов уменьшится**).
- Внутригородская территория города федерального значения. Для нас данный вид МО неактуален).

А где же городские и сельские поселения? Они упраздняются. И вот на данной позиции авторы (один из которых был руководителем Иристонского округа г.Владикавказа и Главой Алагирского района) позволяют себе остановиться чуть-чуть более подробно. Начнём с городских поселений. Для приме-

ра возьмём два замечательных города РСО-Алания: Алагир и Дигора. Там избраны и существуют представительные органы местного самоуправления – Советы депутатов. Их полномочия выполняют, и уже довольно давно, районные администрации. А вопрос в том, что именно делают и чем занимаются алагирские и дигорские городские депутаты, в состоянии поставить в тупик не только местных жителей, но и самих депутатов. По факту их представительство уже давно просто декорация, а не работа в системе муниципальной власти. Нам, конечно, могут возразить: «Ну, как же! Некоторые из них стараются помогать людям в решении их проблем». Но, во-первых, они могут это делать, если сильно хотят, и как обычные представители общественности. А, во-вторых, не стоит забывать, что есть и никуда не делись депутаты районного уровня, которые, между прочим, на территории городских поселений также избираются. Есть ещё и в-третьих: а знают ли люди своих избранных в городских и сельских поселениях. И в ответ обычно слышится звенящая тишина...

Теперь про сельские поселения. Здесь тоже есть избранные депутаты, которые также, за очень редкими исключениями, работают в глубоком подполье и не видны людским взорам. На заседания они собираются редко, и при этом не сказать, чтобы и метко. Но в сельских поселениях, в отличие от городских, есть ещё и администрации с главой поселения. Работа, без какого-либо существенного объема властных полномочий и соответствующего финансирования, теперь у них простая, работа у них такая: по каждому, порой малейшему поводу, обращаться в администрацию района и просить помощи. Таким образом, упразднение поселенческого уровня организации местного самоуправления – это не более чем констатация факта, того, что на самом деле уже имеет место быть.

Что касается такого вида образования, как муниципальный округ, то нужно отметить, что, согласно статье 4 законопроекта, муниципальное образование не является административно-территориальной единицей. То есть старое деление теряет актуальность и можно их укрупнять, либо дробить быстро и как угодно. Впрочем, здесь есть один нюанс. Часть 9 статьи 10 законопроекта гласит: *«Границы городского округа, муниципального округа, как правило, устанавливаются с учетом транспортной доступности до их административных*

центров и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в их состав». Правда эта же часть этой же статьи дальше гласит: «Указанные требования, в соответствии с законами субъектов Российской Федерации, могут не применяться на территориях с низкой плотностью населения, а также в отдаленных и труднодоступных местностях». По опыту личных, субъективных наблюдений смею утверждать, что у нас такие территории фактически есть. И последнее. Согласно законопроекту, изменение границ муниципального образования осуществляется законом субъекта Российской Федерации по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, федеральных органов государственной власти.

В тех муниципальных образованиях, которые не упраздняются, в принципе, сохраняется та же структура органов местного самоуправления: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация и контрольно-счетный орган. Что касается местной власти на местах, то есть в поселениях, в первую очередь, сельских, предусматривается институт старост (возможны иные названия, с учётом сложившихся исторических традиций) на общественных началах. Как он будет работать на практике – пока не вполне понятно.

Положительным в законопроекте считаем предлагаемые меры ответственности должностных лиц за результаты своей деятельности. Так, губернаторы, согласно законопроекту, получают право применять в отношении муниципалов разнообразные меры воздействия – от выговора до отставки (Ст. 29). При этом, инициатива высшего должностного лица субъекта Российской Федерации об удалении главы муниципального образования в отставку должна оформляться в виде обращения, которое вносится в представительный орган муниципального образования вместе с проектом соответствующего решения представительного органа муниципалитета. Законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который наверняка станет законом, вступит в силу с 1 января 2023 года. Далее, до 2028 года объявляется переходный период. В течение указанного времени муниципальные районы должны стать

округами, а выборы будут проводиться только в существующих городских округах. В общем, впереди много интересных организационно-практических мероприятий. Какой уж тут застой...

Примечания

1. Бабичев И. В., Смирнов Б. В. Местное самоуправление в Современной России: становление и развитие. М., 2011.

2. Маркварт Э. К. К вопросу об укреплении муниципалитетов. Общий взгляд // Местное право. 2010. №3.

3. Цалиев А. М. Органы государственной и местной власти. Владикавказ, 1997.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

А. Р. Аладжикова, Рассказов М. Ю.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЭКСТРЕМИЗМА КАК ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

В статье приведены понятия экстремизма как в отечественных академических исследованиях, так и в дискуссиях западных стран, определены исторические аспекты экстремизма. Отмечено, что в России в настоящее время на законодательном уровне установлены приоритеты национальной безопасности, в том числе в части борьбы с экстремизмом; вместе с тем одним из перспективных направлений борьбы с экстремизмом в нашей стране является уголовное преследование за указанные деяния.

Ключевые слова: экстремизм, интерпретации экстремизма, организации борьбы с экстремисткой деятельностью, приоритеты национальной безопасности, перспективные направления борьбы с экстремизмом.

В XXI веке экстремизм стал реальной глобальной проблемой. Хотя вопрос экстремизма широко обсуждается, до сих пор нет единой интерпретации того, что означает этот термин. Так, в социологических рамках экстремизм относится к политическим идеологиям, содержащим идеи противостояния основным ценностям и принципам общества.

Как считает Е. В. Демидова [1], отрицая основные имущественные права и свободы граждан или выступая против установленного порядка социально-регуляризованных и легитимизированных отношений, экстремизм представляет собой угрожающее обществу явление.

Экстремизм является актуальной проблемой для многих стран, независимо от их политических и социально-экономических достижений. Мировой опыт показывает, что как способ и средство решения социально-экономических, политических, религиозных, экологических и других проблем экстремизм может возникнуть практически в любой стране.

Как указывает Ю. В. Антюхов [2], согласно документации Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), экстремизм –

это форма политической активности, которая прямо или косвенно отрицает принцип парламентской демократии.

Л. М. Никитина [3] считает, что экстремизм буквально означает «качество или состояние крайности» или «пропаганду крайних мер или взглядов».

Эту терминологию чаще всего употребляют в рамках религиозной или политической идеологии, которая по своим приоритетам кардинально отличается от устоявшихся и принятых обществом взглядов, уклада. Он также может быть использован в экономическом контексте. Этот термин обычно используется как уничижительный. Однако он может также использоваться в более академическом, чисто описательном, не осуждающем смысле.

Экстремисты обычно противопоставляются центристам или умеренным. Например, в современных дискуссиях в западных странах об исламе или исламских политических движениях обычно подчеркивается различие между экстремистскими (подразумевающими «плохие») и умеренными (подразумевающими «хорошие») мусульманами. Политические программы, воспринимаемые как экстремистские, часто включают в себя программы крайне левой или крайне правой политики, а также радикализм, реакционизм, фундаментализм и фанатизм.

Экстремизм возникает из восприятия «нас против них», усиленного убеждением в том, что успех «нас» неотделим от враждебных действий против «них». В иностранных источниках есть точка зрения, что экстремизм отличается от обычной неприятности – заурядной ненависти и расизма – своей широкой рационализацией настаивания на насилии [4].

Термин «экстремизм» происходит от латинского слова «*extrēmus*» – крайний, последний, отдаленнейший [5]. Определение экстремизма дается в энциклопедических изданиях, где это явление определяется как склонность к осуществлению крайних действий в рамках имеющихся крайних взглядов, чаще всего в идеологии или политике. Понятие экстремизма используется для определения позиции (относительно идеологии, намерений, действий), соответствующей экстремистским мнениям.

В России правовое определение деяний, отнесенных к экстремистским, приведено в статье 1 Федерального закона 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6]. В частности, экстремистская деятельность (экстремизм):

– насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное, заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Д. С. Безносов [7] указывает, что с точки зрения психологии, экстремизм исследуется в его многоаспектной форме возникновения и многовариантных формах перехода в общество как социопсихологический феномен, выражающийся в действиях индивидов и групп. Проще всего определить его как деятельность (а также убеждения, отношение к кому-либо или чему-либо, чувства, действия, стратегии) индивида, которая далека от общепринятой. В конфликтных обстоятельствах происходит демонстрация жесткого урегулирования конфликта. Тем не менее, способ пометить деятельность людей и группы как «экстремистские», наряду со способом выяснить, что является «общим» или «общепринятым», всегда является субъективным и политическим вопросом.

В справочной литературе экстремизм трактуется как приверженность к крайним взглядам и мерам [8; 9]. Р. М. Афанасьев пишет, что в философии под сущностью экстремистской деятельности понимают: «антиобщественные взгляды и поступки», «характеристику противоправных деяний» [10]. Тогда, как согласно позиции А. А. Хоровинникова, экстремизм есть ни что иное как противоположность позитивным социокультурным ценностям [11].

На деструктивный характер человеческой сущности, представляющий специфическую форму отчуждения, ориентиро-

ванную на уничтожение регулярной идентичности в экстремизме, указывает О. А. Русаков [12].

А. Г. Хлебушкин считает, что в социологии экстремизм – это деструктивная тенденция, являющаяся препятствием для модернизации российского общества [13]; приверженность к крайним взглядам и мерам, проявляющаяся в соответствующем социальном поведении, во всех сферах человеческой активности: в межличностном общении, во взаимоотношениях полов, в отношении к природе, в политике и т. д.; не просто пренебрежения к общественным нормам, правилам, законам, а крайняя степень пренебрежения.

Н. В. Воронов указывает, что в политологии экстремизм рассматривается как дестабилизирующий фактор, направленный на разрушение существующей политической системы; негативный атрибут процесса человеческой жизнедеятельности; заряд агрессии, ненависти и злобы [14].

В юридических источниках экстремизм трактуется как аномальное (социально-негативное) [15], наиболее разрушительное [16], имеющее антиобщественную ориентацию [17] явление, форма крайнего, радикального отрицания существующих социальных норм, агрессивное социальное явление.

В доктринальных источниках также не сформирована единая позиция по определению понятия «экстремизм»: в частности, под экстремизмом понимают:

– противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений;

– «действия и идеи, очевидно и решительно нарушающие нормы повседневной жизни, обоснованные линии поведения, демонстративно конфликтующие с обычными практиками людей», «специфический жизненный стиль некоторых групп, чьи значения и ценности выступают в резкое, осознанное противоречие с общественными взглядами, моралью окружающих»;

– отрицание норм и правил, принятых в обществе;

– форму радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп;

– агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными проявлениями которого служат нетерпимость к мнениям оппонента, ориентированного на общепринятые

в обществе нормы; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы;

– непринятие консенсуса как ценного, делового инструмента в каждодневной деятельности; приверженность к крайним мерам в целях достижения какой-либо цели, воплощения какой-либо цели, воплощение в жизнь определенной идеи.

В криминологическом отношении экстремизм представляется возможным определить, как криминогенно-криминальное явление; приверженность к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп) [18].

При изучении содержания экстремизма следует обратить внимание на ряд проблем. Во-первых, несмотря на кажущуюся ясную и очевидную простоту понятия, в научной среде существуют различные понимания этого явления. Такое несоответствие в определении экстремизма характерно для всего мирового сообщества, и жесткие дебаты о правильности диагностики происходят во всем мире регулярно. Поэтому можно говорить о многогранности смыслов и интерпретаций экстремизма. Учитывая расплывчатость и неточность, а следовательно, и большой потенциал слишком широкого толкования экстремизма, появляются большие возможности для терминологической манипуляции, для отнесения к экстремистским действиям любых действий, выходящих за рамки общепризнанных и разрешенных правилами определенного общества или государства. Каждая сторона рассматривает это явление на основе своей позиции.

Во-вторых, экстремизм рассматривается исключительно как носящий негативный характер. По мнению А. Р. Абдуллоева [19], неоднозначность экстремизма порождается, прежде всего, возможностью охвата широкого круга видов деятельности, подпадающих под категорию данного явления. С точки зрения Е. В. Сальникова [20], это неправильно. По его мнению, диагностировать экстремизм исключительно как общественно опасное и, как следствие, незаконное явление, нельзя, поскольку в этом случае пришлось бы признать, что многие экстремистские действия и взгляды могут рассматриваться как нарушения общественного порядка и подпадать под уголовную или административную юрисдикцию (например, публичные голодовки, марши протеста).

Третья проблема касается трактовки экстремизма как деятельности. На практике экстремизм не всегда сопровождается действиями. Экстремистские настроения, убеждения, взгляды и идеи более широко распространены в обществе, чем явная агрессия и ненависть; экзистенциальные взгляды можно найти во всех слоях общества. Такого рода экстремизм, когда он рассеивается в общественном сознании, создает основу для социальной напряженности. Не менее важно и то, что при формировании фона повседневной жизни, в котором происходит рутинная индивидуальная деятельность, этот латентный экстремизм влияет на социализацию и мировосприятие граждан и молодежи, тем самым воспроизводя себя в будущих поколениях.

Кроме того, экстремизму благоприятствуют высокий децильный коэффициент разрыва в доходах между богатыми и бедными, духовно-нравственная трансформация общества, рост недоверия к существующей социальной и социальной среде, деформация системы образования и воспитания.

Распространение экстремизма и его проявлений свидетельствует об отсутствии социальной адаптации вовлеченных лиц и развитие антисоциальных настроений, что является причиной агрессивного поведения.

Высокая социальная напряженность в мире ставит перед учеными задачу выявить причины его роста и поиск путей его нейтрализации. Сегодня в России приняты и реализуются: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [21], Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», в котором определены направления противодействия экстремизму как угрозе национальной безопасности [22].

Таким образом, сегодня в мире и России экстремизм является одной из угроз национальной безопасности. Имея довольно давнюю историю, он приобрел различные формы проявления, стал оказывать все большее влияние на уровень преступности.

В целях организации борьбы с экстремистской деятельностью, государства должны обеспечивать реализацию комплекса мер, включающих как разработку методологии противодействия, так и практические мероприятия по его снижению.

В России в настоящее время на законодательном уровне установлены приоритеты национальной безопасности, в том числе в части борьбы с экстремизмом. Вместе с тем одним

из перспективных направлений борьбы с экстремизмом в нашей стране является уголовное преследование за указанные деяния.

Примечания

1. Демидова Е. В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2010. С. 2-6.

2. Антюхов Ю. В. Исторический обзор особенностей современной трактовки экстремизма в национальном и международном законодательстве / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. С. 11-15.

3. Никитина Л. М. Формирование толерантности как способ профилактики экстремизма в молодежной среде // Символ науки. 2015. № 11. С. 213-217.

4. Berger J. M. Extremism: The MIT Press Essential Knowledge series [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mitpress.mit.edu/books/extremism> (дата обращения: 21.04.2022 г.)

5. Галинова Н. В. Латинско-русский словарь для студентов-биологов / Н. В. Галинова, А. А. Фомин; Мин-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 186 с.

6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) / Российская газета, № 280, 11.12.2020.

7. Безносов Д. С. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. С. 287-291.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.

9. Современный словарь иностранных слов / Н. М. Ланда [и др.]. 4. изд., стер. М., 2001. 740 с.

10. Афанасьев Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодёжной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 200 с.

11. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 27 с.

12. Русаков О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона): автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 24 с.

13. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.

14. Воронов М.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 27 с.

15. Степанов М.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 26 с.

16. Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

17. Башкиров Н.В. Меры административно-правового противодействия политическому экстремизму: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 18 с.

18. Жуков О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 24 с.

19. Абдуллоев А.Р. Понятие и формы религиозно-политического экстремизма / Государствоведение и права человека. 2017. С. 127-134.

20. Сальников Е.В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия: дис. ... докт. филос. наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://крд.мвд.рф/upload/site119/document_file/2Kpe88nQzl.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

21. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/. (дата обращения: 21.04.2022).

22. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002. № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 280. 11.12.2020.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье дан краткий анализ теоретических представлений о тенденциях преступности. Проведен анализ данных, характеризующих состояние, уровень и динамику преступности в России в период 2010-2021 гг. Установлено, что достоверность выявления тенденций преступности в большой степени зависит от качества и полноты статистической информации. На основе анализа статистики убийств, зарегистрированных в России и США в анализируемом периоде, сделан вывод о несопоставимости имеющихся статистических данных для целей сравнительного анализа, ввиду разных подходов к регистрации преступлений.

Ключевые слова: преступность, статистика, показатели преступности, тенденции преступности, убийства.

Преступность – это негативное социально-правовое явление, представляющее собой одну из основных угроз стабильности социально-экономического, политического и культурного развития общества, безопасности личности, национальной безопасности государства в целом.

Актуальность изучения основных тенденций преступности на национальном и международном уровнях обусловлена необходимостью разработки и реализации обоснованных мер по предупреждению, сокращению преступности и ее негативных последствий, включая определение степени влияния на динамику преступности общих социальных тенденций и системы уголовного правосудия.

В научной литературе отмечается, что формирование реального представления о характере, структуре, устойчивом направлении развития преступности как массового социального явления осуществляется посредством применения преимущественно статистического и социологического методов исследования. На социальную природу и социологические закономерности тенденций преступности указывал А. Кетле (1796–1874), труды которого не потеряли свою актуальность. В частности, им были сформулированы закон относительного постоянства величины преступности и теория множественности факторов преступности. Ученый отмечал, что для стабильно развивающегося

общества характерно незначительное изменение во времени уровня преступности, ее структуры и динамики; что виды преступлений и социально-демографические характеристики преступников (пол, возраст, происхождение, место проживания) устойчиво взаимосвязаны [1].

То, что преступность имманентно присуща любому обществу, утверждал также Э. Ферри (1856–1929), сформулировавший закон насыщения общества преступностью, утверждающий о наличии определенного соотношения между количеством населения и числом преступлений; об инертности, системности и устойчивости преступности; о постоянном росте уровня преступности, относительно постоянном количестве тяжких преступлений и постоянном росте менее тяжких и др. [2].

В современных криминологических исследованиях также отмечается, что основные тенденции современной преступности в целом характеризуются ее неуклонным ростом, несмотря на присущие отдельным странам и отдельным периодам времени особенности развития и криминализации общественных отношений. Так, в исследованиях В.В. Лунеева (1932–2022) отмечается, что в настоящее время доминирующей тенденцией преступности является «продолжающийся рост преступности в мире, увеличение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений» [3].

В ранних документах Организации Объединенных Наций (далее – ООН), посвященных проблеме предупреждения преступности, также отмечалась тенденция мировой преступности, направленная на общий рост показателей преступности и устойчивую взаимосвязь между уровнем преступности и уровнем социально-экономического развития государства [4].

На тесную взаимосвязь преступности и социально-экономического развития общества, на важность фактических статистических данных, показателей и их оценки для успешного предупреждения преступности указывается и в современных актуальных обзорах ООН [5].

В то же время криминологами отмечается, что определить объективные тенденции преступности на мировом уровне и уровне отдельных стран невозможно без реальной статисти-

ческой информации. Анализ данных официальной статистики показывает, что в разных странах и в разные периоды времени применяются различные определения и понятия для учета уголовных преступлений, что не позволяет провести достоверную сопоставимую оценку количественных и качественных показателей преступности. Кроме того, серьезно искажает исходную статистическую информацию наличие латентной преступности.

Согласно всероссийскому опросу Института проблем правоприменения (далее – ИПП), только половина потерпевших сообщает о преступлениях в полицию. Так, по оценкам экспертов ИПП, в России в 2021 г. совершено около 12,9 млн. преступлений, в то время как в официальной статистике за год зафиксировано около 2 млн. преступлений [6].

Всего в 2021 г. было зарегистрировано около 1,371 тыс. преступлений на 100 тыс. населения России [7]. За период 2010-2021 гг. этот показатель снизился на 481 зарегистрированное преступление в расчете на 100 тысяч населения [8] (рис. 1).

Рис. 1. Динамика состояния и уровня преступности в России, 2010-2021 гг.

Заметим, что в России показатели общего уровня преступности и количество зарегистрированных преступлений в 2015 г. выросли после шести лет устойчивого снижения. На рост показателей преступности в значительной степени повлияло снижение темпов экономического роста – годовой

рост ВВП постепенно снижался с 2010 г. вплоть до 2020 г., снижались реальные доходы населения [9] (рис. 2).

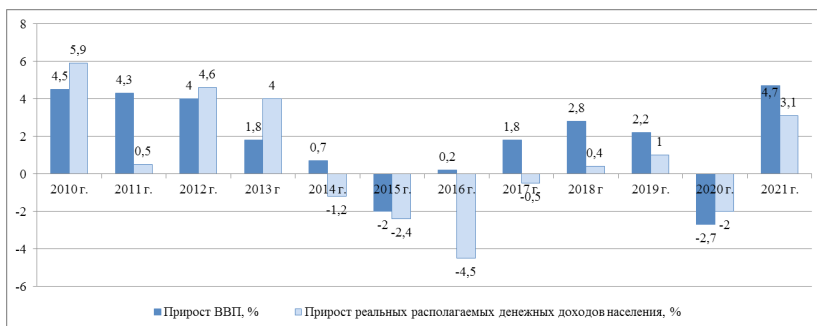

Рис. 2. Динамика ВВП и доходов населения России, 2010-2021 гг.

Ухудшение экономической ситуации в этот период объясняется главным образом структурными проблемами – негативными демографическими трендами, избыточным регулированием, слабой деловой активностью, санкционными ограничениями, снижением цены на нефть и др. В последующие три года показатели преступности снижались, но в 2019-2020 гг. снова выросли на фоне кризисных явлений в мировой и национальной экономике и ограничений, связанных с пандемией коронавирусной инфекции.

Рассмотрим показатели преступности на примере ее наиболее устойчивой части – убийства и покушения на убийства. Анализ уровня и динамики этих наименее латентных видов преступлений позволяет сделать вывод об уровне насилия в обществе.

В 2010-2021 гг. удельный вес убийств в общей структуре зарегистрированных преступлений в России колебался от 0,59% до 0,37%. В 2021 г. уровень убийств в России составил 5 убийств на 100 тыс. населения. Показатель неуклонно снижался с 2010 г., когда он измерялся на уровне 13,3 убийства на 100 тыс. населения – это самый высокий показатель за наблюдаемый период. Всего с 2010 г. по 2021 г. количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство устойчиво снижалось – с 15,6 тыс. до 7,3 тыс. преступлений [10] (рис. 3).

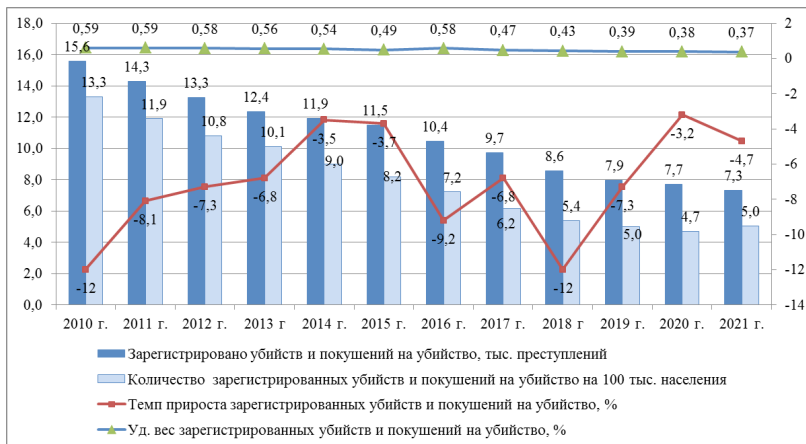

Рис. 3. Динамика убийств и покушений на убийство в России, 2010-2021 гг.

В анализируемом периоде, за исключением 2016 г. и 2021 г., наблюдалась устойчивая тенденция к снижению количества осужденных лиц за совершение убийства и покушения на убийство. Так, если в 2010 г. в России было осуждено за убийство 12,4 тыс. лиц, то в 2021 г. – 5,9 тыс. лиц [11].

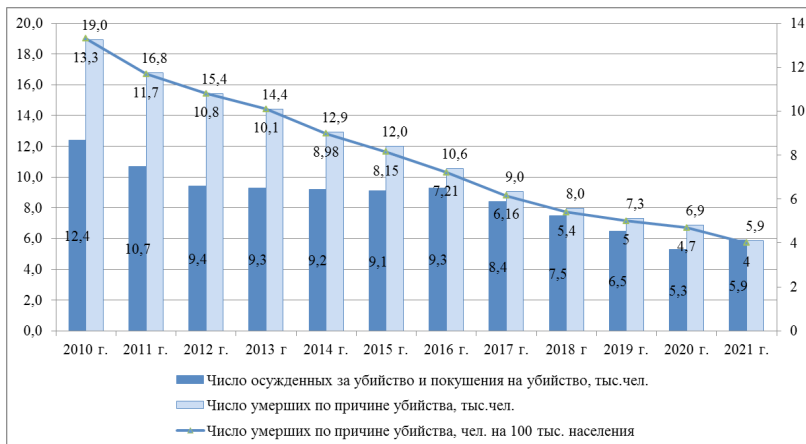

Рис. 4. Динамика количества осужденных лиц, совершивших убийства, и лиц, умерших по причине убийства в России, 2010-2021 гг.

Одновременно в России снизилось количество жертв убийства, в абсолютном значении и в пересчете на 100 тыс. насе-

ния. Так, в 2010 г. число умерших в России по причине смерти «убийство» составило 19 тыс. лиц или 13,3 чел. на 100 тыс. населения; в 2021 г. число погибших в результате убийства достигло 5,9 тыс. лиц или 4 чел. на 100 тыс. населения [12].

Приведем для сравнения некоторые данные статистики убийств, совершаемых в США. Заметим, что в России убийства учитываются вместе с покушениями на убийство, по числу совершенных деяний. В США убийства учитываются по количеству жертв, независимо от наличия умысла на убийство, тогда как покушение на убийство квалифицируется как нападение при отягчающих обстоятельствах [13]. Эти особенности регистрации убийств в России и США не позволяют провести достоверный сравнительный анализ этого вида преступности. Тем не менее имеющиеся статистические данные, несмотря на их неполноту, позволяют выявить преобладающие тенденции преступности на уровне каждой страны.

В 2021 г. в США количество убийств или непредумышленных убийств по неосторожности увеличилось на 7%. С 2010 г. наблюдалась тенденция на снижение этого показателя, сменившегося значительным ростом в 2015-2016 гг. В 2020 г. в США было зарегистрировано 21,6 тыс. убийств, это значительное увеличение – на 29,4% по сравнению с 2019 г., когда было зарегистрировано 16,7 случаев [14] (рис. 5).

Рис. 5. Динамика убийств и непредумышленных убийств по неосторожности в США, 2010-2021 гг.

Уровень убийств и непредумышленных убийств по неосторожности в США в 2021 г. составлял 6,9 случаев на 100 тыс. на-

селения. Это значительный рост по сравнению с 2020 г., когда уровень убийств и убийств по неосторожности составлял 6,5 случаев на 100 тыс. населения и с 2019 г., когда этот показатель составлял 5,1 на 100 тыс. населения [15]. Такие показатели говорят о тревожной тенденции, требующей выявления причин и условий роста преступности, в основе которых всегда лежат объективные социальные противоречия.

Анализ динамики статистических показателей, приведенных в данном исследовании, позволяет сделать вывод о том, что в России наблюдается тенденция к снижению состояния и уровня преступности, включая такой ее вид, как убийство и покушение на убийство. При этом необходимо учитывать, что фактически значительное количество преступлений остается не выявленным или не зарегистрированным. Кроме того, отсутствие сопоставимых данных не позволяет получить достоверные результаты сравнительного анализа показателей разных стран и выявить общие или специфические тенденции преступности и факторы, обуславливающие эти тенденции.

В заключение отметим, что свойство преступности приспосабливаться к происходящим в обществе переменам, предопределяет изменение ее структуры, расширение форм и сфер преступной деятельности, изменение мотивации преступного поведения, повышение уровня ее организованности и технической обеспеченности, увеличение степени ее общественной опасности. За рамками настоящего исследования остался анализ множества показателей, детально определяющих тенденции преступности и, следовательно, направление борьбы с этим явлением.

Примечания

1. Кетле А. Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Т. 1, 2. Киев: Киев. коммерч. ин-т, 1911–1913. 360 с. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004003504>.

2. Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с.

3. Лунеев В.В. Преступность XXI века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. М.: Норма, 2021. 912 с.

4. Третий конгресс ООН. Предупреждение преступности. Стокгольм, Швеция 9–18 августа 1965 года [Электронный ресурс] // Конгрессы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2020/CrimeCongress/65-years-brochure_ru.pdf.

5. Четырнадцатый конгресс ООН. Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению повестки дня на период до 2030 года. Киото, Япония 7–12 марта 2021 года [Электронный ресурс] // Конгрессы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию URL: [http:// https://www.unodc.org/documents/commissions/Congress/Кyo-to_Declaration_booklet/21-02817_Kyoto_Declaration_ebook_R.pdf](http://https://www.unodc.org/documents/commissions/Congress/Кyo-to_Declaration_booklet/21-02817_Kyoto_Declaration_ebook_R.pdf).

6. Аналитический обзор «Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса» [Электронный ресурс] // Институт проблем правоприменения. URL: <https://enforce.spb.ru/>

7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.

8. Общество. Статистика. Преступность и правоохранительные органы [Электронный ресурс] // Международное статистическое агентство Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1045439/russia-crime-rate/>

9. Национальные счета России в 2013-2020 годах: стат. сб. / Н35 Росстат. М., 2021. 429 с.

10. Общество. Статистика. Преступность и правоохранительные органы [Электронный ресурс] // Международное статистическое агентство Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1045439/russia-crime-rate/>

11. Чирков Д.К., Струков В.Н. Современные тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический аспект // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 30–39.

12. Судебная статистика [Электронный ресурс] // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>.

13. Государственная статистика [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270>.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ХАЛАТНОСТИ

Статья посвящена исследованию существующих в науке уголовного права мнений относительно объекта халатности, его сущности и видов. Кроме того, в результате анализа имеющихся точек зрения делается вывод о беспредметном характере состава халатности.

Ключевые слова: халатность, объект преступления.

Как известно, «преступления, которые ни на что не посягают, в природе не существуют» [28, с. 122], поэтому каждое преступление априори посягает на какой-либо объект. Российское уголовное право призвано защищать интересы личности, общества и государства. Совершая преступление, человек, или группа лиц, прямо или косвенно будут нарушать какие-либо общественные отношения. Возможно, именно поэтому Светлов А. Я. предлагал считать совпадающими понятия «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны» [24, с. 25]. Хотя, на наш взгляд, первое по объему уже второго, т. к. законодательная охрана общественных отношений включает в себя защиту не только от преступников, но и, например, от невменяемых, малолетних или лиц, действующих в рамках необходимой обороны.

Объект преступления является одним из самых актуальных, сложных и противоречивых институтов уголовно-правовой науки. Ведь именно определяемый соответствующими государственными органами перечень охраняемых уголовным законодательством объектов является настолько важным, по их мнению, для данного общества, что государство, криминализуя определенные деяния, заранее угрожает, таким образом, применением уголовного наказания желающему посягнуть на них. Кроме того, точное определение объекта преступления имеет огромное значение, прежде всего, для правильной квалификации преступления, определения степени тяжести совершенного деяния, отграничения от иных преступлений или правонарушений, т. е. в итоге для решения вопроса возможности привлечения к уголовной ответственности.

Что касается понимания сущности данного элемента состава преступления, то в науке высказывались различные точки зрения. Одни авторы подразумевают под объектом преступле-

ния охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым может быть причинен или причиняется вред. Другие дополняют эту точку зрения, включая в нее понятие «блага или интереса» [21, с. 118; 26, с. 70]. Третьи рассматривают объект как правовое благо [18, с. 146; 11, с. 104; 20, с. 202]. Четвертые же предполагают, что объектом преступления являются именно те, против кого оно направлено: люди или их множество со всеми присущими им материальными и нематериальными ценностями [13, с. 50].

Исходя из общепринятой структуры общественных отношений, включающей в себя субъекты, предмет и объект социальной связи, выступающей в качестве мотива возникновения этих отношений, считаем правильным присоединиться к первой точке зрения, которая рассматривает в качестве объекта лишь общественные отношения и ничего более.

В теории отечественного уголовного права предлагается несколько вариантов классификации объекта преступления:

а) трехступенчатая система деления, которая, по одной точке зрения, впервые была предложена В. Д. Меньшагиным [25], а по другой, А. А. Пионтковским [7, с. 44], различала общий, родовой (специальный) и непосредственный объекты преступлений [1, с. 187].

б) четырехзвенная система деления объектов преступления, которая стала логическим продолжением трехступенчатой системы, была фактически легализована с принятием УК РФ 1996 года и обусловлена структурой его Особенной части, включающей в себя разделы, главы и статьи. Соответственно, данная система в настоящее время предполагает наличие общего, родового, видового и непосредственных объектов преступления.

По поводу деления объектов преступления «по горизонтали», в науке уголовного права, в общем и целом, придерживаются наличия трех элементов: основного, дополнительного и факультативного непосредственных объектов. Споры возникают лишь в связи с наименованием данных объектов (например, главный, генеральный, первостепенный и т. п.) [5, с. 19] без изменения понимания их сущности.

Исходя из представленной классификации, рассмотрим подробно объект халатности.

Основной единицей деления Особенной часть УК РФ на раз-

дела выступает родовой объект преступления, а входящие в разделы «совокупности максимально сходных общественных отношений» [1, с. 189], которые охраняются отдельной группой уголовно-правовых норм, в рамках одной и той же главы кодекса формируют видовые объекты преступлений. Соответственно, родовым объектом халатности, которая входит в главу тридцатую десятого раздела УК РФ, будут выступать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти. При всем этом странным представляется отсутствие в перечне задач, стоящих перед УК РФ, упоминания о защите государственной власти. Мы полностью согласны с позицией Н.А. Егоровой, которая предлагает дополнить ст. 2 УК РФ указанием на охрану государственной власти [10, с. 8].

Кроме того, в науке высказываются мнения о том, что содержание десятого раздела не соответствует его названию, поскольку, например, в тридцатой главе речь идет и об органах местного самоуправления [2, с. 129-130]. Большинство ученых склоняются к тому, что в названии раздела необходимо заменить термин «государственная» на «публичная»(власть). Государственную власть можно описать как «разновидность социальной власти, которая опирается на право» [9, с. 21], или как «власть, осуществляющую властные полномочия от имени народа, государственных органов и должностных лиц на основе верховенства закона, включая возможность легитимного принуждения» [15, с. 190]. Публичная власть может быть охарактеризована как «особый слой людей, объединенный в систему специализированных органов и учреждений, официально осуществляющих функцию управления общественными делами и реализующих тем самым общие интересы определенного территориального сообщества, преследующие цели его сохранения, воспроизводства и развития как целостной системы» [8, с. 10-11]. Сопоставляя данные термины, нельзя не согласиться с высказанной точкой зрения о необходимости смены названия десятого раздела, поскольку второй термин полнее описывает перечень общественных отношений, охраняемых данным разделом.

В начальный период развития советского уголовного права, исследователи характеризовали видовой (в то время родо-

вой) объект должностных преступлений как «служебный долг» или «ненарушимую закономерность и достаточность действий» [22, с. 164; 12, с. 9] должностного лица, заимствуя эти определения из теории уголовного права иностранных государств. Позднее «служебный долг» заменили на термин «государственная дисциплина» [27, с. 6], и только в 1939 году А. Н. Трайнин предложил понятие, определив объект рассматриваемых преступлений как «правильную, отвечающую интересам социалистического строительства, работу государственного и общественного аппарата» [30, с. 202]. Несмотря на то, что данное понятие впоследствии стало общепринятым для всего советского уголовного права, оно подвергалось критике со стороны ученых, поскольку, по общему мнению, не отображало специфики должностных преступлений с достаточной четкостью, не способствовало отграничению данной группы преступлений от иных посягательств, например, от преступлений против порядка управления [6, с. 199].

Основываясь на закономерностях наименования глав Особенной части УК РФ, видовым объектом халатности, соответственно, должна выступать более узкая сфера общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование государственной власти, интересов государственной службы и службы в ОМС. Но в науке уголовного права и на этот счет существует большое количество разрозненных мнений. Так, например, одни авторы объектом халатности признают «нормальную деятельность публичного аппарата управления» в лице различных его органов по выполнению стоящих перед ними задач [4, с. 97], другие говорят о «системе органов государственной власти или органов государства» [3, с. 166], третьи указывают на «интересы службы» [14, с. 26]. На наш взгляд, определение объекта через совокупность общественных отношений, которые обеспечивают ту или иную деятельность, а не обозначение объектом преступления самой этой деятельности, является наиболее верным.

Для конкретизации содержания видового объекта халатности рассмотрим подробнее, образующие его общественные отношения. Из названия главы тридцатой УК РФ следует, что законодатель включает государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуп-

правления в перечень элементов, подвергающихся преступным посягательствам. Их сущность раскрывается в различных нормативных правовых актах и состоит в строгом следовании букве закона, признании, уважении и защите прав и свобод человека и гражданина, добросовестном исполнении своих должностных обязанностей и т. д.

Вопрос о непосредственном объекте халатности как объекте должностного преступления в науке уголовного права всегда вызывал споры. Б. С. Утевский считал, что непосредственный объект должностных преступлений вообще может не совпадать даже с общим объектом [31; с. 309]. А. Б. Сахаров писал о совпадении видового и непосредственного объектов должностных преступлений [23; с. 35-38], а М. Д. Лысов критиковал его точку зрения [17; 76-77]. Б. С. Никифоров предлагал – «конкретные условия правильной работы государственного аппарата» [19; с. 190]. А. Я. Светлов указывал на необходимость определения непосредственных объектов через конкретные общественные отношения, которые затрагиваются преступлениями [24; с. 34]. Мы разделяем последнюю точку зрения и предлагаем считать непосредственным объектом должностных преступлений совокупность общественных отношений в рамках реализации установленного порядка осуществления должностными лицами своих служебных обязанностей, отнесенных к их должностной компетенции в отдельных сферах государственной и муниципальной службы.

Современные авторы также не отличаются единодушием в вопросе определения непосредственного объекта халатности. Так, например, по мнению Е. В. Царева, он представляет собой «общественные отношения, обеспечивающие надлежащее исполнение должностными лицами своих служебных обязанностей» [32, с. 15]. М. А. Тыняная считает непосредственный объект халатности сложным, при этом совпадающим с видовым объектом [29, с. 92]. В. А. Кочерга, поддерживая идею составного характера непосредственного объекта, рассматриваемого преступления, не соглашается с этими позициями, критикуя тождественность непосредственного и видового объекта халатности [16, с. 80]. Мы полностью согласны с этой точкой зрения, поскольку считаем недопустимым размытие границ непосредственного объекта, которое в последствии может привести

к проблемам квалификации. Исходя из понимания непосредственного объекта преступления как конкретного общественного отношения, которому преступлением причиняется вред, мы считаем возможным рассматривать в качестве основного, непосредственного объекта халатности общественные отношения, связанные с защитой интересов госслужбы и службы в ОМС, в части добросовестного исполнения служащими возложенных на них обязанностей. А дополнительным непосредственным объектом халатности – совокупность общественных отношений, связанных с защитой законных интересов граждан и организаций, общества и государства. Причем в его рамках отдельно необходимо выделять группы охраняемых отношений, в зависимости от закрепленных законодателем последствий преступления (в ч.ч. 1 и 1.1. ст. 293 УК РФ – имущественные интересы граждан, организаций и государства, жизнь и здоровье в ч. 2 и только жизнь в ч. 3 ст. 293 УК РФ).

Мы так же как, и большинство авторов, признаем беспредметность рассматриваемого состава преступления. Но в науке уголовного права были высказаны и иные точки зрения. Так, например, М. А. Тыняная считает предмет халатности факультативным признаком ст. 293 УК РФ, который может меняться в зависимости от изменения природы общественных отношений, на которые осуществляется преступное посягательство [29, с. 93]. При этом он не всегда, по мнению автора, должен быть материальным. В. А. Кочерга правильно отмечает, что такая позиция не позволяет четко разграничивать объект и предмет преступления. Он предлагает признать халатность беспредметно-предметным составом, т. е. рассматривать в качестве предмета преступления поврежденное или уничтоженное имущество и не рассматривать в качестве такового жизнь и здоровье граждан [16; с. 84]. Такая позиция представляется абсурдной, ввиду того, что лишь ч. 1.1. ст. 293 УК РФ предусматривает в качестве обязательного квалифицирующего признака последствие в виде причинения особо крупного ущерба. В ч. 1 этой же статьи причинение ущерба является лишь возможным вариантом последствия. Поэтому объективнее было бы говорить о предмете преступления в рамках каждой отдельной части данного состава, не объединяя несовместимые понятия.

Примечания

1. Актуальные проблемы Общей части уголовного права: учебник / Отв. ред. И.А. Подройкина, И.А. Фаргиев. М.: Проспект, 2020.

2. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: правотворчество и правоприменение в условиях административной реформы. Владивосток, 2006.

3. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административно-правовой реформы в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. Владивосток, 2005.

4. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.

5. Галактионов Е.А. Уголовное право Российской Федерации: учебник. СПб., 1996.

6. Гельфанд И.А. Хозяйственные и должностные преступления в сельском хозяйстве. К., 1970.

7. Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Учен. Зап. ВЮЗИ. Вып. 7. М., 1959.

8. Грачев Н.И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2020. №4 (55).

9. Давидов Д.С., Самойлюк Р.Н. Исследование соотношения понятий государственной и публичной власти // Вестник экономической безопасности. 2020. №1.

10. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.

11. Жалинский А.Э. Объект преступления: Уголовное право России. В 2 т. Общая часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1999.

12. Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. М., 1924.

13. Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. 1990. №12.

14. Зубарев С. Интересы службы как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2003. №4.

15. Калугина Н. В. К вопросу о соотношении государственной и публичной власти // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №5-1.

16. Кочерга В. А. Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. А. Кочерга; Кубанский государственный ун-т. Краснодар, 2017.

17. Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972.

18. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. М., 1996.

19. Никифоров Б. С. Объект преступления. М., 1960.

20. Пашковская А. В. Объект преступления: курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении/под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999.

21. Пикуров Н. И. Объект преступления // Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. С. Сенцова. Волгоград. 2001.

22. Познышев С. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923.

23. Сахаров А. Б. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. М., 1956.

24. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. Киев: Наукова Думка, 1978.

25. Советское уголовное право. Учебное пособие для правовых школ. М., 1938.

26. Соломоненко И. Г. Объект преступления // Современное уголовное право. Общая и Особенная части/под ред. А. В. Наумова. М., 2007.

27. Трайнин А. Н. Должностные и хозяйственные преступления / А. Н. Трайнин // М.: Сов. Законодательство. 1938. С. 68-70.

28. Трайнин А. И. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин // М.: Госюриздат. 1957. 364 с.

29. Тыняная М. А. Объект халатности // Сибирский юридический вестник. 2011. №3 (54).

30. Уголовное право. Особенная часть. М., 1939.

31. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948.

32. Царев Е. В. Экономическая сущность халатности и проблемы законодательного определения ее последствий // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. №2 (9).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

В статье проводится анализ ответственности за изнасилование в отечественном и зарубежном праве; охарактеризован опыт США, Англии, Испании, Индии, Молдовы, Украины и других стран по применению правовых норм в отношении уголовной ответственности за насильственное половое сношение; обоснована необходимость имплементации положительного опыта зарубежного законодательства в отечественное право.

Ключевые слова: *ответственность за изнасилование, половые преступления, сексуальная эксплуатация, ненасильственное половое сношение, состав преступления.*

Зарубежное законодательство, регламентирующее ответственность за изнасилование, в значительной степени отличается от отечественного по своей структуре, но не по своей сути [4].

Английское уголовное законодательство, как и законодательство РФ, помимо ответственности за изнасилование предусматривает также наказание за иные виды преступлений сексуального характера. К ним относят принуждение к половым актам, применение специальных наркотических средств или психотропных веществ с целью совершения незаконного полового акта, половой контакт с недееспособным лицом, непристойные действия в отношении ребенка, злоупотребление полномочиями доверенного лица в отношении детей, содомию или нападение с непристойными целями и пр. [5, с. 53]

В Английском уголовном праве, согласно закону о половых преступлениях, «изнасилование совершено в случае, если имело место половое проникновение и потерпевшее лицо не давало согласия на него, и виновный не был разумно уверен в наличии такого согласия. С 1994 г. действует закон об уголовной юстиции и публичном порядке, в котором раскрывается, что не только женщины, но и мужчины могут быть подвергнуты изнасилованию естественным путем. В ст. 76 Закона установлена окончательная (непоколебимая) презумпция, в соответствии с которой считается, что согласия не было в двух случаях.

Во-первых, согласия нет, когда обвиняемый умышленно обманул жертву преступления относительно природы или цели соответствующего действия» [7, с. 99].

Значительным отличием от Российского законодательства в английском праве является наличие отдельных групп половых преступлений за «незаконные действия сексуального характера с лицами, страдающими психическим расстройством, не способными сделать выбор, и незаконные действия сексуального характера с такими лицами, совершенные теми людьми, в обязанности которых входит уход за ними. Наказание за такие преступления зависит от их тяжести, а виновный может быть приговорен к штрафу, тюремному заключению на срок до 6 месяцев, до 10 лет, до 14 лет и вплоть до пожизненного».

На «юридической карте мира» более 60 стран входят в состав большой англо-американской правовой семьи (семьи общего права). Их правовые системы складывались в ходе колониальных территориальных завоеваний Великобритании и экспансионистской политики США, которые вызвали к жизни явление «правовой аккультурации» [1, с. 23]. К таким странам относится и Индия. В соответствии с национальной Конституцией 1950 г., закрепившей принцип правовой преемственности, УК Индии был признан действующим на всей территории федеративной республики. По своей форме и содержанию УК 1860 г. стал отражением своеобразия смешанной правовой системы и уникальной уголовно-правовой модели Индии. В ст. 375 Уголовного кодекса Индии под изнасилованием понимается половой акт с лицом женского пола при определенных условиях, а именно:

- совершение самого акта против воли женщины;
- совершение самого акта под угрозой смерти, либо телесных повреждений;
- введение жертвы в заблуждение и представления себе ее мужем;
- потерпевшая, не достигшая 16 летнего возраста.

Уголовный кодекс Индии содержит в себе более развернутую модель табу, установлена ответственность по ст. 370 за торговлю людьми, совершаемую в целях сексуальной эксплуатации. В специальных нормах установлено наказание за продажу несовершеннолетнего (моложе 18 лет, чей возраст известен или понятен виновному), с целью занятия Prostitu-

цией или любого незаконного контакта (под которыми понимаются сексуальные контакты между людьми, не состоящими в браке или ином законном союзе) либо с другой незаконной или безнравственной целью (статья 372), а также покупки, получения в наем или иное владение такого лица с такими же целями (статья 373).

Уголовный кодекс Испании, а именно раздел 8, не разграничивает, а объединяет в одну группу преступлений против половой свободы, такие противоправные деяния как вовлечение в проституцию или принуждение к участию в создании материалов порнографического содержания. Но особое внимание в уголовном кодексе Испании требуется уделить отсутствию отягчающих обстоятельств в отношении несовершеннолетних лиц, несмотря на то, что возраст сексуального согласия совпадает с возрастом согласия на половой акт по Российскому законодательству. Однако положительным отличием является наличие такого квалифицирующего признака как «деяние, посягающие на половую свободу и неприкосновенность родными людьми», а также в случае усыновления [7, с. 122].

В уголовных кодексах Молдовы и Украины потерпевшим при изнасиловании может быть лицо любого пола. В данном случае стоит учитывать, что иным (помимо полового сношения) насильственным действиям сексуального характера в Уголовных кодексах этих республик посвящена специальная статья, а следовательно, можно прийти к такому выводу: молдавское и украинское законодательство допускает возможность изнасилования мужчины женщиной в естественной форме.

Необходимо также учитывать законодательство одного из ведущих законодателей международно-правового поля, например, Соединенных Штатов Америки. Ввиду наличия различий в понятиях, терминах, способов наказания и их сроков в уголовных законодательствах отдельных штатов, существуют общее право США, в котором определены основные положения и формулировки. По общему праву США изнасилование – это половое сношение мужчины с женщиной, не являющейся его женой, насильственное и без ее согласия.

Во многих штатах законодательство предусматривает уголовную ответственность за ненасильственное половое сношение. Например, в Уголовном кодексе штата Калифорния – за половое сношение с лицом, находящимся под влиянием «обмана

в отношении факта», не понимающим характера осуществляемого поведения, в частности, по причине бессознательного состояния или опьянения (п. а (3-4) ст. 261). В УК некоторых других штатов предусматривается более дробное деление изнасилования.

По общему праву изнасилование определяется так, что оно может быть совершено только мужчиной в отношении женщины. Однако законодатели большинства штатов, учитывая реалии современной жизни, включили в УК сексуально нейтральные определения изнасилования, позволяющие наказывать, например, половое насилие одного мужчины в отношении другого.

Заметим, уголовный закон США, Французской Республики, Многонационального Государства Боливия, а также Румынии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии предусматривает установление уголовной ответственности при совершении изнасилования не только женщины, но и мужчины [6, с. 79].

Отечественный же законодатель квалифицирует половое сношение при использовании физического принуждения и насилия только в том случае, если жертвой является женщина.

Таким образом, можно увидеть первые отличительные черты уголовного законодательства различных стран в данной области. В зарубежной практике подобное явление имеет название гендерно-нейтрального насилия. Тем не менее, стоит сказать о том, что подобного рода противоправные деяния отчасти можно обнаружить в содержании ст. 132 УК РФ: «Мужеловство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или угрозой его применения...» Однако прямой ссылки на изнасилование мужчины в отечественном уголовном законе нет.

На данный момент существует проблема, суть которой заключается в том, что далеко не все действия сексуального характера, обладающие явными признаками насилия, подпадают под действие ст. 131 УК РФ. По нашему мнению, данное обстоятельство является серьезной проблемой, т. к. многие противоправные действия фактически остаются безнаказанным или же некорректно квалифицированными.

Обратим внимание на содержание уголовного кодекса Французской Республики, в котором законодателем представ-

лено весьма детализированное определение изнасилования [3, с. 99]. Так, под изнасилованием понимается сексуальное проникновение в организм жертвы посредством совершения насильственных действий, обмана, угроз или же принуждения. При этом указание на пол жертвы изнасилования в уголовном законе Французской Республики отсутствует.

Также отсутствует и указание на предмет проникновения в организм человека, когда как в отечественном уголовном праве изнасилованием признается лишь половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам с использованием беспомощного состояния. Что касается наказания за совершение изнасилования, то во Французской Республике мерой наказания выступает лишение свободы до 15 лет.

При этом французское уголовное законодательство предусматривает также и квалифицирующие признаки, при наличии которых срок заключения под стражу может составлять до 20 лет. К таким квалифицирующим признакам относятся, например:

1) приобретение хронических заболеваний как последствие изнасилования;

2) совершение полового сношения с примирением физической силы группой лиц;

3) совершение изнасилования, в котором жертвой явилось несовершеннолетнее лицо; согласно уголовному закону Республики Индия, жертвой изнасилования может быть только женщина (как и в отечественном законодательстве) [2, с. 134].

При этом под изнасилованием понимаются только такие действия, которые были совершены против воли женщины, под угрозой смерти, с применением физической силы. В уголовном кодексе Республики Индия имеются и квалифицирующие признаки, а именно совершение изнасилования в отношении несовершеннолетней девочки. В уголовном законе Королевства Испания под изнасилованием понимается в т.ч. занятие проституцией и организация занятия проституцией [8].

К подобного рода преступлениям также относится создание порнографических материалов, за что наступает уголовная ответственность. В заключение настоящего исследования необходимо сформировать несколько выводов. Так, в отечественном уголовном законодательстве вполне четко и ясно

сформулирован состав преступления, с учетом квалифицирующих признаков, а также особенностей назначения наказания. Тем не менее, по нашему мнению, в содержание ст. 131 УК РФ необходимо внести некоторые изменения, которые будут касаться, в частности, пола жертвы. На сегодняшний день в качестве жертвы изнасилования может выступать исключительно женщина, когда как преступления сексуального насильственного характера могут совершаться и в отношении мужчин.

Считаем, что в содержание ст. 132 УК РФ и Постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «По делам о преступлениях против половой неприкосновенности» необходимо включить перечень наиболее распространенных действий сексуального характера.

Примечания

1. Андреева Л.А. Квалификация изнасилований/Л.А. Андреева, С.Д. Цэнгэл. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 70 с.

2. Арзамасцев М.В. Сравнительно-правовой обзор зарубежных моделей криминализации отклоняющихся форм сексуального поведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №6 (73). С. 134-141.

3. Билалов Р.К. Уголовная ответственность за насильственные половые преступления против несовершеннолетних в законодательстве зарубежных стран // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. №3 (5). С. 99-104.

4. Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за изнасилование по УК стран ближнего и дальнего зарубежья // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквед, 2018. С. 212-213.

5. Кожевников В.В. Современное Английское право: Новое прочтение // Вестник Омского университета серия «Право». 2015. №4. С. 53-64.

6. Костина Н.В. Изнасилование: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательств // Наука. Общество. Государство. 2019. №3 (27). С. 5-11.

7. Международное право и международная уголовная юсти-

ция: взаимодействие по обеспечению безопасного и справедливого миропорядка: монография / Е.Г. Ляхов, Д.Е. Ляхов, Д.В. Светличная, С.С. Тарасова. М.: Российская таможенная академия, 2020. С. 122.

8. Чагина А.А. Уголовно-правовое понятие изнасилования: зарубежный опыт и российская действительность // Молодой ученый. 2018. №44 (230). С. 194-196.

А. С. Гончарова, О. Х. Качмазов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФИЛАКТИКУ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье, в рамках проведенного анализа, рассматриваются проблемы реализации уголовной политики и ее влияние на профилактику правонарушений.

Ключевые слова: *уголовная политика, проблемы, правонарушения.*

Законотворческая деятельность, как форма реализации уголовной политики, является начальным, исходным моментом (звеном) уголовно-политической деятельности. Различные акции государства, имеющие политическое значение и связанные с уголовно-правовой сферой, в государстве, считающем себя правовым, должны получить закрепление в законе.

В юридической литературе справедливо отмечаются бессистемность развития законодательства, недопустимо высокая скорость изменений и дополнений, вносимых в уголовное законодательство [2] (с момента принятия Уголовного кодекса РФ в него было внесено более 3000 изменений и дополнений), необходимость кардинальной рационализации уголовного правотворчества [3], отсутствие стабильности правотворческой продукции [4] и так далее.

Сейчас происходит постоянный процесс развития политической, экономической, социальной деятельности общества и государства, что и сказывается на изменениях, вносимых в УК РФ в первую очередь. Но помимо этого, есть и другие факторы, создающие необходимость пересмотра и улучшения уголовного законодательства. Можно рассмотреть несколько статей УК РФ и проанализировать их.

Например, рассмотрим статью 171 УК РФ (Незаконное предпринимательство). Статья предусматривает назначение наказания за незаконное предпринимательство (в зависимости от вида этого преступления) в виде не только штрафа, но и лишения свободы сроком до пяти лет [1]. На наш взгляд, это не совсем корректное решение по отношению к лишению свободы. Ведь бизнес может быть успешным, не вредить населению, региону и стране. Предприниматель будет лишен свободы, предприятие закрыто, а это может послужить убытку в экономике. Также многие работники предприятия могут потерять работу, что скажется на социальной ситуации. Можно принять иное решение: предпринимателя оштрафовать, официально легализовать его деятельность и заставить платить налоги.

В данной ситуации правотворческое решение не учитывало ни интерес предпринимателей, ни интересы общества и государства. Списывать эту правотворческую ошибку на изменившиеся экономические условия общества тоже невозможно, поскольку указанная уголовно-правовая норма была выработана в условиях действия рыночной экономики.

Далее можно взять статьи о половой неприкосновенности. Изменения коснулись этих статей, вследствие чего нижние пределы санкций значительно выросли. Нижний предел санкции в части 6 статьи 134 УК РФ (от 15 до 20 лет лишения свободы) за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим 12 лет, но не достигшим 14 лет, стал выше, чем нижний предел санкции части 2 статьи 105 УК РФ (убийство при отягчающих обстоятельствах) [1]. Ужесточение борьбы необходимо, но, по нашему мнению, сравнение в плане характера и степени общественной опасности половой неприкосновенности малолетних детей и жестокого убийства недопустимо. Также, несмотря на ужесточение наказания, правотворчество и правоприменение не одно и то же. На практике суды практически не применяют максимальных мер наказания.

Общественную опасность представляют не только уголовно наказуемые деяния, но и деликты, а также административные и дисциплинарные проступки. Однако законодатель не всегда находит правильные критерии отличия между ними, особенно если в законотворчестве избирает карательный уклон [5]. То есть это приводит к тому, что в нормах уголовного права не всегда учитываются такие обстоятельства, как незначитель-

ность общественно опасного деяния, совершение его впервые, раскаяние виновного в содеянном, устранение причиненного вреда, примирение сторон, возможность исправления виновного без применения мер уголовного наказания и т. д.

Из вышеописанного следует, что нестабильность правотворческих решений является результатом отсутствия научно-обоснованного выявления степени общественной опасности потенциально негативного явления, поэтому данное явление может быть отнесено в ряд тех, регулирование которых должно осуществляться исключительно нормами уголовного права. И, к сожалению, таких примеров на практике бывает множество, так как правотворческие решения не всегда грамотно вынесены, исходя из сложившейся ситуации.

Объективная необходимость в урегулировании тех или иных общественных отношений именно нормами уголовного права определяется такими критериями, как социальная значимость этих отношений, а также невозможность их урегулирования с помощью других социальных норм [6]. Издание необоснованно строгих и жестоких (а иногда наоборот) мер наказания сходит из того, что критерии, описанные выше, не всегда учитываются.

При разработке и утверждении правотворческих решений в области уголовного права законодателями чаще всего учитывается только полученный результат от уже функционирующих норм. Вследствие этого такие правотворческие решения не отражают в себе взвешенные и продуманные оценки последствий, возникающих в результате их применения, которые должны учитываться на практике. На наш взгляд, обязательно следует исходить из целесообразности и объективной необходимости норм, так как из-за отсутствия этого возникает непрекращающийся поток изменений и дополнений норм уголовного права: выявляется и устраняется один недостаток, возникает новый, устраняется второй – возникает третий и так далее.

Нынешнее уголовное законодательство нуждается в необходимой гуманизации в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, а также в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести при смягчающих обстоятельствах. Те же, кто совершил тяжкие и особо тяжкие преступления, коррупционеры, рецидивисты, организованные группировки, террористы должны нести уголовную ответствен-

ность по принципу все более строгой их изоляции от общества после совершения ими каждого нового преступления.

Необходимо обязательное научное обоснование или, при его присутствии, его усиление в процессе разработки, изменений, дополнений и принятия норм УК РФ, чтобы был правильно определен круг подлежащих урегулированию общественных отношений, степень общественной опасности посягательств на них, адекватные и равнозначные понесенному ущербу меры наказания, прогнозирование возможных последствий действия этих норм.

Также следует снизить количество бланкетных диспозиций, сократить судебское усмотрение при установлении видов и размеров наказания, создать ясность и точность юридических терминов, доступность понимания текстов всех видов преступлений. Для процесса выработки норм уголовного права, на наш взгляд, это необходимые факторы

Реализация уголовной политики в правотворчестве нуждается в проведении постоянного прогноза последствий, как отрицательных, так и положительных, которые возникают в результате принятия конкретного правотворческого решения. Их анализ и оценка должны быть обоснованы и объективны для оптимального выбора варианта правового регулирования социальных и экономических проблем.

По справедливому определению А. П. Мазуренко, прогнозирование на уровне отдельной отрасли права должно вестись на этапе разработки и составления планов развития этой отрасли. Прогнозирование правового института осуществляется путем оценки состояния элементов в настоящее время и ожидаемых тенденций развития в будущем [7].

Прогнозирование – это системное исследование определенных общественных отношений на предмет возможности их защиты нормами уголовного права, а также оценка эффективности определенной модели правовой нормы, разработанной законодателем [8]. Прогнозирование каких-либо последствий от принятия, действия, изменения или дополнения нормы права представляет собой научное предвидение их результатов, эффективности, а также ожидаемые изменения в формах и методах правового регулирования.

Если проанализировать нынешние изменения и дополнения, вносимые в УК РФ, то можно сделать вывод, что анализ,

оценка и прогноз от действия этих норм не осуществлялись, и впоследствии это приводит к их дальнейшей и неизбежной неоднократной корректировке.

Сейчас вносимые изменения играют основную роль в уголовном законодательстве, но должен идти расчет на максимально возможную продолжительность действия во времени за счет всесторонней продуманности. Изменения и дополнения должны быть обоснованы изменяющимися общественными отношениями, а не многочисленными, допущенными ошибками законодателя.

Исключение бланкетных диспозиций и судейских усмотрений также невозможно, поэтому будет корректно выработать необходимые дополнительные меры, снижающие негативные предпосылки. Можно добиться этого путем рассмотрения судом присяжных перечня преступлений с бланкетными диспозициями, установленного законодательно. Также можно предоставить право выбора одного из возможных видов уголовного наказания (не связанного с лишением свободы), предусмотренных санкцией статьи, которое будет исполнено в отношении к осужденному лицу.

Проанализировав работы авторов по данной теме с ними нельзя не согласиться в плане того, что поведение и восприятие граждан являются огромным фактором влияния на реализацию уголовной политики в правотворчестве в целом, но феномен любых социальных отношений более сложен, и потому не в полной мере адекватен механизму сугубо уголовно-правового воздействия. Именно поэтому воздействия лишь уголовно-политического механизма недостаточно, нужно также предусмотреть иные социальные меры организационно-правового характера.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).

2. Соловьев О.Г. О нормативном закреплении основных требований и правил законодательной техники // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 4 (14). С. 43.

3. Бондаренко О.В. Судебная практика и уголовное пра-

вотворчество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С.11.

4. Рыбаков В. А. Правотворчество в переходной период развития права // Юридическая техника. 2015. №9. С. 653.

5. Сапун В. А., Турбова Я. В. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. 2015. №9. С. 680.

6. Соловьев С. Г. Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. 2012. №1 (15). С. 48.

7. Мазуренко А. П. К вопросу о методах правотворческой политики. URL: <http://nio.sgap.ru/files/schools/Malko/publ-Mazurenko.pdf>.

8. Петровский А. В. Предупреждение преступлений: учеб. пособие / С. Г. Дзиконская, Е. А. Елец. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 325.

Х. В. Золоев, О. Х. Качмазов

СТАНДАРТЫ СОГЛАСИЯ В РАМКАХ СОСТАВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ

В статье, в рамках анализа отечественных и зарубежных уголовно-правовых норм, рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой согласия жертвы изнасилования. Делается вывод о необходимости законодательного урегулирования признаков несогласия в рамках состава изнасилования.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-правовая ответственность, изнасилование, жертва, тяжкое преступление, состав преступления.

Динамику зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ, согласно статистическим данным МВД РФ, можно представить как синусоиду с небольшой амплитудой колебаний: за последние пять лет общее количество регистрируемых изнасилований и покушений на изнасилование то незначительно увеличивается, то уменьшается, но ежегодно превышает отметку в три тысячи преступлений [3]. Причем данная цифра представляется нам заниженной, поскольку насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, как известно, являются преступлениями

высокой степени латентности, оценить реальные масштабы которой не представляется возможным. На наш взгляд, главной причиной тому является отказ жертвы сообщать о факте совершения в отношении нее такого рода преступления. Это может быть обусловлено различными факторами: страхом перед преступником, неверием в помощь со стороны правоохранительных органов, неосознанием самого факта совершения данного преступления или боязнью порицания и позора со стороны окружающих, которые могут посчитать ее виновной в том, что она стала жертвой изнасилования. И такая боязнь жертвы вполне обоснована, поскольку тиражируемые в СМИ в последние годы резонансные новости о совершенных изнасилованиях, дискредитировали образ жертвы в глазах населения не только нашей страны, но и стран ближнего зарубежья, превратив его в так называемый «мем» для социальных сетей. Высмеивание и порицание обусловлено, чаще всего, ничем необоснованной предубежденностью общества о корыстных или низменных мотивах жертвы изнасилования, которая после совершенного по обоюдному согласию полового акта решила «наказать» преступника, предстающего в глазах общественности в качестве «настоящей» жертвы. При этом следы физической силы, которая могла быть применена к потерпевшей, также не будут для них носить характер достаточного доказательства вины преступника, а могут быть объяснены, например, «порывом страсти».

Согласно ч. 1 ст. 131 УК РФ под изнасилованием понимается половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Для понимания сущности данного преступления, на наш взгляд, необходимо отталкиваться от беспомощности потерпевшей, которая заключается в отсутствии понимания характера и значения совершаемых с ней действий и невозможности оказания сопротивления в виду возраста или иного физического или психического состояния [1]. Именно это состояние, а не насилие или угроза его применения, четко указывает нам на то, что потерпевшая не имела намерения совершать половой акт с преступником. Этот вывод подтверждается и тем, что Пленум Верховного Суда РФ просит суды обращать внимание на то, что к изнасилованию относится половое сношение с потерпевшей, которое совер-

шено, в первую очередь, вопреки ее воле и согласию, и только потом, с применением к ней насилия [1]. Следовательно, можно сделать вывод, что именно согласие жертвы или его отсутствие является краеугольным камнем, позволяющим отграничить преступление от общественно неопасного деяния.

В большинстве существующих в мире систем уголовного законодательства изнасилование определяется единообразно и практически так же, как и в отечественном законодательстве: как половое сношение преступника с жертвой без ее согласия. И хотя прослеживается тенденция уделения основного внимания согласию жертвы, с отведением насилью второстепенной роли при квалификации изнасилования, мнения ученых и правоприменителей о смысле и характере согласия часто расходятся.

В общем, под согласием понимается «разрешение; утвердительный ответ на просьбу; единомыслие» [4]. По мнению Каменевой А. Н., которое представляется нам верным, оно предполагает «согласованность действий и отношений, выражение свободной воли женщины» [2].

Именно выражению свободной воли жертвы уделяется особое внимание в уголовных законодательствах стран семьи общего права. Так, например, согласно ст. 130.05 УК штата Нью-Йорк, элементом каждого преступления, определенного в этой статье, является то, что половой акт был совершен без согласия потерпевшего. Кроме того, законодатель перечисляет ряд случаев, в результате которых возникает отсутствие согласия. К ним относятся: принуждение; неспособность дать согласие; преступление, вменяемое в вину заключается в сексуальном надругательстве или насильственных прикосновениях или любом другом действии, помимо перечисленных, при которых жертва прямо или косвенно не соглашается с поведением преступника; преступлением, вменяемым в вину, является изнасилование третьей степени (130.25) или преступный половой акт третьей степени (130.40), при которых в момент совершения полового акта потерпевший ясно выразил свое несогласие на совершение такого акта, и разумный человек на месте преступника понял бы слова и действия такого лица как выражение несогласия на такой поступок при всех обстоятельствах.

При этом широк перечень условий, при которых жертва признается неспособной дать согласие: если она моложе семнадцати лет; или умственно отсталая; или психически недееспособная;

или физически беспомощная; или она передана под опеку, попечительство или надзор государственного департамента исправительных учреждений и общественного надзора или больницы, и преступник является сотрудником, который знает или разумно должен знать об этом; она передана под опеку, попечительство местного исправительного учреждения, и преступник является сотрудником, который знает или разумно должен знать об этом; или она поручена или помещена в управление по делам детей и семьи и на попечение по месту жительства, и преступник является служащим, который знает или разумно должен знать об этом; или является клиентом или пациентом, а преступник, являющийся поставщиком медицинских услуг или поставщиком услуг по охране психического здоровья, обвинен в изнасиловании третьей степени (130.25), преступном половом акте третьей степени (130.40), сексуальном насилии при отягчающих обстоятельствах четвертой степени (130.65-а) или сексуальном насилии третьей степени (130.55), и акт сексуального поведения происходит во время сеанса лечения, консультации, интервью или обследования; или является резидентом или стационарным пациентом лечебного учреждения, управляемого, лицензированного или сертифицированного управлением психического здоровья; кабинетом для людей с нарушениями развития; или отделения службы алкоголизма и наркомании, а преступник является сотрудником учреждения; задержана или иным образом находится под стражей, а преступник является представителем правоохранительных органов, который задерживает или содержит под стражей жертву [6].

А Уголовный кодекс штата Техас, помимо уже перечисленных нами условий, содержит уникальные положения, характеризующие отсутствие согласия жертвы, когда преступление совершается: священнослужителем, заставляющим другого человека подчиняться, используя его эмоциональную зависимость от священнослужителя как духовного советника; поставщиком медицинских услуг, который в ходе проведения процедуры вспомогательной репродукции использует человеческий репродуктивный материал от донора, зная, что жертва не дала явного согласия на использование материала от этого донора; тренером или наставником, который заставляет жертву подчиняться, используя свою силу или влияние, чтобы использовать зависимость другого человека [9].

В Англии и Уэльсе согласие в настоящее время регулируется статьями 74-76 Закона о половых преступлениях 2003 года [8], заменившего аналогичный Закон 1956 года, признанный «архаичным, непоследовательным и дискриминационным, не отражающим произошедшие в обществе изменения», после опубликования правительственной Белой книги [7].

Человек, в соответствии ст. 74 Закона 2003 года, признается согласным тогда, когда он делает это по своему выбору и имеет свободу и возможность сделать этот выбор. При этом если в ходе судебного разбирательства будет доказано, что преступник, совершая преступление, умышленно ввел жертву в заблуждение относительно характера и цели соответствующего действия или умышленно склонил жертву к согласию на соответствующее действие, выдав себя за лицо, лично известное ей, то следует окончательно предположить, что жертва не давала согласия на соответствующие действия, а преступник был в курсе отсутствия согласия (ст. 76). Если же в ходе судебного разбирательства выяснится, что преступник знал о том, что: какое-либо лицо во время преступления или непосредственно перед его началом применяло насилие в отношении жертвы или вызывало у нее опасения, что насилие немедленно будет применено против нее или в отношении другого лица; жертва спала или иным образом была без сознания во время соответствующего действия; из-за физической инвалидности жертва не могла во время соответствующего действия сообщить преступнику о своем согласии или несогласии; какое-либо лицо вводило жертве или принуждало жертву к приему без ее согласия вещества, которое, с учетом того, когда оно было введено или принято, было способно вызвать или позволить жертве быть оглушенной или подавленной во время совершения соответствующего акта, то в этом случае следует считать, что жертва не давала согласия на соответствующее действие, если не будут представлены достаточные доказательства обратного, либо следует считать, что преступник не разумно полагал, что жертва дала согласие, если не будут представлены достаточные доказательства, чтобы поднять вопрос о том, разумно ли он в это верил (ст. 75). Зачем понадобилось какое-либо из этих предположений о согласии, является загадкой, поскольку маловероятно, что судья и присяжные сочтут действительным согласие в ситуации, когда человек подвергался насилию, накачивался

наркотиками, ему угрожали, ложно заключали в тюрьму или ему лгали о характере действия.

Из всех этих законодательных формулировок согласия и его отсутствия можно сделать вывод о том, что согласие должно быть конкретным, ясным и добровольно данным. Т.е. в рамках состава изнасилования, отказ, демонстрируемый жертвой преступнику, должен быть безусловным и однозначно определяющим ее позицию как отрицательную, где «нет» – это «нет», а не флирт или игра, предвосхищающая половое сношение. И преступник должен осознавать этот факт, хотя его заблуждение по данному поводу на квалификацию содеянного как изнасилования не повлияет. Такая позиция характерна как для отечественных, так и для зарубежных правоприменителей. Например, в деле Уильямса потерпевшая, бездомная женщина, сопровождала ответчика в номер отеля и впоследствии была изнасилована. Суд отметил, что перед тем, как пойти в гостиничный номер, Уильямс ничего не упомянул о сексе, и что сам Уильямс свидетельствовал, что «до того, как войти в номер отеля, он не хотел и не ожидал секса» [11]. Верховный суд Калифорнии заявил, что необходим анализ по двум направлениям: в какой момент встречи было высказано намерение вступить в половую связь и какое поведение со стороны жертвы, после проявления намерения, поддерживало разумную уверенность преступника в ее согласии. Справедливость такого подхода подтверждается делом Тайсон против штата [12], в котором Апелляционный суд штата Индиана оставил в силе обвинительный приговор боксеру Майку Тайсону в изнасиловании и указал, что «честная и разумная вера в то, что представитель противоположного пола согласится на сексуальное поведение в какой-то момент в будущем, не является защитой от изнасилования».

В рамках рассмотрения вопроса о зависимости действительности согласия жертвы от ее просьбы об использовании контрацептивов во время полового акта, интересным представляется и дело Джулиана Ассанжа [10]. Согласно материалам дела, Ассанж посетил Швецию, чтобы прочитать лекцию. Там у него были сексуальные отношения с двумя женщинами. В доме пострадавшей Ассанж умышленно вступил с ней в половую связь, ненадлежащим образом воспользовавшись тем, что она из-за сна находилась в беспомощном состоянии. Отяг-

чающим обстоятельством явилось то, что Ассанж, который знал, что использование презерватива было выраженным желанием потерпевшей стороны и обязательным условием полового акта, все же вступил с ней в незащищенный половой акт. Половой акт был направлен на нарушение сексуальной неприкосновенности потерпевшей стороны. Джулиана Ассанжа обвинили в изнасиловании. Высокий Суд Англии и Уэльса пришел к выводу, что дело не подпадает под обман, предусматриваемый ст. 76 Закона 2003 года, поскольку оно не связано с «характером или качеством действия», но признал, что половые акты с презервативом и без него различаются. Таким образом, Суд сослался на ст. 74 Закона 2003 г., поскольку обман в отношении использования презерватива лишил жертву возможности сделать «свободный» выбор. Отечественная судебная практика, в отличие от английской, не признает обман в качестве обстоятельства подтверждающего отсутствие согласия. Верховный Суд РФ, наоборот, указывает на то, что достижение согласия жертвы путем обмана или злоупотребления доверием исключает ответственность за любое преступление против половой неприкосновенности или половой свободы личности. Хотя, на наш взгляд, и из этого правила могут быть исключения. Понятно, что обещание жениться или подарить какую-то вещь жертве не столько влияет на свободу ее воли, сколько обнажает ее скрытые мотивы. Однако, когда преступник выдает себя за другого человека, а жертва объективно уверена, что дает согласие на вступление в половой контакт с совершенно другим лицом, то это, на наш взгляд должно быть квалифицировано как изнасилование, а обман приравнен к насилию.

В деле Ассанжа согласие жертвы было сочтено недействительным, поскольку ее условие об использовании презерватива было проигнорировано. Логика приговора суда понятна и, на наш взгляд, объективна, поскольку такая просьба жертвы может являться способом избежать негативных для нее последствий изнасилования (нежелательная беременность, заражение венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией). Такая же позиция о недостаточности предложений или просьб жертвы об использовании презервативов или иных противозачаточных устройств в отношении преступника для признания согласия высказывается в рамках ст. 261.7 Уголовного кодекса штата Калифорния [5].

Что касается случаев супружеских изнасилований, то, по нашему мнению, заключение брачного союза не порождает автоматического согласия со стороны любого из супругов, поэтому вопрос о признании возможности совершения изнасилования в рамках брачно-семейных отношений не вызывает сомнений. Женщина, выходя замуж, не теряет прав на половую неприкосновенность и половую свободу, а сам брак не является фактором, обязывающим ее вступать в интимные отношения с мужем без согласия. И, несмотря на то, что в некоторых зарубежных странах отдельно регламентируется ответственность за супружеские изнасилования, отечественный законодатель не стал сужать круг возможных жертв и преступников и сделал норму об ответственности за изнасилование (впрочем, как и за иные насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности) максимально универсальной.

В заключении необходимо осветить вопрос о согласии несовершеннолетней жертвы. Исходя из ст. 134 УК РФ, шестнадцатилетие является возрастом согласия для вступления в интимные отношения. Поэтому совершеннолетнее лицо, вступающее в подобные отношения с не достигшей указанного возраста жертвой, подлежит ответственности по ст. 134 УК РФ. Причем это будет относиться и к жертве, достигшей двенадцатилетнего возраста и не достигшей шестнадцатилетнего возраста: высказанное ими согласие на половое сношение с совершеннолетним лицом влечет за собой наступление ответственности по ч. 3 ст. 134 УК РФ, в то время как аналогичное согласие жертвы, не достигшей возраста двенадцати лет, не может быть признано объективным в силу возраста, и должно влечь ответственность за изнасилование.

Подытоживая сказанное, необходимо заметить, что, хотя несогласие является центральным элементом изнасилования, отечественный законодатель не посчитал необходимым его включение в диспозицию изнасилования, что недостаточно, на наш взгляд, компенсируется упоминанием согласия в рамках Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Уголовному закону еще предстоит разработать принципиальный стандарт несогласия, отражающий интересы, защищаемые криминализацией изнасилования, и законодательный опыт зарубежных стран может стать в этом настоящим подспорьем.

Примечания

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №2.

2. Каменева А. Н. Проблема «Согласия» жертвы при квалификации изнасилования в России и зарубежных странах // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. №2. С. 76.

3. Состояние преступности в РФ (архивные данные 2017-2021 гг.) [Электронный ресурс] // МВД России [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 01.05.2022).

4. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс] // Lexicography.online – словари русского языка [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/%D1%81/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 01.05.2022).

5. California Penal Code [Электронный ресурс] // California Legislative Information [сайт]. URL: https://95.216.20.8/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PEN&division=&title=9.&part=1.&chapter=1.&article=&__cspo=aHR0cHM6Ly9sZWdpbmZvLmxlZ2lzbGF0dXJlLnNhLmdvdg (дата обращения: 01.05.2022).

6. New York Penal Law [Электронный ресурс] // The New York State Senate [сайт]: URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN> (дата обращения 01.05.2022 г.).

7. Protecting the Public: strengthening protection against sex offenders and reforming the law on sexual offences (White Paper, Cm 5668, 2002) [Электронный ресурс] // The national archives [сайт]: URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20131205100653/http://www.archive2.official-documents.co.uk/document/cm56/5668/5668.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

8. Sexual Offences Act 2003 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk [сайт]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/contents> (дата обращения: 01.05.2022).

9. Texas Penal Code [Электронный ресурс] // Texas Constitution and Statutes [сайт]. URL: https://95.216.12.176/Docs/PE/pdf/PE.22.pdf?__cspo=aHR0cHM6Ly9zdGF0dXRlcy5jYXBpdG9sLnRleGFzLmdvdg (дата обращения: 01.05.2022).

10. Assange v Sweden. England and Wales High Court (Nov 2, 2011) [Электронный ресурс] // Casemine [сайт]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7bd60d03e7f57eb1b04> (дата обращения: 01.05.2022).

11. People v. Williams. Supreme Court of California (Dec. 21, 1992) [Электронный ресурс] // Casemine [сайт]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bec6add7b049347aa4f0> (дата обращения: 01.05.2022).

12. Tyson v. State. Court of Appeals of Indiana, Second District. (Sep 22, 1993) [Электронный ресурс] // Casemine [сайт]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914be57add7b049347a7c92> (дата обращения: 01.05.2022).

А. О. Казахова, Н. Х. Бузарова

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО ДЕЯНИЯ

Для полной характеристики малозначительного деяния существенное значение имеет вопрос об уголовно-правовых и иных юридических последствиях его совершения. В уголовно-правовой науке этот вопрос не получил однозначного решения, причем позиции участников дискуссии по этому поводу нередко диаметрально противоположны. В данной статье предпринимается попытка обобщить некоторые последствия совершения малозначительного деяния.

Ключевые слова: *малозначительное деяние, прекращение уголовного преследования, административное правонарушение, обстоятельства, исключающие преступность деяния.*

В ряде публикаций высказывается мнение о том, что совершение малозначительного деяния влечет освобождение от уголовной ответственности, а само малозначительное деяние должно рассматриваться в качестве специфического основания освобождения от уголовной ответственности [1]. Сторонники этой точки зрения, как правило, ссылаются на административное деликтное законодательство, которое регламентирует малозначительность административного правонарушения в качестве основания освобождения от административной ответственности (ст. 2.9 КоАП РФ). В частности, И. П. Лесниченко из этого делает вывод, «что сущность малозначительности

деяния в административном и уголовном праве должна быть единой, как и ее правовые последствия», и на этом основании предлагает сформулировать в главе 11 УК РФ самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности – малозначительность деяния [2].

С аналогичными инициативами выступают И.Э. Звечаровский, М.О. Саидов, Б.В. Яцеленко, считая необходимым при этом ограничить категорию деяний, при совершении которых может применяться соответствующее основание освобождения от уголовной ответственности. В частности, они предлагают «внести следующие изменения и дополнения в действующее уголовное законодательство. Во-первых, исключить ч. 2 из ст. 14 УК, признав тем самым, что малозначительное деяние – это не просто уголовно-противоправное, но преступное деяние. Во-вторых, дополнить гл. 11 УК самостоятельным видом: «Освобождение от уголовной ответственности за малозначительное преступление». Статью, регламентирующую такой вид освобождения от уголовной ответственности (ст. 74.1 УК), сформулировать так: «Лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если совершенное им деяние признано малозначительным, то есть причинило незначительный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, при направленности умысла на причинение вреда именно такого вида и размера». В случае принятия данного предложения необходимо дополнить УПК ст. 27.1 «Прекращение уголовного преследования в связи с признанием преступления небольшой тяжести малозначительным» [3].

Однако согласиться с подобным научным подходом сложно. Во-первых, освобождение от уголовной ответственности возможно лишь в случае, если имеется основание для возложения таковой. Между тем малозначительное деяние не образует основания уголовной ответственности, так как в силу прямого указания ч. 2 ст. 14 УК РФ оно не признается преступлением. Поэтому освобождение от уголовной ответственности за совершение малозначительного деяния лишено смысла. Во-вторых, анализ предписаний главы 11 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что фактическим основанием освобождения от уголовной ответственности является позитивное посткриминальное поведение виновного (исключением в этом плане явля-

ется лишь освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности), тогда как малозначительное деяние подобными характеристиками очевидно не обладает. С учетом перечисленных обстоятельств, малозначительность деяния нельзя считать основанием освобождения от уголовной ответственности.

Некоторые специалисты отстаивают точку зрения, согласно которой малозначительность деяния исключает его преступность, и на этом основании приравнивают малозначительность к обстоятельствам, исключающим преступность деяния [4], регламентированным главой 8 УК РФ. «Категория «малозначительность деяния», – пишет Ч. М. Багиров, – несмотря на свою специфичность, по правовой природе наиболее близка к обстоятельствам, исключающим преступность поведения». Развивая эту мысль, он предлагает включить норму о малозначительности деяния в главу 8 УК РФ, изложив ее в следующем виде:

«Статья 42.1. Малозначительность деяния:

1. Не признается преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам малозначительным деянием.

2. Малозначительными признаются умышленные, формально уголовно противоправные действия (бездействия) лица, причинившие незначительный вред охраняемым уголовным законом интересам, при направленности умысла на причинение именно такого вреда» [5].

По всей видимости, ассоциации о схожести малозначительности деяния с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, вызваны тем, что ч. 2 ст. 14 УК РФ, так же, как и ст. 37-42 УК РФ, начинается со слов «не является преступлением». Однако, несмотря на сходную текстуальную формулировку, малозначительное деяние и деяния, преступность которых исключается в силу предписаний главы 8 УК РФ, имеют разную юридическую природу.

Все деяния, совершенные при наличии обстоятельств, указанных в главе 8 УК РФ, объединяет общий признак – причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, причем этот вред может быть очень существенным (вплоть до причинения смерти человеку). Иными словами, эти деяния обладают общественной опасностью, свойственной преступлениям, что предопределяет их сходство с преступными деяниями.

Их преступность исключается не в силу отсутствия общественной опасности, а по причине их правомерности, дозволенности. Коль скоро законодатель наделяет каждого правом на причинение вреда при наличии предусмотренных главой 8 УК РФ обстоятельств, соответствующие деяния нельзя считать противоправными [6].

Что же касается малозначительного деяния, то оно, напротив, лишено общественной опасности, свойственной преступлениям. А потому ставить знак равенства между малозначительными деяниями и деяниями, преступность которых исключается в силу обстоятельств, предусмотренных главой 8 УК РФ, недопустимо. К такому же выводу приходит С. Г. Келина, указывая, что малозначительное деяние «не причиняет вреда, объективно равному вреду, причиняемому при совершении преступления» [7].

Представляется, что малозначительность деяния следует рассматривать в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего уголовную ответственность. Эти обстоятельства неоднородны, а их система довольно сложна. Ю. В. Баулин, детально исследовавший эту систему, выделяет три группы сходных с преступлением деяний, уголовная ответственность за которые исключается: 1) поступки, которые отличаются присущей преступлению общественной опасностью, но которые по каким-либо причинам не предусмотрены уголовным законом (с точки зрения действующего уголовного законодательства к ним можно отнести общественно опасные деяния, не криминализованные законодателем, а также общественно опасные поступки малолетних или невменяемых лиц, случаи невиновного причинения вреда); 2) поступки, формально соответствующие признакам деяния, предусмотренного в УК, но по своему содержанию лишённые общественной опасности (к ним как раз и относятся малозначительные деяния); 3) поступки, которые, внешне напоминая преступление, в отличие от него, характеризуются положительным социально-политическим содержанием и представляют собой оправданное с социальной и правовой точек зрения причинение вреда (в эту группу входят деяния, преступность которых исключается в силу наличия обстоятельств, предусмотренных главой 8 УК РФ) [8].

Намного более сложную систему обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, моделирует Д. А. Дорогин,

который предлагает дифференцировать эти обстоятельства следующим образом: 1) отсутствие противоправности; 2) отсутствие общественной опасности; 3) отсутствие виновности; 4) отсутствие наказуемости; 5) отсутствие объекта преступления; 6) отсутствие объективной стороны преступления; 7) отсутствие субъективной стороны преступления; 8) отсутствие субъекта преступления; 9) отсутствие состава преступления в его особых формах. При этом уголовная ответственность за малозначительное деяние, с точки зрения Д. А. Дорогина, исключается в силу обстоятельства второй группы – отсутствия общественной опасности деяния [9].

Не углубляясь в обсуждение достоинств и недостатков вышеизложенных доктринальных подходов, отметим, что и Ю. В. Баулин, и Д. А. Дорогин обоснованно считают малозначительность деяния самостоятельным обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, подчеркивая при этом, что уголовная ответственность за малозначительное деяние исключается в силу отсутствия общественной опасности как признака преступления.

Полностью разделяя эту точку зрения, констатируем, что *уголовно-правовым последствием малозначительности деяния является исключение уголовной ответственности*. Иными словами, «малозначительное деяние ничтожно для уголовного права» [10].

Итак, малозначительность деяния полностью исключает уголовную ответственность за его совершение. Что же касается возможности привлечения к иной юридической ответственности за малозначительное деяние, то это вопрос остается открытым. Обобщение юридической литературы позволяет выделить два основных подхода к его решению.

Согласно первому из них, при совершении малозначительного деяния исключается не только уголовная, но и иная юридическая ответственность. Отстаивая эту научную позицию, Ч. М. Багиров пишет: «Являясь по правовой природе непроступным, малозначительное деяние может, однако, влечь иную социальную ответственность. Ответственность эта *не может быть юридической* (административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и др.) в силу абсолютно не общественно опасного характера малозначительного деяния, но может быть моральной, общественной, корпоративной и т. д.» [11].

Второй подход заключается в том, что лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но может при этом быть привлечено к иной юридической ответственности. Этот подход имеет немало сторонников. К их числу относится, в частности, А. В. Наумов, который указывает, что «малозначительное деяние, из-за отсутствия общественной опасности не содержащее в себе состава преступления, может образовывать состав иного правонарушения (например, административного или дисциплинарного), и в этом случае к лицу, его совершившему, могут быть применены меры административного или дисциплинарного воздействия, не являющиеся уголовным наказанием» [12].

Оценивая эти теоретические подходы, отметим, что ключом к решению вопроса о юридических последствиях малозначительного деяния может служить правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в Определении от 16.07.2013 № 1162-О. Согласно этой правовой позиции, «лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но – при наличии к тому оснований – может быть привлечено к другому виду юридической ответственности (например, административной, дисциплинарной)» [13]. В целом эта правовая позиция заслуживает поддержки, ведь малозначительное деяние не может оставаться без реакции со стороны государства, поскольку определенным зарядом опасности оно все же обладает. Но при этом нужно обратить внимание на принципиальную оговорку, сделанную Конституционным Судом Российской Федерации, в соответствии с которой лицо, совершившее малозначительное деяние, может быть привлечено к юридической ответственности лишь при наличии к тому оснований.

Отталкиваясь от этого, приходится констатировать, что административная ответственность за малозначительное деяние наступать не может, так как основания для нее отсутствуют. Хотя КоАП РФ не содержит нормы, регламентирующей основание административной ответственности, в административно-правовой науке достигнут консенсус относительно того, что таковым является совершение административного правонарушения или деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения, что, по большому счету, одно и то же. Однако малозначительное деяние нельзя расценивать

как административное правонарушение, поскольку оно соответствует признакам состава преступления.

Деяние может быть признано административным правонарушением лишь в том случае, если отсутствуют признаки состава преступления. Например, кража имущества стоимостью до 2500 руб., совершенная без квалифицирующих признаков, не образует состава преступления и расценивается как административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.27 КоАП РФ. Однако, это деяние нельзя считать малозначительным в контексте ч. 2 ст. 14 УК РФ. Оно может быть признано малозначительным лишь в административно-правовом смысле, на основании ст. 2.9 КоАП РФ.

Юридическая оценка «пограничных», смежных деяний, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ, подчинена бинарной логике – в деянии содержится либо состав преступления, либо состав административного правонарушения. А поскольку регламентированное ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительное деяние соответствует признакам состава преступления, то признать его административным правонарушением нельзя, что исключает возможность привлечения к административной ответственности. Очень точно подметила это М. В. Левадная: «Выделяя в ч. 2 ст. 14 УК РФ такой вид деяния, как малозначительное деяние, законодатель фактически признает существование промежуточного вида негативного поведения лица, которое не укладывается в дихотомию административного и уголовного правонарушения, поскольку оно находится между преступлением и административным правонарушением» [14]. Подобная природа малозначительного деяния исключает как уголовную, так и административную ответственность за его совершение.

Что же касается иных видов юридической ответственности – дисциплинарной и гражданско-правовой, – то препятствия для их возложения на лицо, совершившее малозначительное деяние, отсутствуют. Проиллюстрируем это на примере конкретного уголовного дела.

По приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10.04.2013 Силин А. А. осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

17.01.2012 Силин А. А., с целью погасить штраф, наложенный на него как на должностное лицо, дал главному бухгалтеру МУП «УК ПЖЭТ N <...> <...> района <...>» К. указание об его

оплате за счет денежных средств, находящихся у нее в подотчете, что последняя и выполнила. После этого К. составила авансовый отчет, к которому приложила чек банка на сумму 1000 рублей, на основании чего данная сумма была с нее списана и отнесена на расходы предприятия.

Изучив материал и доводы кассационной жалобы осужденного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и прекратила уголовное дело в связи с малозначительностью содеянного, сославшись на ч. 2 ст. 14 УК РФ [15].

Очевидно, что вывод суда о малозначительности хищения исключает не только уголовную, но и административную ответственность за его совершение. В силу прямого указания ч. 1 ст. 7.27 КоАП присвоение или растрата чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей, могут быть квалифицированы как мелкое хищение лишь при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. А поскольку судом установлено, что совершенное Силиным хищение образует состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, то он, конечно же, не может быть привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ.

Но это не освобождает его от гражданско-правовой ответственности. В соответствии с п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица (как в нашем случае), подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Не исключено и привлечение виновного к дисциплинарной ответственности. В рассматриваемой ситуации директор муниципального унитарного предприятия может быть уволен. Пункт 2 ст. 278 Трудового кодекса Российской Федерации позволяет собственнику имущества организации (в нашем случае – муниципалитету) принять решение о прекращении трудового договора с руководителем организации.

Дисциплинарная ответственность – это, пожалуй, наиболее эффективная из имеющихся мера реагирования на малозначительные деяния, совершенные государственными служащими. В частности, малозначительное получение взятки, малозначительное хищение имущества, совершенное полицейским, дают все основания для его увольнения со службы, или, по крайней

мере, для наложения иного дисциплинарного взыскания (это в полной мере относится к сотрудникам других правоохранительных органов, а также иным государственным служащим).

Таким образом, вопрос о юридической ответственности за малозначительное деяние должен решаться дифференцировано. Уголовная и административная ответственность за его совершение исключена, тогда как гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность применяться могут (причем одновременно). С учетом этого, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно юридических последствий малозначительного деяния, отраженная в Определении от 16.07.2013 № 1162-О, требует некоторого уточнения. Напомним, что в качестве примера иной юридической ответственности, к которой может быть привлечено лицо, совершившее малозначительное деяние, Конституционный Суд указал административную и дисциплинарную ответственность, что, как мы выяснили, не в полной мере соответствует действительности. Надеемся, что в дальнейшем Конституционный Суд скорректирует свою позицию в этой части, сохранив принципиально верный подход, согласно которому лицо, совершившее малозначительное деяние, может быть привлечено к другому виду юридической ответственности при наличии на то оснований.

Примечания

1. Корсун Д. Ю. Юридические последствия малозначительного деяния, содержащего признаки состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 153-157.

2. Лесниченко И. П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 17.

3. Звечаровский И. Э., Саидов М. О., Яцеленко Б. В. Юридическая природа малозначительного деяния // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 3. С. 63-64.

4. См.: Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М.: Наука, 1987. С. 121; Орешкина Т. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. 2003. № 2. С. 57;

Шатилович С. Н. Малозначительность деяния как обстоятельство исключающее преступность деяния: законодательство, теория, практика // Современные проблемы науки, образования и производства: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, специалистов, преподавателей и молодых ученых. Н. Новгород, 2008. С. 12-15.

5. Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 6.

6. См.: Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. – С. 25-34; Кибальник А. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2009. С. 5.

7. Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. №3. С. 5.

8. Баулин Ю. В. Основания, исключающие преступность деяния: учеб. пособ. – Киев, 1989. –С. 7-9.

9. См.: Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9-10.

10. См.: Лобанова Л. В., Рожнов А. П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. №6. С. 46-50.

11. Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 10.

12. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 314.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

14. Левадная М. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Закон и право. 2018. №9. С. 125.

15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2015 № 51-УД15–1 «Консультант Плюс».

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

В статье рассматривается стратегия борьбы с мошенничеством в сфере страхования. Исследуются различные уровни действия причин и условий преступности: общесоциальный; специально-криминологический и индивидуальный. На основании проведенного анализа авторами предложены основные направления работы службы безопасности страховой компании.

Ключевые слова: *мошенничество; страхование; предупреждение; имущество; хищение; причины и условия преступности; страховые компании.*

Стратегия борьбы с преступностью как социально-негативным явлением включает в себя в качестве одного из основных направлений предупреждение преступлений, под которым следует понимать государственную и общественную деятельность, направленную против преступности, минимизацию ее количественных и качественных показателей, путем воздействия на ее криминогенные детерминанты [1, с. 48].

Предупреждению преступности в криминологии дается определение как комплексной системе мер, направленной на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин преступности, ее отдельных видов и условий, им способствующих; выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и позитивное воздействие на них [2, с. 265-266].

По уровню действия причины и условия преступности делятся на три вида: общесоциальный; специально-криминологический и индивидуальный уровни.

Общесоциальное предупреждение (общесоциальный уровень) включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на устранение социальных, экономических, правовых, культурно-воспитательных и других детерминант преступности. Как справедливо отмечает В. Н. Агренько, в качестве субъекта общесоциального предупреждения преступности выступают государство, общество, практически все институты гражданского общества [3, с. 96].

Специальная профилактика направлена на выявление, устранение, ослабление, нейтрализацию детерминант пре-

ступности применительно к отдельным видам (группам) преступлений и типам преступного поведения.

Индивидуальная профилактика (индивидуальный уровень) направлена на:

а) недопущение негативного воздействия на конкретную личность, формирующего у него антиобщественную направленность и общественно опасное поведение;

б) коррекцию поведения личности путем самостоятельного перехода его к социально одобряемому поведению;

в) непосредственное пресечение приготовительных действий к совершению преступления или покушения на него [4, с. 307-310].

Многообразие профилактической деятельности и ее сложность обуславливают и существование множества различных субъектов этой деятельности, которые для реализации общей задачи по предупреждению преступлений должны непосредственно взаимодействовать между собой и координировать свои действия.

Задачи и функции субъектов профилактики напрямую зависят от места и роли данного субъекта в государстве и обществе, на что непосредственно направлена их профилактическая деятельность.

Представляется, что применительно к субъектам предупреждения мошенничества в сфере страхования или страхового мошенничества более правильным будет использование классификации, в зависимости от специализации, на специализированные субъекты, функция предупреждения у которых выступает в качестве основной или одной из основных (органы МВД, в первую очередь, подразделения Управления экономической безопасности и противодействия коррупции, и службы безопасности страховых компаний), и неспециализированные, для которых предупреждение не является основной функцией (Федеральная служба страхового надзора РФ, Российский союз автостраховщиков и др.).

Следует отметить, что на органы внутренних дел возложена обязанность по раскрытию преступлений, изобличению преступников и проведению профилактической работы по предупреждению преступлений.

Особо отметим, что в деятельности Управления экономической безопасности и противодействия коррупции по преду-

преждеднию преступлений следует выделить два основных направления.

Первое направление связано с установлением криминогенных детерминант, порождающих совершение мошенничества в сфере страхования или активно способствующих ему, в ходе проверки оперативной информации в отношении конкретного лица или фирмы, во время проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Второе направление деятельности подразделений Управления экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению криминогенных детерминант, порождающих совершение мошенничества в сфере страхования или активно способствующих ему, заключается в проведении проверок на предмет наличия лицензии на страхование определенных рисков у страховой компании, причем очень часто привлекаются для этого специалисты Федеральной службы страхового надзора [5, с. 478-482].

Аппаратами Управления экономической безопасности и противодействия коррупции, для того, чтобы устранить выявленные правонарушения в ходе проведенных мероприятий, для принятия соответствующих мер в Федеральную службу страхового надзора РФ, направляются представления о незаконной деятельности страховой компании.

Следует согласиться с мнением Г. М. Миньковского, отмечаящего, что эффективность предупреждения преступлений напрямую зависит от того, насколько четко перед субъектами профилактики определены: круг объектов воздействия, задачи и цели их деятельности, обеспечение их взаимодействия между собой и др. [6, с. 195-196].

Вместе с тем необходимо отметить, что органы внутренних дел по определенным причинам, в первую очередь, организационного характера, не могут в полной мере решать задачи по предупреждению мошенничества в сфере страхования.

Как справедливо отмечает В. Д. Ларичев, даже имея очень большое желание, у правоохранительных органов нет физической возможности подвергнуть проверке каждого потенциального страхователя будущей сделки [7. С. 105]. Необходимо также отметить, что по различным причинам (банковской тайне, коммерческой тайне, налоговой тайне) у правоохранительных органов во многих случаях нет доступа к соответствующей

документации о выполнении хозяйствующими субъектами различных операций, что существенно влияет на своевременность и эффективность предупреждения мошенничества в сфере страхования.

Следует отметить, что достаточно большой объем работы по профилактике мошенничества в сфере страхования, при помощи собственных сил и средств, своих служб безопасности, должен возлагаться на руководителей, акционеров, собственников страховых компаний.

Одной из важнейших задач страховщиков является необходимость объединить усилия по противодействию мошенническим действиям, совершаемым страхователями, иными заинтересованными лицами и страховыми посредниками.

Целесообразно разработать долгосрочную стратегию борьбы с мошенничеством в сфере страхования, а также, используя позитивную практику зарубежных государств, теоретические достижения отечественных ученых, позитивную практику взаимодействия судебно-следственных органов и страховых фирм [4, с. 307-310].

Следующее перспективное направление профилактической деятельности страховых компаний заключается в информационном обмене между ведомствами.

Из положений ст. 30 федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» непосредственно вытекает, что информационное взаимодействие страховщиков и РСА при осуществлении страхования с МВД и другими ведомствами является их непосредственной обязанностью. В соответствии с этим, необходимо наладить механизм взаимодействия подразделений ГИБДД, Управления экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска, таможенных органов, МЧС, органов здравоохранения и других со страховщиками во время расследования обстоятельств происшествий [4, с. 307-310].

Необходимо подчеркнуть, что для предупреждения преступлений в страховых организациях должна выполняться качественная работа страховыми агентами, страховой экспертизой, аудитом, подразделениями по урегулированию убытков, службой безопасности, контрольно-ревизионной службой на всех этапах, начиная с заключения и заканчивая исполнением договора страхования.

Страховые эксперты анализируют статистические данные и материалы по различным видам риска. Например, для правильного определения тарифной сетки, во время страхования автотранспортного средства от угона целесообразно провести анализ статистики угона, марок автомашин, которые чаще всего подвергаются угону, и т. д. Кроме того, до заключения договора страхования, чтобы выяснить возможные риски и предотвратить мошеннические действия, страхователи используют различные меры: с помощью специалистов обследуют объекты страхования, заполнение страхователями опросных листов, анкет и т. д.

Заполненные страхователями анкеты, опросные листы, полученные страховщиком, являются письменным подтверждением тех или иных фактов, и при совершении мошенничества они в качестве доказательств могут быть предоставлены страховщиком компетентным органам или в суд.

Следует отметить, что выяснению подлежит также то, как часто у будущего страхователя наступали страховые случаи, как часто страхователь менял своих страховщиков, а также иные факты, которые необходимы для того, чтобы определить, надежен ли потенциальный клиент и стоит ли с ним заключать договор страхования [8, с. 25].

Существенная помощь в предупреждении мошеннических действий в сфере страхования может быть оказана страховыми агентами. Следует отметить, что ключевым для мошеннических действий является то, достигнет ли он своей преступной цели – получит ли он страховую выплату, является осмотр имущества, подлежащего страхованию и освидетельствование личности потенциального клиента. Именно от действий страховых агентов на данном этапе зависит возможность предотвратить будущую аферу. При этом необходимо отметить, что в качестве соучастников мошенничества очень часто выступают сами страховые агенты. Поэтому все страховые компании должны тщательно контролировать действия своих страховых агентов.

В предупреждении мошеннических действий в сфере страхования отдельная роль принадлежит: департаменту по урегулированию убытков, отделу выплат и другим.

К непосредственной функции подразделения по урегулированию убытков относится разработка положения о порядке рассмотрения убытков по договорам страхования, регламенти-

рующего порядок прохождения документов и полномочия подразделений компании, а также разработка критериев оценки страховых рисков, установления границ причиненного ущерба и конкретной суммы возмещения по данному ущербу, проведение профилактических мероприятий и другие.

В предупреждении мошеннических действий в сфере страхования важная роль принадлежит контрольно-ревизионной службе, которая помогает наладить качество работы всех структурных подразделений страховой компании, проверяя при этом работу, выполняемую страховыми агентами, бухгалтерскими работниками, кассирами, полноту, правильность и качество обслуживания страхователей, выявляя попытки недобросовестных клиентов незаконно или необоснованно получить страховую выплату.

Контрольно-ревизионной службой проводятся плановые и внеплановые проверки, периодичность которых определяется результатами финансово-хозяйственной деятельности страховой компании, а тематика – в соответствии с планами экономической и контрольной работы, основой которой выступают статистика и предоставленные отчеты различных подразделений, результаты проведенных проверок, результаты рассмотрения заявлений и жалоб лиц, заключавших договоры страхования, и т. д.

В предупреждении мошеннических действий в сфере страхования важная роль принадлежит службе безопасности страховой компании, функция предупреждения у которой выступает в качестве основной.

Структура службы безопасности страховой компании определяется поставленными перед ней задачами, в нее могут входить специализированные группы по работе с подразделениями и филиалами компании, осуществляющие сбор и защиту информации, информационно-аналитическую работу, охраняющие руководителей страховых компаний, инкассацию и офисы [5, с. 478-482].

В качестве основных направлений работы службы безопасности страховой компании можно выделить следующие:

1. На стадии заключения договора страхования осуществление контроля за продажей страхового продукта. Особо отметим важность получения на этой стадии объективной информации о клиенте, объекте страхования, в частности:

- изучив документы, удостоверяющие личность, установить личность страхователя, застрахованного и выгодоприобретателя;
- зафиксировать место прописки лица в его паспорте и место его фактического проживания;
- зафиксировать номер телефона;
- установить сосредоточение объекта страхования, его техническое состояние и другие данные;
- получить необходимую документацию о действительном собственнике объекта, подлежащего последующему страхованию;
- внести все данные в базу данных страховой компании.

2. В своей непосредственной деятельности служба безопасности страховой компании напрямую опирается на тесное сотрудничество с различными службами, организациями и учреждениями, к которым относятся: таможенные органы; управления и отделы министерства по налогам и сборам; травматологические пункты и больницы; больница скорой медицинской помощи; наркологические и психоневрологические диспансеры; учреждения судебно-медицинской экспертизы; подразделения МЧС; частные экспертные бюро.

3. Сбор необходимой информации во время выезда к месту страхового события, установление обстоятельств страхового события, размера ущерба; фиксация данных о виновнике происшествия (его паспортные данные, место жительства, марка автомобиля, его номер); составление процессуальных документов на месте страхового события; в определенных случаях осуществление фотосъемки объектов на месте страхового события, зарисовка схем; по результатам выезда на место страхового события составление заключения.

Необходимо отметить, что службы безопасности обладают рядом самостоятельных полномочий, связанных с выяснением причин и обстоятельств страхового случая, осуществлением поиска дополнительной информации, установлением лиц, являвшихся очевидцами того или иного события, выяснением местонахождения указанных страхователем свидетелей в момент, когда страховое событие случилось, и т. д.

4. Информационное взаимодействие с МВД: подразделениями ГИБДД, Управления экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска. Обнаружив признаки

преступления, служба безопасности подает заявление по данному факту в органы внутренних дел, при этом представив и другие материалы, имеющие отношение к обстоятельствам данного конкретного дела: договоры страхования или документы, их заменяющие; платежные документы; заявления, объяснения, докладные записки и рапорта сотрудников, принимавших участие в осмотре имущества, подписании договоров страхования, переговорах, переводе страховых взносов и так далее.

Следует отметить, что вместе с передачей различных документов и материалов служба безопасности может обладать значимой информацией, полученной в ходе осуществления различных проверочных действий, поиска правонарушителей, ведения переговоров и так далее, и связанной с предполагаемыми виновниками преступления, их местонахождением, недобросовестными сотрудниками страховой компании, могущими выступать в роли соисполнителя преступной группы сосредоточением денег и имущества, которые впоследствии могут быть арестованы и так далее [5, с. 478-482].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы.

Целесообразно разработать долгосрочную стратегию борьбы с мошенничеством в сфере страхования, а также, используя позитивную практику зарубежных государств, теоретические достижения отечественных ученых, позитивную практику взаимодействия судебно-следственных органов и страховых фирм.

Одной из важнейших задач страховщиков является необходимость объединить усилия по противодействию мошенническим действиям, совершаемым страхователями, иными заинтересованными лицами и страховыми посредниками, то есть наладить механизм взаимодействия подразделений ГИБДД, Управления экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска, таможенных органов, МЧС, органов здравоохранения и других со страховщиками при расследовании обстоятельств происшествий.

Примечания

1. Пихов А.Х.-А. Транснациональная преступность: опыт криминологического анализа. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 48.

2. Криминология: Учебник / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. М.: Юрист, 2004. С. 265-266.

3. Агренико В.Н. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере страхования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 96.

4. Дмитриева Е. И., Просветова А. А. Общие и специальные меры предупреждения мошенничества в сфере страхования // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 307-310.

5. Обертяева Д. А., Просветова А. А. Профилактика мошенничества в сфере страхования // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 478-482.

6. Криминология: учебник / Под ред. проф. Н Ф. Кузнецовой, проф. Г. М. Миньковского. М., 1998. С. 195-196.

7. Ларичев В. Д. Мошенничество в сфере страхования. Предупреждение, выявление, расследование. М.: ФБК-ПРЕСС, 1998. С. 105.

8. Глебова Д. А., Дудин Е. П. Мошенничество в сфере страхования и методы борьбы с ним // Наука в исследованиях молодежи – 2017: материалы студенческой научной конференции. В 4-х частях. 2017. С. 25.

В. Э. Кокаева

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРАТОРИЯ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены некоторые правовые проблемы наложения моратория на применение смертной казни в Российской Федерации.

Анализируются судебная практика, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дан анализ противоречивости судебной практики. Приведены примеры особо тяжких преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь.

Ключевые слова: *уголовное наказание, смертная казнь, мораторий на применение смертной казни.*

Человеческая жизнь признается высшей ценностью в любом обществе, претендующим на звание цивилизованного. Реальность обеспечения индивидууму права на жизнь – один

из основных показателей степени демократичности государства.

Право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность закреплено в статье 3 Всеобщей декларацией прав человека, принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН.

В Международном пакте о гражданских и политических правах, основанном на Всеобщей декларации прав человека, принятом 16 декабря 1966 и вступившем в силу 23 марта 1976 года, в статье 6 декларируется: «Право на жизнь есть неотъемлемое, охраняемое законом, право каждого человека, где никто не может быть произвольно лишён жизни. В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления, в соответствии с законом, который действовал во время совершения преступления и который не противоречит постановлениям настоящего Пакта и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом» [1].

По инициативе Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в 1983 году был принят протокол к Европейской конвенции о правах человека об отмене смертной казни в мирное время, а в 2002-м – протокол об отмене высшей меры наказания при всех обстоятельствах.

В результате с 1997 года в странах-членах Совета Европы (СЕ) не был казнен ни один человек, а отмена смертной казни стала одним из необходимых условий при принятии в Совет Европы.

В настоящее время в большинстве стран мира смертная казнь запрещена законодательно или не применяется на практике (то есть действует официальный мораторий или приговоры не приводятся в исполнение). Ряд стран, применяющих смертную казнь, приняли меры для сужения сферы её применения.

Возникает вопрос: может ли повлиять запрет на вынесение и исполнение смертных приговоров на количество преступлений? Возможно, да. Страх быть казнённым может остановить потенциального преступника от реализации преступных амбиций.

Осознавая свою безнаказанность, человек способен на многое, зная, что закон его защитит, даже если придется провести остаток жизни за решеткой, его жизнь будет продолжаться.

Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена смертная казнь в качестве исключительного вида наказания за совершение особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 105, ст. 277, ст. 295, ст. 317, ст. 357 УК РФ).

Но, как известно, последний (на сегодняшний день) смертный приговор в РФ за совершение преступления был приведён в исполнение 2 августа 1996 года, когда был казнен серийный убийца Сергей Головкин, орудовавший в 1986-1992 годах в Подмоскowie (дело N 18/58373-86).

Статистика совершения на территории Российской Федерации особо тяжких преступлений растёт с каждым годом. Причиной резкого прекращения вынесения смертных приговоров стал мораторий на применение смертной казни, который ввел первый Президент РФ Борис Ельцин 16 мая 1996 года, Указом «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».

Стоит отметить, что Российская Федерация состояла в Совете Европы 26 лет (с 28 февраля 1996 года до исключения 16 марта 2022 года).

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) настаивала на скорейшей отмене смертной казни в России, указывая, что Россия единственный член этой организации, который не отменил смертную казнь. Кроме того, 30 марта 1998 года Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Вслед за Указом Президента «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 февраля 1999 года №3-П постановил, что до введения на всей территории Российской Федерации судов присяжных наказание в виде смертной казни назначаться не может.

При этом в Указе Президента России ничего не говорится ни об отмене смертной казни, ни о моратории на ее исполнение и назначение. Глава государства поручил Правительству Российской Федерации подготовить для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о присоединении Российской

Федерации к Протоколу № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и рекомендовал палатам Федерального Собрания Российской Федерации обсудить при рассмотрении проекта Уголовного кодекса Российской Федерации вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь.

Из-за возникшей коллизии Конституционный суд РФ, рассмотрев вопрос применения смертной казни, дал подробный ответ о возможности ее применения в Определении от 19.11.2009 N 1244-О-Р. В указанном Определении суд, ссылаясь на Протокол N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, заявил о невозможности применения наказания в виде смертной казни.

Необходимо отметить и тот факт, что указанный Протокол N 6, на который ссылается Конституционный суд РФ, был подписан Российской Федерацией, но не был ею ратифицирован.

Сам термин мораторий (от латинского *moratorius*) означает вовсе не запрет, не отмену, а отсрочку исполнения наказания.

Формального юридического закрепления отмены смертной казни в законодательстве РФ до сих пор нет, что является явным пробелом в законе.

Многие граждане России не поддержали решение о наложении моратория на применение смертной казни и посчитали, что это полный отказ от смертной казни. Особенно такое мнение укрепилось после помилования президентом Ельциным Б. Н. в июне 1999 года 703 осужденных к смертной казни.

Смертная казнь как высшая мера наказания вызывала и вызывает ожесточённые споры. Тем более, что в действующей редакции Уголовного кодекса статья 59 – смертная казнь – свою силу не утратила, хотя, как уже отмечалось ранее, не менее двух десятилетий в России существует так называемый мораторий на применение этого вида наказания.

Согласно Конституции Российской Федерации: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» [2].

Из данной конституционной нормы в ее взаимосвязи со ст. 18 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения), прямо установленной Конституцией РФ; оно является непосредственно действующим и в качестве такового должно определять смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, равно как и деятельность законодательной власти по принятию, изменению и дополнению этого законодательства, и обеспечиваться правосудием [3].

В соответствии с УК РФ смертная казнь не назначается:

– женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором РФ или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи. либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям (ч. ч. 2, 2.1 ст. 59 УК РФ);

– в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. ч. 3, 4 ст. 62 УК РФ);

– лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающему снисхождения; наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 65 УК РФ);

– за приготовление к преступлению и покушение на преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ);

Также при назначении наказания в виде смертной казни не применяются положения ч. 1 ст. 62 УК РФ о том, что при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей

максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ

Согласно положениям ч. 4 ст. 78 УК РФ, решение вопроса о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы или смертной казни, относится к исключительной компетенции суда.

Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет (ч. 3 ст. 59 УК РФ). Помилование осуществляется на основании ст. 85 УК РФ соответствующим Указом Президента Российской Федерации [4].

Основаниями для исполнения наказания в виде смертной казни являются вступивший в законную силу приговор суда, а также решение Президента Российской Федерации об отклонении ходатайства осужденного о помиловании или решение Президента Российской Федерации о неприменении помилования к осужденному, отказавшемуся от обращения с ходатайством о помиловании.

Смертная казнь исполняется непублично путем расстрела. При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач, которым констатируется наступление смерти, что находит отражение в соответствующем протоколе. Администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность об исполнении наказания суд, постановивший приговор, а также одного из близких родственников осужденного [5].

Таким образом, УК РФ, УИК РФ содержат все необходимые положения о назначении и исполнении наказания в виде смертной казни, однако ее применение в настоящее время приостановлено.

Пожизненное лишение свободы, если не считать смертную казнь, является самым строгим видом наказания по уголовному законодательству России. С учетом международных обязательств и правовой позиции Конституционного суда РФ, смертная казнь в нашей стране сейчас не применяется, поскольку сложился легитимный конституционно-правовой режим, направленный на ее отмену.

Сегодня в России количество осужденных к пожизненному заключению составляет не менее полутора тысяч человек. Согласно данным судебной статистики, в Российской Федерации в 2021 году к пожизненному лишению свободы осуждено 47 лиц. Практически все они убийцы. 33 процента из них совершили убийства из корыстных побуждений, 18 процентов – совершивших убийства с особой жестокостью, 12 процентов – совершивших убийства, сопряженных с изнасилованием, 11 процентов – совершивших убийства в составе группы, 9 процентов – совершивших убийства представителей власти, 7 процентов – так называемых «бытовых» убийц. Более 30 процентов являются хроническими алкоголиками и наркоманами, более половины – рецидивисты.

Несмотря на многолетний мораторий, вопрос о возможности применения смертной казни остается актуальным. Существуют уголовные дела (из открытых данных Следственного Комитета России), решения по которым вызывают дискуссию.

Так, например, житель Тульской области 38-летний Александр Брежнев, ранее судимый, вышел из колонии после отбытия срока и на следующий день, 17 июня 2020 года, в поселке Бородинский, угрожая убийством, изнасиловал знакомую. Брежнев знал, что является носителем ВИЧ-инфекции. Спустя неделю он похитил 13-летнюю девочку у районного дома культуры и, угрожая расправой, отвел в лес. Там он жестоко избил ее и изнасиловал. После этого Брежнев нанес школьнице множественные удары ножом, от которых она скончалась. Тульский областной суд согласился с мнением прокурора и назначил виновному пожизненное лишение свободы.

В августе 2021 в селе Джирим Республики Хакасия произошло массовое убийство. Жертвами стала семья из пяти человек. По делу об убийстве был арестован Федор Панов, который освободился из тюрьмы, где отсидел 18 лет за двойное убийство (в 2003-м он расправился с двумя сестрами в том же селе).

7 сентября 2021 года в городе Киселевск (Кузбасс) задержали по обвинению в изнасиловании и убийстве двух 10-летних девочек Виктора Пестерникова, освобожденного два года назад из тюрьмы, где он отбывал десятилетний срок за изнасилование несовершеннолетнего.

Еще одним примером можно считать приговор террористу Нурпаши Кулаеву, единственному осужденному после терак-

та в Беслане 2004 года, в котором погибло 334 человека. Осужденный на пожизненное заключение направил запрос о пересмотре дела. Ввиду моратория на смертную казнь Кулаев был приговорен к пожизненному заключению за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 205, ч. 3 ст. 206; ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 206; ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» ст. 105; ч. 3 ст. 30, ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» ст. 105; ст. 317, ч. 3 ст. 222 УК РФ в колонии особого режима. Однако в Российском обществе тогда был все же поднят вопрос, чтобы к Кулаеву, в силу тяжести совершенного им преступления, применили наказание в виде смертной казни.

Вопросы смертной казни, как вида уголовного наказания остаются спорными. По проблеме неприменения смертной казни во все времена и в любом обществе ведутся дискуссии: одни – за, другие – против смертной казни. Те, кто «за», ссылаются на необходимость защиты общества. Противники смертной казни аргументируют свою позицию тем, что лишение человека жизни – антигуманно и лишает индивида возможности раскаяться в содеянном и искупить свою вину перед обществом. Однако не стоит напрасно рассчитывать на то, что лицо, совершившее в здравом уме особо тяжкое преступление, осознавая при этом степень общественной опасности совершаемого деяния и негативные правовые последствия для себя, в чем-то раскается.

Закон позволяет осужденным к пожизненному лишению свободы освободиться условно-досрочно и выйти на свободу, при соблюдении такими осужденными определенных условий. Освобождение возможно, если у осужденного отсутствуют злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет.

То есть нынешнее законодательство позволяет им выйти на свободу через 25 лет. Если учесть, что средний возраст таких заключенных – около тридцати лет, то на свободу выйдет 55-летний мужчина, возможно утерявший все социальные связи, без дома, без работы, но с твердой жизненной позицией: общество виновато во всем, что с ним произошло. Со всеми вытекающими последствиями.

Американский криминалист Э. Сазерленд сформулировал 5 причин, по которым стоит применять смертную казнь:

– смертная казнь служит более эффективным средством предупреждения преступности, чем другие виды наказаний;

- она экономичнее тюремного заключения;
- она необходима, чтобы не допустить линчевания преступника;
- смертная казнь освобождает общество от дефективных личностей;
- она более надежна, чем пожизненное заключение для лиц, осужденных за умышленное убийство, ибо последние могут попасть под амнистию [7].

Несомненно, смертная казнь является самым строгим видом наказания из всех возможных, но вместе с тем и самым эффективным. Исполнение смертных приговоров позволит сократить количество преступлений, поскольку из страха смерти многие потенциальные преступники могут отказаться от исполнения преступных замыслов, а осужденные к смертной казни не смогут повторить содеянное, что не может не успокаивать граждан.

Примечания

1. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

2. Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 20).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 П-3» По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» (абз. 2 п.4).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ч.ч. 2, 2.1, 3 ст. 59, ч.ч. 3.4 ст. 62, ч. 1 ст. 65, ч. 4 ст. 66, ч. 4 ст. 78).

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N1-ФЗ (ч. 4 ст. 184, ст. 186).

6. «К вопросу о расследовании причин Бесланского те-

ракта 1-3 сентября 2004 года» (Чеджемов Т. Б., Халлаев Х. З.) jurnal.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2016/uri2.html>.

7. «Проблема смертной казни» [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/636738/page:4/>

Н. К. Кораева, О. Х. Качмазов

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Приведены примеры судебной практики, демонстрирующие ее противоречивость при квалификации рассматриваемой группы преступлений. Авторы приходят к выводу о необходимости принятия законодательных мер, в целях более единообразного применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: *уголовно-правовое регулирование, квалификация преступлений, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, смежные составы.*

Незаменимым и решающим условием верной квалификации преступлений следует назвать точный социально-правовой анализ признаков совершенного деяния. Формирование же тождества подлинных обстоятельств преступления и признаков подходящей уголовно-правовой нормы представляется одним из основных условий соблюдения законности при отправлении правосудия по уголовным делам. В наибольшей степени сложной и значимой для практики расследования и судебного разбирательства в уголовном праве является проблема квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Последовательное и структурное совершенствование уголовно-правовых норм – важная предпосылка для правильной квалификации преступлений в области незаконного оборота наркотиков.

Диспозиция статей 228-233 УК РФ является бланкетной,

что уже вынуждает правоприменителя при квалификации преступлений обращаться к иным законам, постановлениям, правилам и предписаниям.

Наряду с незаконным оборотом наркотических средств, немалое количество преступлений осуществляется и в сфере легального обращения с наркотическими, психотропными, сильнодействующими веществами. Такие средства на законных условиях могут быть использованы в медицинской, фармацевтической, исследовательской, учебной, научной и экспертной практике.

Обращая внимание на проблему ошибок при квалификации преступлений, Н. Ф. Кузнецова полагает, что существуют две основные причины таковых – законодательная и правоприменительная. Законодательная ошибка связана с проблемами и неточностями уголовного законодательства, правоприменительная – следствие наличия недостатков деятельности правоохранительных и судебных органов [1].

Выводы судов о размере наркотических средств всегда основываются на анализе заключений экспертов. При этом учитывается, что для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их количества, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, требуются специальные познания. Поэтому по каждому делу суды располагают соответствующими заключениями экспертов и специалистов экспертных подразделений.

Наркотические средства и психотропные вещества нередко находятся в смесях с другими наркотическими либо нейтральными или фармакологически активными средствами. Решение вопроса об отнесении смесей к крупным или особо крупным размерам в этом случае вызывает на практике значительные сложности.

Так, Астраханским областным судом отменен приговор Трусовского районного суда г. Астрахани от 24 декабря 2009 г. в части оправдания гражданина С. по ч. 1 ст. 228 УК РФ. Гражданину С. было предъявлено обвинение в незаконном изготовлении, приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства – смеси гашишного масла количеством 2,92 г.

Оправдывая С., суд в своих выводах, основываясь на заключении эксперта, признал установленным, что у С. была обнаружена смесь частиц растения табака и наркотического средства растительного происхождения кустарного изготовления – масла каннабиса (гашишного масла), и количество гашишного масла в смеси составляет 0,37 г, что не образует крупного размера наркотического средства, установленного Постановлением Правительства РФ.

Однако суд не учел, что наркотическое средство, обнаруженное и изъятое у С., гашишное масло, входящее в состав смеси, включено в Список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I), и в соответствии с законом, размер наркотического средства, входящего в состав смеси, должен определяться исходя из веса всей смеси.

Сложные вопросы квалификации касаются и незаконного приобретения наркотических средств. Незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или их частей, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (в том числе на землях сельскохозяйственных и иных предприятий, а также на земельных участках граждан, если эти растения не высевались и не выращивались), сбор остатков, находящихся на неохраемых полях, посевов указанных растений после завершения их уборки [2].

Так, Усть-Илимским городским судом Иркутской области гражданин П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ. В вечернее время гражданин П. находился на автобусной остановке города Усть-Илимска Иркутской области, где незаконно приобрел, путем присвоения

найденного, наркотическое средство гашиш, оборот которого в Российской Федерации запрещен. Гражданин П. незаконно содержал при себе наркотическое средство, с которым в тот же вечер был задержан сотрудниками полиции в здании вокзала станции «Усть-Илимск». При проведении личного досмотра у него было обнаружен и изъят гашиш в значительном размере – 3,639 граммов [3].

Сбор дикорастущей конопли также относится к приобретению. Приговором Куйбышевского районного суда Иркутской области признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, гражданин С., который незаконно приобрел и хранил без цели сбыта наркотическое средство в особо крупном размере при следующих обстоятельствах. В сентябре 2012 года гражданин С., проезжая на велосипеде по Качугскому тракту, увидел на обочине проезжей части дикорастущее растение конопли, достоверно зная, что оно является наркотическим средством, умышленно, незаконно, без цели дальнейшего сбыта, для личного потребления решил приобрести его путем сбора. Реализуя свои преступные намерения, гражданин С. остановил велосипед недалеко от одного из домов Иркутского района Иркутской области и путем сбора соцветий и стеблевых листьев дикорастущей конопли, которые складывал в имеющийся при нем рюкзак, незаконно приобрел наркотическое средство – марихуану в количестве 1940,2376 грамм в высушенном виде, что является особо крупным размером [3].

Аналогичен и следующий пример, но совсем с иной квалификацией. Гражданину М. было предъявлено обвинение в том, что он собрал в степи дикорастущую коноплю, высушил ее и хранил дома, не имея цели сбыта. Органы предварительного расследования его действия квалифицировали как незаконное изготовление наркотических средств в крупном размере. Однако Кировский районный суд г. Саратова не согласился с этим и признал его виновным только в приобретении и хранении наркотических средств без цели сбыта.

Не признаются изготовлением или переработкой такие действия, как измельчение, высушивание, растирание наркотикосодержащих растений, растворение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов водой, без дополнительной обработки путем выпаривания, рафинирования, воз-

гонки и другими подобными действиями, в результате которых не меняется химическая структура вещества.

Так, приговором Топкинского городского суда Кемеровской области от 26.04.2013 гражданин З. признан виновным и осужден за незаконное изготовление, хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере (ч. 1 ст. 228 УК РФ).

Как следует из обвинительного акта, гражданин З. обвинялся в том, что в конце августа 2012 г., находясь в парке, сорвал верхушки и листья дикорастущей конопли, перенес их в надворные постройки возле жилого дома, где измельчил их путем перетирания через ткань. Полученную пыль гражданин З. смочил водой и спрессовал в небольшие комочки (общая масса 3,617 грамма), которые хранил при себе до момента изъятия. Суд первой инстанции квалифицировал перечисленные действия гражданина З. как незаконное изготовление и хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере.

Вместе с тем суд первой инстанции не учел, что, в соответствии с приведенными выше разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ растирание конопли, после которого ее химическая структура не изменилась, не является изготовлением наркотического вещества.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда сочла необходимым исключить из приговора указание суда на незаконное изготовление гражданином З. (без цели сбыта) наркотических средств и снизить назначенное осужденному наказание (апелляционное определение от 26.04.2013 г.).

Под незаконным хранением без цели сбыта следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением этими средствами или веществами, в том числе для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других местах). При этом не имеет значения, в течение какого времени лицо незаконно хранило предмет преступления. Также не имеет значения место хранения наркотиков – при себе, в помещении, в тайниках или в других местах. Чаще всего приобретение предшествует хранению.

Сбыт наркотических средств пресекается в большинстве случаев именно в ходе проверочной закупки. Для доказывания сбыта наркотических средств предмет преступления изымается

из незаконного оборота. Существующее правоприменительное толкование привело к тому, что все деяния по сбыту наркотиков в судебной практике признаются покушением на сбыт наркотиков. Федеральный закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на усиление борьбы с незаконным оборотом наркотиков, предусматривает, что пожизненное лишение свободы может назначаться за совершение особо тяжких преступлений, в частности, за сбыт наркотиков в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ). Однако, в соответствии с ч. 4 ст. 66 УК РФ, суд не вправе назначить пожизненное лишение свободы за неоконченное преступление, которым признается сбыт наркотиков в ходе проверочной закупки.

Приведенные примеры судебной практики свидетельствуют об отсутствии эффективного уголовно-правового регулирования противодействия незаконному изготовлению и переработке наркотических средств и психотропных веществ вследствие неоднозначной квалификации данных деяний.

Безусловно, законодательные и правоприменительные противоречия при квалификации преступлений должны анализироваться и устраняться на законодательном уровне. Однако пока причины ошибок в квалификации не устранены законодательным органом, возникает необходимость их преодоления в процессе правоприменительной деятельности.

Когда в судебной практике встречаются противоречия в применении закона, то суд обязан рассмотреть спорный вопрос согласно букве всего действующего уголовного законодательства, на основании его общих начал.

Примечания

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 33.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. 16.05.2017) // БВС РФ. 2006. № 8.

3. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002

(ред. от 24.01.2022) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

М. Р. Маргиева, М. Ю. Рассказов

ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В данной статье физическое насилие охарактеризовано как собой сложное и опасное социальное явление, которое может выражаться в разных формах; дано понятие физического принуждения; представлен круг и выявлены составы насильственных преступлений; проанализированы различные виды физического насилия; представлены последствия физического насилия.

Ключевые слова: *физическое принуждение, физическое насилие, противоправный умысел, противоправное деяние, причинение вреда.*

Насилие является одной из серьезных проблем человечества на протяжении всех этапов исторического развития. Ни одно столетие не обходилось без войн, во время которых насилие являлось главным средством достижения результата – для кого-то оно являлось средством завоевания, для кого-то – способом защиты. Более опасной является проблема применения насилия в мирное время, когда одни люди, чувствуя свое превосходство, как физически, так и психологически, пытаются добиться своих целей путем причинения вреда другим.

В правовой науке насилие связывают с противоправным, умышленным воздействием на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, физическую свободу человека, помимо или вопреки его воли. Насилие следует считать одним из системообразующих факторов всей преступности (общуголовной, организованной, профессиональной, экономической и т.п.), а не только насильственной. Понятие насилие не остается не-

изменным, старые формы насилия трансформируются, появляются новые виды, которые требуют познания, с учетом уже новых проявлений. Насилие является научным понятием, выступающим инструментом научного мышления, в то же время, будучи уголовно-правовой категорией, насилие объективировалось в уголовном законе и вследствие этого выступает инструментом правового регулирования.

Физическое и психологическое насилие в уголовном праве традиционно рассматриваются как неразрывно связанные понятия, поскольку содержат психологический аспект, что не исключает их специфики.

Круг насильственных преступлений в значительной степени разнообразен. Законодатель устанавливает запрет на совершение тех форм общественно опасного насилия, которые отражены в уголовном законе. В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) [1] насчитывается более 60 статей, предусматривающих составы преступления, в которых законодатель использует категорию «насилие».

Под физическим насилием обычно понимается общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека, которое осуществляется помимо его воли [5]. По характеру оно может проявляться как в нанесении ударов, побоев, различных ранений, так и в ином другом воздействии на наружные покровы человеческого тела, с применением физической силы, оружия либо иных других предметов, веществ и т. д. Кроме того, физическое насилие может также выражаться в воздействии на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей (например, отравление). Преступные действия, которые выражаются в физическом насилии, могут различаться между собой по размеру причиненного жертве физического вреда жизни или здоровью (смерть либо вред здоровью определенной тяжести, физическая боль). По мнению Р. А. Базарова, физическое насилие в уголовно-правовом смысле представляет собой умышленное применение физической силы к другому человеку, которое имеет своей целью нарушение физической неприкосновенности личности, причинение вреда здоровью или жизни [4].

Л. Д. Гаухман, в свою очередь, под физическим насилием понимает общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека против его воли, которое может

проявляться в двух различных по характеру видах: во-первых, в воздействии на тело человека; во-вторых, в воздействии на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей (например, опаявание, отравление) [6].

Физическое насилие может повлечь различные последствия, которые, в свою очередь, следует отличать от насилия. Так, например, насилие – это всегда действие, а вред здоровью или жизни – его последствия, то есть результат противоправного действия. Насилие не всегда причиняет физический вред человеку, то есть проявление насилия возможно и без последствий, однако, как деяние, оно должно признаваться преступным и наказуемым.

Согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» [2].

Таким образом, насилие в статьях УК РФ (с формулировкой «с применением насилия») следует понимать как физическое насилие, которое связано с причинением физической боли потерпевшему, с ограничением его свободы, а также с причинением вреда здоровью человека легкой, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

В УК РФ значительное количество противоправных деяний, направленных против жизни и здоровья человека, неприкосновенности или половой свободы личности, против собственности, а также другие преступления сопряжены с применением насилия. Но в одних составах преступлений насилие – это одна из составляющих объективной стороны, например, в ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 162 УК РФ применение насилия или угроза его применения указаны в самой диспозиции правовой нормы,

что говорит об обязательности его применения, то есть насилие выступает главным способом совершения преступления. В других же преступлениях, например, в п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 161, «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, насилие является квалифицирующим признаком.

Применение насилия в этом случае увеличивает общественную опасность совершенного преступления, выступает дополнительным обстоятельством, которое включается в состав преступления и меняет его квалификацию.

Существуют различные виды физического насилия. Основным видом физического насилия является телесное насилие, оно направлено на причинение вреда здоровью и жизни, посягает на телесную неприкосновенность потерпевшего. Оно может заключаться в нанесении ударов, побоев и других насильственных действиях, причиняющих физическую боль, в результате чего могут образоваться кровоподтеки, ожоги, раны и т. п.

Разновидностью физического является инструментальное насилие, которое выступает средством достижения преступного результата, чаще всего проявляется в таких преступлениях, как разбой, грабеж, вымогательство, в связи с тем, что характеризуется определенным планом действий преступника [8]. Он используется для достижения конкретной цели, например, корыстной.

Одним из подвидов телесного насилия является сексуальное насилие, которое может проявляться в виде совершения изнасилования, насильственных действий сексуального характера, развратных действий и т. д., сопровождающих применением физической силы. Сексуальное насилие посягает на нормальное психическое, физическое и нравственное развитие личности, а также может привести к тяжким последствиям в виде травм, нежелательной беременности, заболеваний, передающихся половым путем и другое.

Стоит разграничивать понятия «физическое насилие» и «физическое принуждение». Вопрос о соотношении этих понятий остаётся дискуссионным. Например, И.М. Тяжкова полагает, что данные понятия сходны, но физическое принуждение содержит в себе не только физическое воздействие на человека, но и другие действия, которые тем или иным способом могут ограничить свободу действия и передвижения другого лица [7].

Под физическим насилием понимается не только причинение вреда здоровью потерпевшего, но и иные способы воздействия, ограничивающие свободу человека, например, удержание в определенном помещении, даже если потерпевшему не причиняется какой-либо физический вред [3].

Орешкина Т. В. придерживается схожего мнения, но с ее точки зрения понятие физического принуждения шире, и под физическое насилие подпадают только те виды физического принуждения, которые сопровождаются влиянием на организм человека [9].

Противоположной же точки зрения придерживается Д. В. Попов, считающий, что понятия физического принуждения и физического насилия по своему содержанию совпадают, так как и физическое принуждение, и физическое насилие воздействуют на физическое состояние лица [10].

Полагаем, что физическое принуждение входит в понятие физического насилия, поскольку любое физическое воздействие на другое лицо вопреки его воле можно считать насилием, что нашло свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором физическое принуждение, например, оставление в закрытом помещении, которое не является физическим воздействием на организм человека признается насилием.

Р. Д. Шарапов, считая базисной классификацию физического насилия по его роли (месту) в объективной стороне состава преступления, делит его на:

- 1) физическое насилие – основное деяние;
- 2) физическое насилие – средство преступления;
- 3) физическое насилие – конструктивный (конститутивный) признак основного состава насильственного преступления [12].

Пудовочкин Ю. Е. подразделяет физическое насилие на два вида:

1. Посягающее на телесную неприкосновенность.
2. Посягающее на здоровье.

В последнем мы выделяем подвиды физического насилия в зависимости от объема причиненного здоровью вреда:

- причинившее или способное причинить тяжкий вред;
- причинившее или способное причинить менее тяжкий и легкий вред [11].

Большинство авторов считают, что в преступлениях, где физическое насилие причиняет вред личности вне связи с посягательствами на другие общественные отношения, личность (ее жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность) всегда выступает в качестве главного непосредственного объекта, а насилие составляет главный элемент объективной стороны преступления.

Таким образом, физическое насилие представляет собой сложное и опасное социальное явление, которое может выражаться в разных формах.

Применение насилия или угроза его применения характеризует объективную сторону значительного количества преступлений, содержащихся в УК РФ. Физическое насилие является способом совершения преступления, которое включает в себя множество видов, каждому из которых присущи свои индивидуальные признаки.

Физическое насилие представляет собой умышленное, противоправное, общественно опасное деяние, посягающее на неприкосновенность, защищенность, физическую и половую свободу человека, свободу его действий и передвижения против его воли, являющееся способом посягательства на дополнительные объекты уголовно-правовой защиты и причиняющее боль, страдания, существенный вред здоровью и нормальному развитию личности, а в некоторых случаях становящееся и причиной смерти человека.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения :17.11.2022).

3. Алексенко А. А. Физическое насилие как признак объективной стороны разбойного нападения // Генезис научных воззрений в контексте парадигмы устойчивого развития: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 308-310.

4. Базаров Р. А. Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. 1995. № 1. С. 42-43.

5. Белявцева М. А. Понятие «физическое насилие» в уголовно-правовом аспекте // Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2021. С. 93-94.

6. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. 120 с.

7. Иванова Л. М. О видах насилия в уголовном праве // Глагол правосудия. 2012. № 2 (4). С. 34-37.

8. Крылов Н. Г. К вопросу о содержании понятия «Насилие» в российском уголовном праве // Вестник СГЮА. 2016. № 5 (112). С. 7-12.

9. Орешкина Т. В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2020. № 1. С. 34-39.

10. Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 98-101.

11. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики / Ю. Е. Пудовочкин. Ставрополь, 2000. 137 с.

12. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р. Д. Шарапов. СПб., 2001. 296 с.

Х.-М. С. Санакоев, О. З. Челохсаев

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА И (ИЛИ) УЧАСТИЕ В НЕМ

В работе анализируется ст. 210 УК РФ. Рассматриваются различные подходы определению состава этого преступления, вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества и участия в нем, выявляются признаки и цели создания преступного сообщества.

Ключевые слова: *организация преступного сообщества, организованная преступная группировка, преступное сообщество, преступная организация, структурированная организованная группировка.*

Преступное сообщество (преступная организация), согласно нормам действующего Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), является одной из самых опасных форм соучастия.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу понятия преступное сообщество (преступная организация), необходимо обратить внимание на то, что формулируя диспозицию ст. 210 УК РФ, законодатель не обозначает никаких различий между понятиями «сообщество» и «организация», фактически отождествляя их между собой. В доктрине по данному вопросу мнения ученых разделились. Одна группа исследователей наделяют понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» единым содержанием, другие же разделяют указанные термины.

К примеру, Н. С. Рязанов считает необоснованным объединение законодателем по сути таких разных понятий, как «сообщество» и «организация» [1].

В. Быков вообще пишет о том, что в диспозиции ст. 210 УК РФ достаточно закрепить определение преступной организации, а термин «преступное сообщество» правильнее было бы отнести к квалифицирующему признаку.

В. Константинов также не считает слова «сообщество» и «организация» синонимами, даже если они относятся к организованной преступности, так как второе понятие шире первого [2].

Формулируя определение понятия преступной организации, А. И. Долгова наделяет ее признаками специфического «преступного формирования, возникающего в результате расширения масштабов преступной деятельности и вовлечения в нее все большего числа субъектов». Другими словами, термины «преступное сообщество» и «преступная организация» соотносятся в ее трактовке как общее и частное.

Однако большинство ученых придерживаются того мнения, что нецелесообразно наполнять разным содержанием понятия преступного сообщества и преступной организации, которые, по его мнению, наделяны общими признаками, выраженными в масштабности действий, длительности функционирования,

конспиративности и тесной взаимосвязи с государственными, общественными и финансовыми организациями [3].

Аналогичной позиции придерживается В. В. Лунеев, который вообще не признает различий между организованными преступными группами. По мнению указанного автора, все преступные группы, содержащие признак организованности, необходимо определять как «организованные преступные формирования», без необходимости производить их более детальное разграничение [4].

Следственная и судебная практика также не дифференцирует содержательное наполнение терминов «преступное сообщество» и «преступная организация». Анализ правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии прецедентов, выраженных в разграничении указанных понятий в процессе применения ст. 210 УК РФ. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что правоприменители соотносят преступное сообщество и преступную организацию как тождественные понятия.

Понятие преступного сообщества дано в ч. 4 ст. 35 УК РФ, согласно которой, преступное сообщество (преступная организация) представляет собой структурированную организованную группу «или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Однако, по мнению некоторых ученых, приведенное легальное определение преступного сообщества является неудачным и «не позволяет правоохранительным органам и судам однозначно определять его признаки и отграничивать от иных организованных преступных форм». В связи с чем в доктрине предлагаются другие определения преступного сообщества (преступной организации).

К примеру, П. Агапов предлагает в ч. 4 ст. 35 УК РФ закрепить следующее определение преступного сообщества: «Преступление признается совершённым преступным сообществом, если оно подготовлено или совершено структурированным, состоящим из двух или более организованных групп иерархическим объединением, созданным для систематического совершения преступлений».

По мнению В. М. Быкова, ч. 4 ст. 35 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией): если оно совершено такой организацией, которая имеет устойчивую внутреннюю структуру; члены которой при совершении преступления проявляют высокий профессионализм; поддерживают постоянные коррупционные связи с представителями правоохранительных органов, органов власти и управления; целью создания такой организации является постоянное совершение любых умышленных преступления для получения постоянного преступного дохода, а при совершении преступлений все лица, входящие в преступное сообщество (преступную организацию), действуют под единым руководством» [5].

В. В. Лунеев преступное сообщество понимает как «устойчивое объединение лиц, в котором имеется финансовая база; определенная иерархическая структура, отделяющая руководство от непосредственных исполнителей; жесткая дисциплина по вертикали, основанная на собственных нормах; коррумпирование правоохранительных и иных государственных органов для получения информации, помощи или защиты» [6].

Выделяют следующие признаки преступного сообщества:

- количественный состав участников;
- устойчивость;
- структурированность;
- единое руководство;
- цель создания – совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Количество участников преступного сообщества (преступной организации), включая организатора и руководителя, не может быть менее четырех лиц, так как с учетом признака структурированности предполагается наличие в составе преступного сообщества (преступной организации) как минимум двух структурных подразделений либо организованных групп.

Преступное сообщество представляет собой наиболее опасную форму соучастия, при котором преступления совершаются структурированной организованной группой или объединением организованных групп, которые действуют под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного

совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Примечания

1. Рязанов Н.С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1 (38). С. 233.

2. Константинов В. Что такое «преступная организация»? // Законность. 2009. № 5. С. 40.

3. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 284.

4. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. С. 286-287.

5. Быков В. М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // право и политика. 2017. № 1. С. 104.

6. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С. 287.

М. О. Хабаев, О. З. Челохсаев

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, и проблемы, возникающие при применении специфических мер воздействия.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия, меры уголовно-правового характера.*

На сегодняшний день вопросу назначения уголовного наказания несовершеннолетним уделяется особое внимание, обусловленное возрастными особенностями данной категории лиц. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняются

главные аспекты, которые необходимо учитывать суду, назначая наказание несовершеннолетнему [1].

Одним из таких аспектов и, надо отметить, первоочередным, является возраст несовершеннолетнего. В отличие от совершеннолетних, несовершеннолетние лица могут быть освобождены от уголовной ответственности, если будет признано, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает несколько специфических мер воздействия на несовершеннолетних [2]. Первой мерой в УК РФ прописано предупреждение. Данная мера состоит в разъяснении подростку вреда, причиненного его деянием, и возможных последствий в случае повторного совершения преступлений. То есть можно сделать вывод о том, что предупреждение – это разовое мероприятие, имеющее как воспитательное, так и правовое значение, целью которого является осознание несовершеннолетним противоправности своего поведения и соблюдения в дальнейшем социального порядка. Существование в законодательстве ограничения о применении данной меры только при совершении преступления впервые, свидетельствовало бы о целесообразности данной меры, но такого уточнения нет. То есть применение предупреждения возможно и при повторном и последующих нарушениях закона несовершеннолетним.

Следующей мерой является передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих. Передача под надзор предполагает побуждение родителей или лиц, их заменяющих к более усиленному контролю за несовершеннолетним, обращению их внимания на досуг подростка. Однако данная мера может утратить всякий смысл, если имеется вероятность того, что у родителей либо лиц, их заменяющих, нет возможности оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия. Это может быть обусловлено неблагоприятными условиями в семье, отсутствием авторитета взрослых. Поэтому при решении вопроса о передаче несовершеннолетнего под контроль родителей или лиц, их заменяющих, суд должен убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на подростка, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить надлежащее поведение и повседневный контроль за несовершеннолетним. К сожалению,

ответственность за неисполнение этой принудительной меры воспитательного воздействия родителями или лицами, их заменяющими, законодательством не предусмотрена, видимо, в силу отсутствия механизма контроля за данными лицами. И опять же, как и в предыдущем случае, не предполагается возложение обязанностей на самого несовершеннолетнего, а также отсутствует факт принуждения. Более того, принуждение в данном случае относится к родителям или лицам, которые их заменяют, или специализированному государственному органу. Данное положение противоречит принципу личной ответственности, существующему в уголовном праве. Передавая несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, необходимо учитывать их права и обязанности, закрепленные в СК РФ и невозможность возложения на них каких-либо других прав и обязанностей. Таким образом, происходит дублирование УК РФ норм семейного законодательства, но в уголовно-правовом значении. Также отметим такое противоречие исследуемой принудительной меры воспитательного воздействия: фактически мера назначается родителям и лицам, их замещающим, но, соответственно содержанию ч. 4 ст. 90 УК РФ, ответственность за ее систематическое неисполнение возложена на несовершеннолетнего.

Обязанность загладить причиненный вред заключается в том, что несовершеннолетний должен устранить последствия причиненного им вреда. В целом, нужно признать воспитательное значение и наличие принудительного характера этой меры, но отметим, что применена она может быть к небольшому кругу несовершеннолетних. То есть эта мера назначается с учетом имущественного положения подростка.

Следующая мера – ограничение досуга и установление особых требований к поведению, которая характеризуется наложением запрета несовершеннолетнему на посещение каких-либо мероприятий, общественных мест, ограничением распоряжения своим досугом и пребывания вне дома. Перечень таких «запрещений» не установлен и должен назначаться, исходя из личности несовершеннолетнего, не причиняя вред ему самому и не унижая его честь и достоинство. Считаем, что эта мера наиболее соответствует аспектам уголовно-правового принуждения.

Самой строгой принудительной мерой воспитательного воздействия, наиболее отвечающей требованиям уголовно-право-

вого принуждения, является помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ) [3].

Напрашивается вывод, что принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК РФ, в основном не отвечают критериям уголовно-принудительных мер. Целесообразной является лишь передача несовершеннолетнего под надзор специализированного органа, который правомочен устанавливать требования к поведению несовершеннолетнего и соответственно контролировать их исполнение. Содержание этой принудительной меры воспитательного воздействия нужно дополнить возложением на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред, ограничением досуга и установлением особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Если обратиться к судебной практике, то следует отметить, что нередко судебные разбирательства заканчиваются тем, что судья выносит постановление о применении той или иной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление. Обоснованность данных решений практически одинакова: полное признание обвиняемыми своей вины, раскаяние в содеянном, активное содействие раскрытию и расследованию преступления. Одинакова и квалификация содеянного. Однако думается, что принятию таких кардинально разных решений способствует недостаточность теоретических знаний судей в области психологии и педагогики, для того, чтобы действительно определить восприимчивость и потребность подростка в воспитании. Тогда бы и в первом случае к подростку были применены принудительные меры воспитательного воздействия, а не наказание.

В рамках «исключительности применения мер воспитательного воздействия» вызывает проблематика вынесения судами решений в отношении несовершеннолетних: если один суд принимает решение о применении к подростку принудительных мер воспитательного воздействия, то другой – назначает наказание. Полагаем, что это напрямую связано с личностью виновного [4].

Другой проблемой применения мер воспитательного воздействия является то, что меры воспитательного воздей-

ствия назначаются за совершение преступления небольшой или средней тяжести, а мера, указанная в ч.2 ст. 92 УК РФ, – за преступления средней тяжести и тяжкие уголовно наказуемые преступления. Исключения представляют особо тяжкие преступления и ряд составов тяжких преступлений, указанные в ч. 5 ст. 92 УК РФ. На наш взгляд, в данной мере прослеживается аналогия с изоляцией подростка от общества, что противоречит правовой природе мер воспитательного воздействия [5].

Вместе с тем в практике практически не имеется случаев назначения такой принудительной меры воспитательного воздействия, как обязанность загладить причиненный вред. Это связано с отсутствием в законе порядка исполнения данной меры, в частности, нет указания на срок, в течение которого данная мера должна быть исполнена и несоблюдение которого будет свидетельствовать о неисполнении принудительной меры воспитательного воздействия. Также суды учитывают, что у несовершеннолетнего практически всегда отсутствуют самостоятельные доходы. Но данная мера воспитательного воздействия может заключаться и в восстановлении поврежденного имущества собственным трудом несовершеннолетнего, в передаче потерпевшему имущества или определенных предметов в порядке компенсации за имущество, уничтоженное или поврежденное при совершении преступления, либо в денежной компенсации причиненного ущерба. В таком случае важно наличие у подростка трудовых навыков и отсутствие противопоказаний к трудовой деятельности, обусловленных инвалидностью, возрастом, психическими травмами и др. [6].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что такое наказание, как применение мер воспитательного воздействия встречается в решениях судов достаточно часто. Однако эта норма нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе и в вопросах правоприменения. Очевидно, что уголовная ответственность несовершеннолетних требует особого подхода и рассмотрения из-за их возрастных и психологических особенностей. И главной целью должно быть максимально полезное воздействие на перевоспитание и исправление.

Примечания

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.07.2017 г.).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних» п. 34 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

4. Фельдштейн Д. И. Психология воспитания подростка. М., 1978.

5. Справочно-правовая система ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/20309046/#ixzz4leauFm5b>.

6. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 от 15.10.2013 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

М. А. Хадикова, Н. Х. Бузарова

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Статья посвящена уголовно-правовым отношениям и иным средствам охраны в сфере кредитования. Авторы приходят к выводу о целесообразности использования уголовно-правовых ресурсов для охраны интересов кредиторов как элемента правового регулирования предпринимательской деятельности в стране.

Ключевые слова: *мошенничество в сфере кредитования, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.*

Как известно, отношения в сфере кредитования являются разновидностью обязательственных отношений, урегулированных нормами гражданского и финансового права. Однако

это ни в коей мере не исключает необходимости их уголовно-правовой охраны. Совершенно очевидно, что деяния недобросовестных заемщиков, сопряженные с обманом и причинением вреда имущественным интересам кредиторов, представляют высокую общественную опасность. Преступность в сфере кредитования, как совокупность преступлений, сопряженных с невозвратом кредитов, полученных обманным путем, способна нанести существенный урон кредитно-финансовой системе государства, создать условия для экономического кризиса. Подобные ситуации складывались и у нас в стране (90-е годы XX века), и за рубежом (в первое десятилетие XXI века). Поэтому конфликт интересов кредитора и заемщика, рассматриваемый на массовом уровне, приобретает публичный характер и требует уголовно-правовой формы реагирования на него.

Уголовно-правовая охрана интересов кредиторов от неправомерных деяний заемщиков, при подготовке к заключению договора кредитной сделки, установлении и исполнении кредитного обязательства, осуществляется посредством применения ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 176 «Незаконное получение кредита», ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности».

Основным гражданско-правовым способом защиты нарушенных прав кредитора в случае неисполнения обязательства заемщиком является возмещение нанесенного ущерба. В случае использования обмана при заключении кредитной сделки она признается недействительной и применяются последствия ее недействительности.

Согласно предписаниям гражданского законодательства, в случаях оспоримости сделки предъявляются иски о признании этой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности. Если сделка ничтожная, то подается только иск о применении последствий ничтожной сделки.

Основные правовые последствия признания сделки недействительной подразделяются на:

- 1) общие – реституция, т. е. восстановление первоначального положения лица, которое существовало до момента нарушения права;
- 2) специальные – недопущение реституции и конфискация,

предполагающая изъятие всего полученного по сделке в доход государства;

3) дополнительные – возмещение в установленном законом порядке убытков, складывающихся из реального ущерба и упущенной выгоды [1].

Заметим, что допустимы различные варианты этих последствий в зависимости от того: 1) одна сторона или обе действовали умышленно; 2) одна сторона или обе исполнили сделку. К тому же стороны оспоримых сделок могут согласовывать последствия их недействительности, при условии, что это не будет нарушать публичные интересы и интересы третьих лиц.

Следует отметить, что целесообразность использования уголовно-правовых ресурсов для охраны интересов кредиторов в последние годы подвергается сомнению. В научной литературе и некоторых законопроектах поднимается вопрос об исключении из УК РФ ст. 159.1, ст. 176 и ст. 177 УК РФ³³. В качестве доводов чаще всего указывается на: 1) частноправовой характер правонарушений; 2) необходимость ограничения вмешательства государства в сферу экономики и расширения сферы применения гражданско-правовых мер защиты субъективных гражданских прав.

В весомости этих аргументов можно усомниться, если оценить общественную опасность посягательств на отношения, взятые под охрану ст. 176, 177 и 159.1 УК РФ, и имеющиеся в настоящий момент возможности защиты отношений в сфере кредитования исключительно средствами гражданского права.

Как правильно отмечается в научной литературе, основаниями декриминализации следует считать: 1) утрату деянием общественной опасности, что предполагает признание его правомерным; 2) переоценку общественной опасности деяния и установление возможности реагирования на него альтернативными мерами социального (государственного и общественного) воздействия (в том числе административно-правовыми, гражданско-правовыми мерами) [2].

Предложения об исключении уголовной ответственности за деяния, описанные ст. 159.1, 176, 177 УК РФ, представляются несвоевременными и в силу того, что в современных российских условиях гражданско-правовая защита интересов кредиторов от возможных злоупотреблений недостаточно эффективна. Обращение в суд сопряжено с существенными денежными

и временными затратами. Решение суда по делу в пользу истца (кредитора) зачастую не исполняется, что не позволяет рассчитывать на восстановление его нарушенных прав. Но хуже всего то, что нормы о недействительности сделок обладают множеством недостатков с точки зрения содержания и законодательной техники, что порождает разногласия в процессе их толкования и применения на практике [3].

Некоторые сторонники декриминализации преступлений в сфере кредитования (в частности незаконного получения кредита) указывают на то, что публично-правовая ответственность устанавливается в пользу кредиторов – бенефициаров, чей коммерческий, частноправовой интерес защищается за счет бюджетных средств, а сами кредитные организации устраняются от деятельности, связанной с минимизацией коммерческих рисков [4].

Этот довод представляется нам не вполне убедительным. Конечно, кредитор может сделать очень много для предупреждения действий заемщика, создающих опасность нарушения гражданско-правовых обязательств. Для этого он перед заключением кредитного договора осуществляет проверку кредитоспособности клиента, проверяет представляемые им сведения о хозяйственном и финансовом состоянии. В то же время совершенно очевидно, что публично-правовая (уголовная) ответственность устанавливается отнюдь не в пользу кредиторов. Уголовно-правовой штраф взыскивается в доход государства у лица, приговоренного к исправительным работам, часть заработной платы или иного дохода изымается в пользу государства, обязательные работы осуществляются в интересах общества и т. п.

Некоторые специалисты в области гражданского и уголовного права склонны дифференцировать возможности гражданско-правовой и уголовно-правовой охраны субъективных гражданских прав (в том числе и прав кредиторов) в зависимости от их типа. По их мнению, нарушения абсолютных субъективных прав (право собственности) находятся в сфере уголовно-правового регулирования, а нарушения относительных прав (обязательственных) могут находиться в сферах гражданско-правового и уголовно-правового регулирования. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский по этому поводу пишут: «Если речь идет о нарушении права собственности или иного вещного права,

то можно констатировать, что возможности их защиты иные, нежели при нарушении какого-либо обязательственного права, возникшего из договора» [5].

А. Э. Жалинский в своей монографии доказывает, что мошенничества, как и иные хищения, находятся в сфере регулирования не гражданского, а уголовного права. Поэтому, на его взгляд, уголовно-правовые нормы о мошенничестве и гражданско-правовые предписания о недействительных сделках находятся в состоянии конкуренции [6].

Эту позицию отстаивает и С. М. Олейников, который полагает, что «действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, и являющиеся способом преступного посягательства на собственность, находятся за пределами гражданско-правового регулирования». По его мнению, «при совершении преступления под видом заключения договора происходит только фактический переход имущества от потерпевшего к преступнику, а перенос права собственности от одного участника оборота к другому отсутствует... Применительно к мошенничеству в сфере кредитования это означает, что «банк не может претендовать на возврат денежных средств по договору кредита, поскольку указанные денежные средства не были переданы заемщику по причине их хищения, но банк вправе заявить гражданский иск в уголовном деле о хищении» [7].

Следуя логике этих авторов, необходимо признать: 1) существование нарушений, которые могут преследоваться исключительно в уголовно-правовом порядке и, значит, не подлежат декриминализации; 2) возможность декриминализации тех нарушений, на которые можно воздействовать средствами гражданского права с учетом возможностей последнего.

С этой позицией не согласен целый ряд авторитетных цивилистов и криминалистов, полагающих, что уголовная противоправность деяния (в том числе и мошенничества) не исключает противоправности данного посягательства с точки зрения гражданского права и допускающих возможность применения различных мер (уголовно-правовых и гражданско-правовых) для защиты одного субъективного права [8]. Так, А. Безверхов, А. Розенцвайг доказывают, что в содеянном могут наличествовать как признаки недействительных сделок, совершенных под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), так и признаки некоторых разновидностей мошенничества (в том числе и в сфере креди-

тования), а также иных преступлений, способом совершения которых является обман (например, незаконное получение кредита). По мнению этих авторов, в подобных ситуациях имеет место идеальная совокупность преступления и гражданского правонарушения [9].

В. В. Александрова считает, что большинство преступлений в сфере экономики совершается наряду с гражданско-правовым правонарушением. По ее мнению, один юридический факт совершения общественно опасного деяния в сфере экономики может образовывать идеальную совокупность правонарушений, требующих самостоятельной квалификации по нормам как гражданского, так и уголовного права [10].

Вопрос о квалификации недействительных сделок, имеющих место при совершении кредитных преступлений, активно обсуждается в научной литературе. С точки зрения одних ученых, сделка, заключенная при мошенничестве в сфере кредитования, является ничтожной (мнимой) [7].

С этим мнением сложно согласиться, поскольку обязательным признаком мнимой сделки является порок воли обеих сторон. Именно такое толкование признаков мнимой сделки преобладает в правоприменительной практике арбитражных судов.

Другие исследователи рекомендуют квалифицировать сделки, имевшие место при мошенничестве, как ничтожные, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ) [5].

На наш взгляд, правы ученые, которые относят к ничтожной сделке, описанной ст. 169 ГК РФ, антисоциальную сделку, нарушающую норму уголовного закона, охраняющую наиболее важные ценности, либо криминальную сделку, одна сторона которой намерена совершить мошенничество, а другая – иное преступление (например, связанное с приобретением наркотических средств, с дачей взятки или коммерческого подкупа и т. п.) [9]. Что касается правоприменителей, то они в своих решениях в основном ориентируются на п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ», в котором к сделкам, посягающим на основы правопорядка, отнесены сделки, направленные на производство и отчуждение изъятых или ограниченных в гражданском оборо-

те предметов, опасных для жизни и здоровья граждан (например, оружия, боеприпасов, наркотических средств), а также изъятой из гражданского оборота продукции экстремистского содержания и др. [11].

Существует и третий подход, согласно которому нарушение, выразившееся в обмане контрагента при мошенничестве и при незаконном получении кредита, является основанием для оспоримости сделки. Так, К. И. Скловский указывает на то, что сделка по материалам уголовного дела о мошенничестве может называться лишь оспоримой сделкой с установленным пороком (поскольку обман установлен приговором) [12].

Такой же точки зрения придерживаются А. Безверхов и А. Розенцвайг. По их мнению, при мошенничестве в сфере кредитования и незаконном получении кредита имеет место оспоримая сделка, совершенная под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), которая в установленном законом порядке может быть признана недействительной [9].

Со сказанным вполне можно согласиться. В случаях незаконного получения кредита и кредитного мошенничества кредитор, заключая договор кредитной сделки, действует не свободно, а под влиянием обмана со стороны заемщика, который создает у потерпевшего ложное представление о своей кредитоспособности. Это охватывается признаками оспоримой сделки, описанными в ст. 179 ГК РФ. Отнесение сделок, заключенных при мошенничестве в сфере кредитования и незаконном получении кредита к категории оспоримых, совершенных под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), позволяет обеспечивать более полную охрану прав кредиторов. Последствиями оспоримых сделок являются односторонняя реституция и возмещение убытков потерпевшей стороне (кредитору). В то время как ничтожная, антисоциальная сделка (ст. 169 ГК РФ) влечет одностороннюю реституцию и гражданско-правовую «конфискацию» – обращение в доход государства всего полученного по сделке.

Что касается злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, в процессе которого недобросовестные заемщики с целью неисполнения судебного решения нередко оформляют фиктивные договоры дарения или купли-продажи имущества, то эти деяния охватываются гражданско-правовым понятием мнимой сделки. Как показывает исследование право-

применительной практики, сделки, совершаемые должниками с целью сокрытия имущества, признаются мнимыми (п. 1 ст. 170 ГК РФ), а имущество, возвращенное в порядке реституции, используется для погашения кредиторской задолженности.

По нашему мнению, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» следует указать на то, что общественно опасные деяния заемщиков требуют самостоятельной оценки по нормам уголовного и гражданского права. Так, незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) и мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) сопряжено с недействительными оспоримыми сделками, совершенными под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ). Последствиями указанных сделок являются односторонняя реституция и возмещение убытков в виде реального ущерба и упущенной выгоды потерпевшей стороне (кредитору). Сделки с целью сокрытия имущества, совершаемые лицами, виновными в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), являются мнимыми (п. 1 ст. 170 ГК РФ). Последствиями этих ничтожных сделок выступает возврат имущества, скрываемого должником в порядке реституции в его собственность, и последующее взыскание его в пользу кредитора.

Примечания

1. Веленто И. И. Вопросы видов недействительных сделок // Право и государство: теория и практика. 2014. №7. С. 37-46;

2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 308, 309.

3. Султанова Н.А. Гражданско-правовые и уголовно-правовые средства защиты имущественных прав кредиторов от неправомерных действий заемщика при заключении и исполнении кредитной сделки // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. №6. С. 194-196.

Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанная на основании Поручения Президента РФ № ПР-3169 от 28.11.2009 г., Центром правовых и экономических исследований в со-

трудничестве с Институтом современного развития. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/konstept_modern_supernew_light.pdf.

4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 626.

5. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 389.

6. Олейников С.М. Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз // Вестник СПбГУ. Право 3. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 383-396.

7. Шишко И.В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 171,173.

8. Безверхов А., Розенцвайг А. Мошенничество и сделка, совершенная под влиянием обмана: конкуренция или совокупность? // Уголовное право. 2012. №3. С. 32.

9. Александрова В.В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 26.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» // Российская газета. 2015. 30 июня.

11. Скловский К.И. Сделка как элемент состава хищения // Гражданское право современной России / Сост. О.М. Козырь, А.Л. Маковский. М., 2008. С. 45.

А. Д. Хинчагов

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК КАК ВИД НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

В данной статье анализируются особенности лишения свободы, как вида наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества. Рассматриваются сроки лишения свободы, назначаемые осужденным в зависимости от тяжести совершенных деяний, а также виды исправительных учреждений, в которые они направляются для исполнения наказания.

Ключевые слова: *уголовное законодательство, отбывание наказания, судебный приговор, изоляция осужденных, общественная безопасность, исправительные учреждения.*

Лишение свободы является одним из главных видов уголовного наказания. Осужденный, приговоренный к лишению свободы, изолируется от общества на срок, предусмотренный судебным приговором. Виновный отбывает наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении или же в исправительной колонии общего, строгого либо особо строгого режима. Также лишение свободы преступник может отбывать в тюрьме. Виновные, которым назначено наказание в виде лишения свободы, если на момент вынесения судебного решения они не достигли совершеннолетия (18-летия), подлежат содержанию в воспитательных колониях общего либо усиленного режима (ч.1 ст. 56 УК).

Говоря о месте и значении наказания в виде лишения свободы на установленный срок в структуре наказаний, необходимо отметить следующее. Данный вид наказания является одним из наиболее жестких и при этом самым распространенным, как в уголовном законодательстве, так и в правоприменительной практике [3].

Распространенность назначения рассматриваемого вида наказания в большой мере обусловлена вполне конкретными факторами. Основной из них заключается в том, что на сегодняшний день совершается большое количество тяжких и особо тяжких деяний. Кроме того, нередким случаем является множественность деяний, на совершение которых правоприменитель должен реагировать именно таким способом: изолируя виновного от общества.

В некоторых ситуациях лишение свободы является полностью обоснованным по причине объективной потребности именно в таком наказании, применение которого сможет воздействовать на пределы личной свободы преступника. При этом лишение свободы бывает в определенной мере вынужденной, хоть и обоснованной мерой в силу того, что у государства отсутствуют иные, более действенные и гуманные, инструменты воздействия на осужденных. Можно сказать, что на сегодняшний день человечество пока не изобрело ничего более эффективного для достижения целей исправления

виновных и защиты общественной и государственной безопасности.

Важность рассматриваемого вида наказания обусловлена тем, что преступники, представляющие опасность для общества, а также рецидивисты изолируются от социума и, отбывая наказание, оказываются ограниченными в возможности осуществления новых посягательств. Пребывание виновного в стенах исправительного учреждения в течение долгого срока позволяет реализовать комплексные меры, нацеленные на то, чтобы ресоциализировать и исправить его, адаптировать к действующему в стране правовому порядку, заставить вести законопослушный образ жизни в дальнейшем. При этом администрация исправительных учреждений, наблюдательная комиссия и общественность располагают возможностью наблюдать за изменениями в личности осужденного и контролировать процесс его исправления [5].

Основной компонент содержания анализируемого вида наказания, обусловленный его юридической природой и социальной функцией, определяющий распространенность лишения свободы как одного из основных инструментов механизма государственного принуждения, заключается в его способности к обеспечению полной изоляции виновного от общества. Потребность в лишении свободы наступает (а в некоторых случаях представляет собой незаменимую меру уголовно-правового воздействия) в многочисленных ситуациях, в которых уровень и характер общественной опасности содеянного и свойства личности преступника свидетельствуют о том, что, для того, чтобы достичь предусмотренных целей наказания, его следует изолировать на установленный судом либо пожизненный срок.

Отметим, что изоляция преступника от общества обладает внушительным карательным, воспитательным и превентивным потенциалом. Этот вид наказания подразумевает, что виновный будет значительно ограничен в своих правах и свободах, он не сможет в полной мере распоряжаться собой и осуществлять ряд конституционных прав. Речь идет, в частности, о правах на свободу общения, распоряжения собственным временем, выбора места проживания и вида деятельности и пр. Таким образом, изоляция от общества формирует все необходимые условия для того, чтобы преступник исправил-

ся. При этом изоляция от общества выступает существенным фактором, позволяющим обеспечить общественную безопасность и исключить риск совершения новых посягательств осужденными.

Изоляция преступника от общества при отбывании наказания в виде лишения свободы не должна являться абсолютной, так как это привело бы к полной утрате его контактов с социумом, которые способны оказать на него положительное воздействие. Режим реализации рассматриваемого вида наказания будет результативным и целесообразным только в случае, если при его разработке будет приниматься во внимание потребность в обеспечении положительного взаимодействия виновного с социумом посредством различных каналов. Этими каналами могут стать, к примеру, СМИ, встречи с родственниками, друзьями и пр. Содержание преступников в полной изоляции от общества оказало бы пагубное влияние на них. Они бы не могли исправляться и ресоциализироваться, приспособившись к законопослушной жизни на свободе [2].

Основное карательное свойство лишения свободы состоит в том, что оно обладает срочным характером, то есть реализуется в строго установленный срок. В российской уголовно-правовой доктрине, в отличие от законодательства ряда других государств, не разрешается выносить обвинительный приговор без точного указания срока лишения свободы.

В соответствии с частью 2 статьи 56 Уголовного кодекса, этот вид наказания предусматривается санкциями, а значит, суд может предусмотреть срок лишения свободы от полугода до 20 лет. Данные сроки являются более высокими, по сравнению со сроками, закрепленными ранее действовавшим уголовным законодательством. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. срок лишения свободы составлял от 3 месяцев до 10 лет, а за совершение тяжких деяний, приведших к тяжким последствиям, и в отношении рецидивистов, представляющих особую опасность, – не более 15 лет. Следует отметить, что если исправительные работы либо ограничение свободы заменялись на лишение свободы в отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания названных наказаний, они могут быть приговорены к лишению свободы сроком меньше 6 месяцев (часть 3 статьи 56 Уголовного кодекса).

Уголовное законодательство предусматривает определенные основания, по которым виновным может быть назначено наказание в виде лишения свободы с отбыванием его в разных исправительных учреждениях. При этом принимаются во внимание характер и общественная опасность содеянного, а также характеристика личности самого преступника. Условия и правила отбывания данного наказания в стенах учреждения, предусмотренного для реализации таких наказаний, устанавливает уголовное законодательство [1].

Согласно статье 58 Уголовного кодекса, к наказанию в виде лишения свободы приговариваются следующие категории лиц:

а) субъекты, осужденные за неосторожные деяния; срок отбывания наказания составляет не более 5 лет; виновные направляются в колонии-поселения;

б) субъекты, которые были осуждены впервые за осуществление умышленных деяний небольшой либо средней тяжести и тяжких деяний; субъекты, совершившие неосторожные деяния, отбывают наказание более 5 лет; они направляются в колонии общего режима;

в) субъекты, которые были осуждены впервые за осуществление особо тяжких деяний, а также рецидивисты (если виновный ранее был приговорен к наказанию в виде лишения свободы) и лица женского пола, в случае особо опасного рецидива, направляются в исправительные колонии строгого режима;

г) если имеет место особо опасный рецидив деяний и если виновный приговорен к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, он направляется в исправительные колонии особого режима.

То есть осужденным женского пола не может быть назначено наказание, отбываемое в исправительных колониях особого режима [4].

Если виновный приговаривается к лишению свободы по совокупности составов либо по совокупности приговоров (статьи 69, 70 Уголовного кодекса), суду необходимо указать вид исправительного учреждения. Также часть присужденного срока может быть отбита в тюрьме не за каждое отдельное деяние, а только при установлении окончательной меры наказания.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).

2. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях. М.: Юриспруденция, 2018.

3. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Закон и общество, 2015.

4. Хохряков Г. Ф., Саркисов Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван: Айастан, 2018.

5. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность. М.: Эксмо, 2018.

НАШИ АВТОРЫ

Айдарова Нелли Георгиевна – доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», к.ю.н.

Аладжикова Алина Руслановна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Алборова Анна Анатольевна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Билаонова Валерия Тотразовна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Бичегкуев Асланбек Керменович – магистрант 2 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Бузарова Нина Хасановна – доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н.

Гаглов Сократ Казбекович – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Гагоева Агунда Муратовна – студентка 4 курса экономического факультета, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Гончарова Анастасия Сергеевна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Гугкаев Константин Борисович – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Джагаев Ацамаз Валериевич – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Джигоева Мария Иналовна – студентка 4 курса студентка 4 курса экономического факультета, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Золоев Хетаг Валерьевич – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Каболов Владислав Владимирович – доцент кафедры гражданского права и процесса СКГМИ (ГТУ), действительный государственный советник 1 класса, к.ю.н.

Казахова Алина Олеговна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Качмазов Олег Хазбиевич – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», доцент кафедры уголовного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н.

Келехсаева Марианна Валерьевна – доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», к.э.н.

Кокаева Виктория Эдуардовна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Кораева Нонна Константиновна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Макиев Сослан Александрович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», к.ю.н., доцент

Маргиева Милана Рамазановна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления».

Миндзаев Марат Айдарукович – доцент кафедры теории государства и права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н., доцент

Осипов Николай Георгиевич – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Рассказов Михаил Юрьевич – доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н., доцент

Санакоев Хаджи-Мурат Сосланович – магистрант 3 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Титова Мария Николаевна – студентка 4 курса экономического факультета, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Челохсаев Олег Заурович – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», к.ю.н.

Хадикова Мадина Асланбековна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хабаев Марат Олегович – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Хинчагов Анатолий Джамалович – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Хатаев Игорь Еристаевич – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Хинчагова Эльвира Георгиевна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Цалиев Александр Михайлович – зав. кафедрой публичного права и органов власти СКГМИ (ГТУ) д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Цориева Елена Святославовна – доцент кафедры уголовного права и процесса ГБУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова»

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
№ 62**

Издается с 1998 г.

Научный редактор – *Н.Ю. Туаева*
Корректор – *Н.Т. Едзиева*
Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Оформление обложки – *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*

Научный отдел
Владикавказского института управления
362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел.(8672)540499, факс (8672)541580
E-mail: viu-online@mail.ru

Подписано в печать 30.06.2022.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. Печать цифровая.
Гарнитура Pragmatica. Усл. печ. лист. 10,5.
Тираж 200 экз. Заказ №36.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3